

Андрей ДРОБОТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

**УПОЛОДНЫЙ ПУТЬ
К СТАРОСТИ**

18+

Андрей Дробот

Холодный путь к старости

«Автор»

2006

Дробот А. В.

Холодный путь к старости / А. В. Дробот — «Автор», 2006

В июле 2007 года книга "Холодный путь к старости" удостоена почетного диплома Союза журналистов России. Цитатами из книги "Холодный путь к старости" открывался международный съезд журналистов, проходивший в Дагомысе в сентябре-октябре 2007 года под эгидой Союза журналистов России. В феврале 2008 года книга "Холодный путь к старости" награждена Союзом журналистов России «Золотым пером России» на бале прессы, проходившем в Москве.

© Дробот А. В., 2006

© Автор, 2006

ХОЛОДНЫЙ ПУТЬ К СТАРОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

У каждого найдется хотя бы одна история, которая, как птенчик внутри яйца, мечется в голове, стремясь разбить твердую скорлупу самоограничений и вырваться наружу. Видимо, поэтому старики, не дождавшись добровольного слушателя, рассказывают байки тому, кто попадется. Мучается их слушатель, а деваться некуда. Уважай старость. Хоть не стар я, есть и у меня история, связанная с жизнью маленького нефтяного города, возникшего на Крайнем Севере Сибири так быстро, как спешно слетается стая голодных птиц к туше, выброшенного на берег богатого мясом кита. История эта произошла в самый интересный период развития России, в самый уникальный ее период, единственный в истории цивилизации, когда у мизерной части общества появилась возможность быстро поделить и разворовать общественную собственность, созданную десятилетиями упорного труда миллионов людей, несколькими поколениями тружеников страны Советов. Такого никогда не было и вряд ли такое повторится.

Не хотелось бы, чтобы эта история умерла вместе с сиюминутными газетами, где была опубликована. Не хотелось бы, чтобы эта история осталась невысказанной, как истории многих людей, которые так долго тянули с рассказами, что замолчали навечно под неглубоким слоем земли. Сомнения, самоограничение, самопринижение гробят многие начинания. Сколько людей стало тенью вместе со своими сокровенными мечтами?! Люди невероятно уязвимы, непредсказуемо не вечны, но безнадежны в слепой вере в долгую жизнь, чуть ли не в бессмертие.

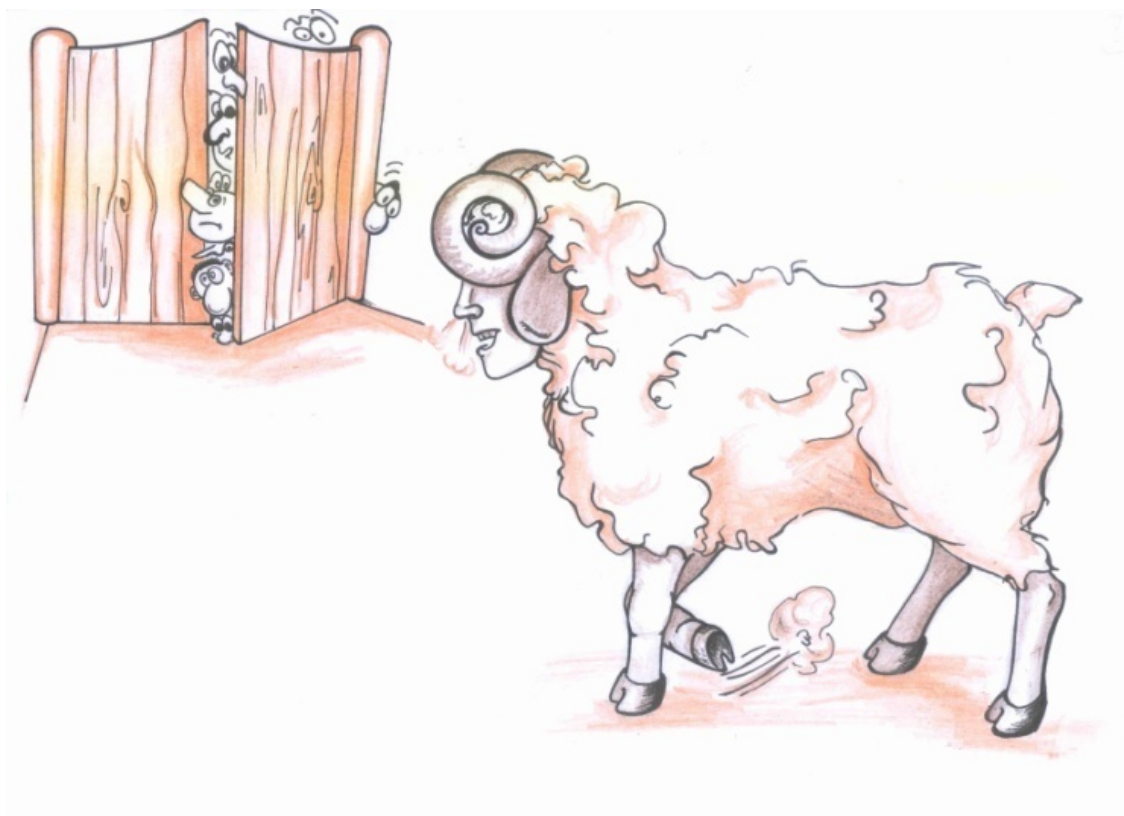
Что ж так зачастую и бывает: будущее не обрывается резко, и некоторые люди, знающие слишком много, растут в должности, получают хорошие зарплаты наперекор убеждению, что их вот-вот должны посадить в тюремные камеры или отправить в уголовные колонии. Но как бы не складывалась жизнь, крест получит каждый, поэтому скорее в путь по строчкам и делам, ибо, как сказал поэт маленького нефтяного города Женя Рифмоплетов:

Окончен год. Что в нем случилось,
Что волновало, как жилось?
Не много ярких получилось
Заметок. Время пронеслось,
По большей части ускользнуло
И кануло невесть куда,
Лишь только дни звездой сверкнули,
Недели стерлись без следа.
Из года получился месяц,
Ну, может, два, не в этом суть.
Все любят о грядущем грезить,
Но не спешат пуститься в путь.
Поэтому цени мгновенье
И каждый шанс «тряхнуть костями».
Скучно костра скупое тленье,
Но манят жаркие огни.

Я с первого прочтения этого стихотворения Рифмоплетова сразу понял, что он имел в виду не год, а всю жизнь. Но обратимся к нашему герою, который уже родился и пожил в небольшом поселке на юге Сибири...

СТУК

«Часто причина конфликтов достойна только улыбки...»

Приятно холодными вечерами попивать горячий душистый чай вприкуску с рассыпчатым печеньем. Федор, худощавый мужчина лет сорока с едкими, как кислота, глазами, сидел за этим занятием на кухне и предавался бездумному, но приятному смотрению в темное окно, за которым осень в свете фонарей расправлялась с пожелтевшей листвой. Тишина нарушалась только порывистым дыханием ветра и аппетитным чмоканьем хозяев.

В углах губ Федора прилипли белесые крошки. На лбу блестела испарина. Он совершенно осоловел от норовистого кипятка и гипнотического вида высеченных рамами картин засыпающей природы. Его жена, вечно веселая и улыбочивая Маруся, тоже пребывала в весьма задумчивом настроении, как вдруг раздался стук в дверь, да такой, что хозяева вздрогнули.

В прихожей под тусклой грушевидной лампочкой, покрытой паутиной и пылью, стоял сосед, Мирон, к которому Федор не испытывал никаких чувств, просто знал, что живет таковой во второй половине кирпичного поселкового дома на двух хозяев, регулярно здоровался с ним и все. Чрезмерно выпуклые соседские глазки недоброжелательно поблескивали.

– Извиняюсь за поздний визит, но мы всегда ложимся спать в десять, нам и завтра рано вставать, а вы нам спать не даете. Прошу не стучать, – сказал незваный, неожиданный гость.

– Я и не стучу, – удивленно ответил Федор и укоризненно усмехнулся.

– Ладно, сосед, брось отпираться. С твоей стороны стук идет. Что мастеришь-то?

– Серьезно говорю. Сидели, чай пили.

– Быть такого не может. Будто кто гвозди вгоняет...

– Заходи. Убедись...

Мужики прошли в комнату, смежную с соседской. Среди скудной обстановки и беленых стен ничего подозрительного. Более того: в кровати лежал примерно двухлетний малыш, олицетворение мира и счастья, и весело на них поглядывал.

– Может, он стучит? – спросил Мирон.

– Перебор, сосед. Он спать лег, все игрушки из кровати убрали. Может, домовый? – Федор попытался перевести разговор в юмористический жанр.

Мирон не верил в домовых. Он в крайне противоречивых чувствах вернулся домой, где попал под ураганное соло жены, имевшей истинно скандальный характер и жаждавшей отмщения и победы:

– Как не стучат?! А кто же долбится каждый вечер?! Может, они мебель собирают и продают налево!!! Ишь теневая экономика! Деньги заколачивают так, что эхо в голове летает! Ненасытные мошны...

На следующий день состоялась вторая встреча Федора с Мироном по поводу стуков, и через день... По прошествии недели Мирон вернулся от Федора немного побитый, а поскольку у него вся родня до десятого колена подрабатывала на стуках в разные организации и не терпела, когда ее перестукивали, он с порога жене заявил:

– Раз он так, то мы его эдак! Скоро в поселке новый дом сдают – пятиэтажный! Может, удастся квартиру выбить. Федор за каждый мой синяк два получит. Садись, мать, письмо сочинять будем.

Шарик авторучки заскользил по бумаге, оставляя следы:

«Помогите. Соседи – изверги совершенно. По вечерам что-то мастерят и втайне продают. Стучат так, что заснуть невозможно от представления, сколько денег они бездежно хапают. Нам обидно за государство, которое налогов лишают (в этом месте Мирон подмигнул супруге и сказал: «Надо ежа под зад чиновникам подложить, чтобы лучше старались»). Если правоохранительные органы не могут оградить нас от посягательств (в этом месте Мирон хохотнул и объяснил: «И стоимостть нашей жалобы укажем для острастки, может, выгорит»), то просим новую квартиру взамен старой, потому как совсем извелись».

Письмо Мирон отнес в соответствующую инстанцию, зарегистрировал и для пущего эффекта стал регулярно туда названивать. А там дисциплина: коль есть настойчивое обращение, от которого не избавиться, значит, разбираться надо...

Федора с супругой принялись донимать комиссии: и уровень шума замерили, и кладовку обыскали в поисках инструмента, и сарай обшарили в поисках непроданного товара... И вот уже Федор с Марусей вечерами не горячий чай пили, а рюмку-другую самогонки, чтобы достойно пережить визиты соседа с сотрудниками милиции, приезжавшими регулярно по его звонку о стуках...

– Иди, открывай, опять в дверь барабанят, – сказала Маруся, затянув покрепче узелок узорчатого платка, который она зачем-то стала надевать по вечерам.

Федор пошел к двери, как провинившийся сын к отцу. Открыл. Никаких неожиданностей: служивые в форме и с оружием. Привычно заломили руки за спину и уткнули лицом в тряпку у порога, которую хозяйка предусмотрительно стирали каждый день, готовясь к обыску. Марусю отодвинули в сторону. И вся серо-зеленая погонная братия, распространяя запах пропотевших заношенных одежд, деловито разбежалась по комнатам. Следом, сцепив руки за спиной, зашел Мирон. На его голове явно не хватало треуголки.

– Лучше, лучше ищите. Здесь стучит.

С улицы раздался визгливый женский голосок:

– Все переройте, но найдите, где эта нехристь мешки с деньгами прячет.

Командир склонился над Федором и спросил:

– Может, сам покажешь?

– Ничего у меня нет. Не стучу я. Осторожнее, прошу. Ребенка не напугайте, – попросил Федор.

– Дитятком прикрывается! – каркнул Мирон.

Милиционеры прошли в комнату. Малыш сидел на кровати и весело на них поглядывал. Олицетворение мира и счастья... и опять никаких предметов, которыми можно было стучать,

ни пыли, ни опилок, ни готовой мебели, ни денег. Милиционеры, как обычно, направились к выходу. Мирон, потирая подбородок, выскочил из квартиры Федора один из первых, опасаясь остаться один на один. Командир, прощаясь с хозяевами, незаметно показал пальцем на Мирона и затем покрутил этим же пальцем у виска...

Доверие к звонкам о стуках постепенно убавлялось, а в инстанциях, вспоминая Мирона, стучали костяшками пальцев по деревяшке... Но как-то служивые в очередной раз зашли в квартиру Федора, по привычке крутя у висков за спиной Мирона, необычно осторожно открыли дверь, где благоденствовал малыш... и до них донесся тот самый стук. Глядь, а малыш стоит на четвереньках в кроватке и «бац!» в стену своей головой, будто боднул. Благо, что стены деревянные.

– Что же ты делаешь, золотко?! – дружно выдохнули все: и служивые, и Мирон, и Федор с Марусей.

Малыш присел, взглянул на вошедших завораживающими карими глазами и обезоруживающе заулыбался, как умеют улыбаться только дети...

Это и есть наш герой, не Федор, как могло показаться вначале, а малыш. Звали его Алик. Он играл, исследовал мир. «Что, глупенькие, обиделись? Я вам помог ощутить жизнь по-новому, а вам бы головы в песок и жить в своем песочном мире, пока сами песком не станете. Не буду больше стучать. Пейте свой чай с мягким сахарным печеньем, смотрите в окно, как в экран, ложитесь спать в десять, словно раз и навсегда заведенные автоматы...», – возможно, так думал малыш, а может, и ничего не думал.

ЖИВАЯ СТИХИЯ

«Случайности – это подсказки судьбы, по которым можно просчитать будущее»

Любопытство упрямо тянуло его затронуть опасный предмет, нажать не на ту кнопку. Еще в детстве под Новый год он пролез под елкой к розетке, чтобы проверить, отчего мигают гирлянды. Ударило током, но это его мало чему научило. Позднее при увлечении сборкой радиосхем, когда он блаженствовал от запаха плотных дымов канифоли и блеска расплавленного припоя, его било током и от ламповых телевизоров и приемников. Собака первый раз его укусила, когда он из отчаянной веселости встрял в игру между двумя домашними овчарками и вырвал мяч прямо из пасти. С той поры псы любых пород угрожающе смотрели на него, словно помнили. Деду, своему любимому деду, на приветствие «Здорово, внучок!» высказал как-то, из желания рассмешить, подслушанную в детском саду рифмованную фразу: «Здорово, корова!!!» Дед, к его удивлению, не восхитился его остроумием и не развеселился, а обиделся, но спустя час простил своего несмышленного внука после его обильных извинений.

Алик никому не желал зла, но зло, таящееся в душах самых добрейших людей, думало иначе. Дикая череда невероятных совпадений исконопатили его жизнь мелкими пятнышками дружеских обид, потому что, если кому-то и пришлось хлебнуть горя от его неистребимых огненных действий, так это ему самому и его близким.

Если в бездумном детстве в шутку кидались камнями, так хороший булжик прилетал ему обязательно. Один раз камень так сильно рассек бровь, что ребята всем двором повели его к дворцу культуры, где в тени скрытных, густо поросших иголками елей из ниши в усыпанной мраморной крошкой стене торчал кусок трубы. Кровь омыли, приложили тополиный лист и отвели Алика домой.

Другой раз, когда спешно закидывали чем придется костер, разведенный в подвальном углублении рядом с домом, Алик спрыгнул вниз, чтобы затоптать пламя, и ему на голову упал целый кирпич, в панике скинутый вниз его другом. Опять кровь. Ну а если камень подкидывали вверх и кричали: «На кого бог пошлет!» – то и не надо было гадать, на кого он упадет.

Алик не оставался в долгу у случая: один раз так сильно расколотил голову своему однокласснику, что тот слег на больничную койку. И опять никакого злого намерения. Компания детей кидала крышку от кастрюли, уподобляясь метателям диска, а то и индейцам из племени Большого Бумеранга. Одноклассник упрямо сидел в вероятной зоне приземления крышки и, несмотря на уговоры, не желал двигаться с места. «В меня она не попадет», – говорил он, копаясь в куче песка. Его ожидания оправдывались, пока за крышку не взялся Алик. Нет, он не целился. Скорее наоборот. Большая стальная крышка взлетела, как летающая тарелка, на мгновение зависла, почти исчезнув на фоне солнечного голубого неба, как бы размышляя, куда приземлиться, и упала точнехонько на голову одноклассника, причем не ребром, а так, как закрывают кастрюлю – плашмя, как в наказание за игры со случаем. Зло как будто охотилось за ним...

Он превратился бы в бедственного пессимиста, если бы не богатая фантазия: если бы она не просеивала окружающий мир, оставляя лишь лучшие его зерна для внутреннего зрения, не уводила прочь от реальности, прочь от повседневных проблем в спасительный рай иллюзий. «Ты не приспособлен к жизни», – говорили ему умудренные жизнью родственники, а ему было все равно: в его душе сэр Найджел радостно шел в последний бой с французскими рыцарями, а везучий бригадир Жерар быстро шевелил извилинами мозга, раздумывая, как улизнуть от поймавших его бандитов. Алик всем сердцем любил гениального фанатика Гарина и мечтал изобрести гиперболоид. Он искренне сочувствовал капитану Немо. Его увлекала судьба инженера Лося, улетевшего на Марс и нашедшего там свою возлюбленную, Аэлилу, и наш герой испытывал безумную тоску, когда Лось возвращался домой, расставшись с Аэлитой навсегда. Он со страхом заглядывал в пещеру Голубого Джона, грезил о кратере Циолковского, всем телом ощущал тяжесть свинцового дождя Второй мировой войны и чувствовал себя просто великолепно на таинственном острове, где царствовали крепкая дружба и приключения...

Но человек слишком многое забывает из прошлого своей жизни уже к окончанию школы.

Говорят: время бежит. Почему бежит? У него нет ног. Говорят: время течет. Почему течет, если не слышно журчания? Видимо, время настолько сложно, что его действиям нет определения в языке. Мы сравниваем его с известными объектами и придаем времени свойства этих объектов. А почему нельзя сказать просто: время – это чередование восходов и закатов, цветенья и увяданья, белого и черного. Так вот: много раз набухали почки, появлялась свежая зелень трав и листья, много раз эта трава жухла, а листья желтели и опадали, прежде чем закончилось детство – и не на всей планете разом, где оно никогда не кончалось, а просто переходило, как эстафетная палочка, от одного поколения к другому, а в одном единственном сердце, которое и является центром нашего повествования, хотя порой будет казаться иначе.

...Горькая попытка заново посмотреть понравившуюся в детстве сказку – и, о горе (!), прозрение: «Детство ушло окончательно не только как возраст, но и как понимание и восприятие». Следом упали в копилку забвения летающие указки директора школы, которыми он лупил сорванцов наотмашь, тоскливо-завистливый, из-за неумения танцевать, школьный вальс выпускного вечера, широкие, как капустные листья, шницеля студенческой столовой, игры в кости с преподавателем на зачет, чайно-персиковый сочинский студенческий стройотряд...

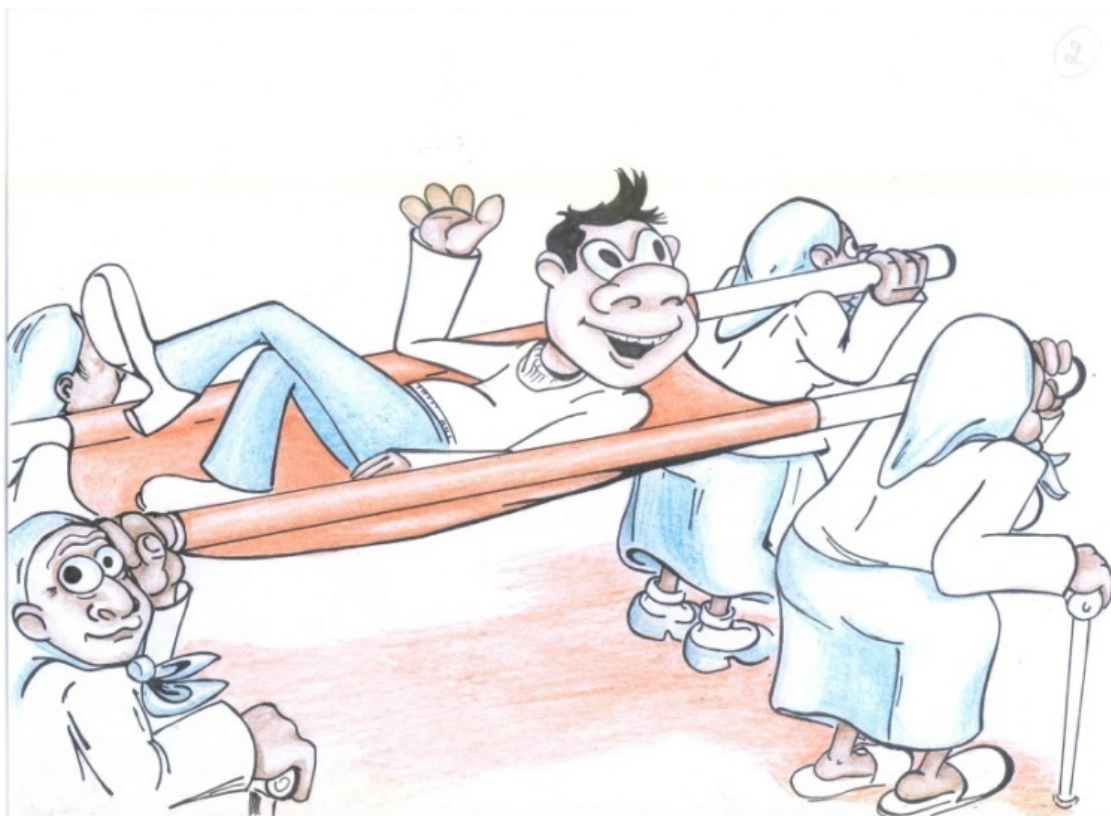
Надо быть закостенелым занудой, чтобы угробить на зубрежку золотые учебные деньки и не превратить их в оазис жизни на листах сухой прозы судьбы. Сон, выпивка и любовь – три неофициальных, но самых любимых предмета, которые за время учебы надо изучить в совершенстве, так как потом может не быть такого занимательного общества, да и времени... а время как камень, безудержно катящийся по бесконечному нисходящему склону.

В магазинах раскупались продукты и завозились новые. Столы накрывались, остатки пищи выносились на мусорные контейнеры. Жизнь возникала в родильных палатах и исчезала в могильных ямах так быстро, что многие дети не успевали помириться с отцами, а внуки

наговориться с дедами и после их всегда внезапной смерти несли невысказанные диалоги в своих опустошенных душах... Алик не любил смерть во всех ее обличьях, он не любил даже прощаться с любимыми людьми после их смерти. Он стремился к жизни...

БОЛЬНИЧНЫЙ

«Для поддержания интереса к жизни годятся все способы, кроме тех, которые портят жизнь другим».

В скучной неторопливой очереди к терапевту сидел и тихо страдал Алик, непонятного возраста спортивный мужчина, при обращении к которому даже люди моложе его всегда говорили: «Молодой человек...». Его тяготило крайне ущербное душевно-телесное состояние. Пот собирался под шапкой угольных волос, скользил по лбу, исчезал, как дождь в скошенной пшенице, в густых бровях, оттого все более жирно блестящих, в них он накапливался, как в губке, а затем катился дальше на переносицу. Как только это происходило, Алик доставал из бокового брючного кармана скомканный носовой платок в цветочек, который запасливо прихватил, и обреченно утирался.

Привело нашего героя к кабинету терапевта желание взять справку о нетрудоспособности, в простонародье «больничный лист», и отдохнуть от работы. У него иногда наступало состояние, когда он не мог без неприязни смотреть на лица сослуживцев и на свое рабочее место. Тогда он прибегал к старому, не дававшему осечки способу, о котором ему поведал хороший знакомый за рублевым комплексным обедом:

– ... Жена недавно грипп подхватила и собралась к терапевту. Я говорю: «Постой. Вместе пойдем». Она: «Ты ж не болен». Я: «Не переживай». Взял два горчичника, замочил их и наклеил себе на стопы. Поверх горчичников натянул полиэтиленовые пакеты, следом – носки. И мы пошли. Это средство я давно проверил. Температура через полчаса минимум тридцать семь с половиной, но тут все зависит от качества горчичников и от того, на какой участок тела

их положить. У меня хорошо стопы реагируют, у других бедра... – надо пробовать. Эффект такой, что и насморк, и давление... и представляешь: мне, здоровому, дали больничный, а больной жене – нет! Я долго смеялся...

Чтобы не обмишуриться, Алик постоянно ставил горчичники одновременно и на стопы, и на бедра. После такой процедуры с мест, где стояли горчичники, обычно слезала кожа, как от сильного ожога, но она казалась вполне разумной платой за выходные. Вот только имелась в этой процедуре одна маленькая проблемка, о которой его знакомый почему-то умолчал: горчичники издавали запах, невзирая на полиэтиленовую изоляцию. Алик всегда опасался, что когда-то попадет к врачу, знающий такие фокусы, и, учуяв горчичный дух, образно говоря, пнет его из кабинета. Тогда шматки обожженной кожи будут ох как обидны, как и внушение начальства за опоздание на работу.

Поэтому не телесный жар волновал Алика и даже не то, что нестерпимо жгло стопы и бедра и он вертелся на скрипящем сиденье буквально, как тонко нарезанный картофель в кипящем масле, – его волновало вероятное разоблачение. Он изредка нагибался к коленям и принюхивался, что со стороны вполне походило на корчи крепкого больного человека, и опять сиденье под ним скрипело, отправляя по коридору скудную симфонию его трагедии.

Алик был здоров и потому изредка с опаской поглядывал на шмыгающих носами, чихающих и кашляющих старушек, старичков и других препонных пациентов, сидевших впереди него по очереди.

«Как назло привалили. Некстати, – размышлял Алик. – Ведь, не дай бог, заразу подхвати и вместо недели, проведенной на лыжне, получу унылое прозябание в квартире». Чтобы отвлечься от боли, пожирившей его бедра, он опускал на них ладони и легонько поглаживал, почесывал. Старушки сердобольно поглядывали на него, сочувственно покачивали головами и опасливо скользили по сиденьям подальше.

«Боятся! Думают, что у меня чесотка, – оценил Алик. – Эх, слышно шуршание полиэтилена. Что ж, не могут нормальные пакеты выпускать?...»

Благо, что в долгой очереди есть что посмотреть и послушать, и отвлечься от своих несчастий.

Лишь только из кабинета врача вышла задумчивая старушка с бумажкой в трясущейся руке, как к входу в кабинет, мигом набрав спринтерские скорости, устремились одновременно мужчина и вполне приятная женщина. Мужчина оказался быстрее и пронырливее. Приятная женщина, нервно подергивая веками, остановилась возле закрывшейся двери. В этот момент, весьма кстати для заскучавшего болеющего общества, из кабинета появилась медсестра.

– Это что такое?! Почему мужчина без очереди? Я тут с восьми утра, он позднее, а заскочил вперед, – резанула словом очередница, женщина вполне приятной наружности.

– Он по талону, – невозмутимо, как автоответчик, откликнулась медсестра.

– А женщина, что перед ним, тоже заходила к вам без очереди, – напомнила очередница.

– Не надо было пропускать, – упрекнула медсестра

– Так вы же сами ее вызвали... – начала повышать голос очередница.

Медсестра исчезла за дверью, а по коридору полетели разговоры:

– Еще и знакомых пропускают.

– Здесь пока достоинься, так грипп и сифилис подхватишь, а ведь мне только давление измерить.

– Я видел, как она занесла еще четыре карточки. Сейчас знакомые подойдут.

– Эх, лучше водки с перцем выпить, чем тут сидеть...

– Что-то долго.

– Она слушает. Долго слушает...

«Что ни бабка – то минут двадцать!» – мысленно добавил Алик, вытирая пот с лица.

Он уже бессознательно покачивался, все сильнее тер ноги, стараясь унять жар на бедрах, и чувствовал: еще немного, и он либо завоет, как собака, либо встанет и уйдет из поликлиники, совсем уйдет и будь что будет за прогул, либо отключится от реальности и упадет прямо на пол. Тут кто-то постучал по плечу. Алик повернулся. На него смотрела старушка, на сморщившемся от времени лице которой застыла печать болезненной грусти, но в глазах светилась жалость не к себе, а явно к нему, к Алику.

– Молодой человек, сердце разрывается, глядя на вас, – сказала она. – Заходите без очереди вперед меня. Да и остальные не звери, небось.

– Так столько еще... – начал было Алик, как его оборвала сочувственная разновозрастная разноголосица, полетевшая со всех сторон. Мол, заходите, мы подождем, раз вы так страдаете. Алик изнемогши поблагодарил всех, а в душе расхохотался: «Надо же до чего дело дошло. Больные здоровому очередь уступают. Даже неуступчивые старушки разжалобились. Видать, хорошие горчичники попались».

На такую наглость, как в этот раз, Алик решился впервые: он собирался получить больничный у терапевта не со своего участка. Из-за повального воздействия вируса его предпенсионная бесконечно добрая докторша, чьей сердечностью он неоднократно пользовался и даже привык к этому, сама заболела. Это выяснилось уже в регистратуре. Алик предполагал, что на выдачу больничных листов у врачей имеется норма, которую превышать нельзя, что к чужим больным они предельно строги, но не возвращаться же – постыдно.

«Зато, если получится, – вдохновлял он себя, – будет суперпобеда. Это как экзамен горчичному средству».

Дверь в кабинет открылась. Вышло нечто больное, чему Алик не уделил внимания. Он устремился к белым халатам, светлым, как лик ангела в черной космической бездне, и плюхнулся на стул. Терапевтом оказалась средних лет фигуристая женщина с насмешливыми глазами.

«Попался», – подумал Алик и замер с градусником под мышкой.

– На что жалуетесь? – спросила врач.

Симптомы простуды Алик знал наизусть, он рассказал их четко, как пионерскую клятву на линейке, но, когда врач приблизила к глазам стеклянную палочку градусника, занервничал.

– Тридцать семь и восемь, – сказала врач медсестре.

«Слава богу, сработали горчичники. Рубеж преодолен, – подумал Алик. – Никуда не денется – больничный даст».

– Откройте рот, – попросила врач и придавила язык Алика металлической ложечкой, придавила еще раз, что-то высматривая... В конце концов откинулась на спинку стула и скептически выдохнула:

– Ничего не понимаю: температура есть, а горло чистое, насморка нет...

Алик бы побледнел, если бы его ноги не грызли горчичники до легкого помутнения рассудка и непрошибаемого покраснения лица. В этот раз насморк действительно почему-то не появился. Тем временем врач измерила его давление...

– Ничего не пойму. Температура есть, давление повышенное, но никаких признаков простуды, – озадаченно произнесла служительница медицинской змеи...

Внезапно Алик почувствовал теплый резковатый запах горчицы, он горестно выдохнул, кашлянул, будто бы от болезни, надеясь отогнать невидимого предателя прочь, но горчичный запах, как назло усиливался. Врач беспокойно заводила носом, Алик закашлялся, склонил голову, якобы от усталости, но с намерением скрыть правду в своих глазах...

В кабинет вошла санитарка с ведром, полным воды, в одной руке и со шваброй – в другой.

– Отдохните, доктор, от больных передыху не будет, только стоны и болячки. Вон сколь грязи натаскали, как верблюды. Идите чайку попейте, а я вам уборочку сделаю, – сказала она.

– Что же с вами делать? – растерялась врач, принохиваясь и не обращая внимания на санитарку. – И чем это пахнет?

Только въедливая заводила носом, как запах горчицы исчез. Резко пахнуло хлоркой.

«Из ведра», – понял Алик и первый раз в жизни перекрестился, мысленно.

Тем временем санитарка по-хозяйски запустила швабру под стол и принялась усердно тереть пол, задевая мокрой тряпкой ноги, как бы поторапливая.

– Ладно, выпишу вам больничный на три дня, а там посмотрим, – сказала въедливая, и Алик расслабился...

Он вышел из кабинета медленно, слегка пошатываясь, играя на милостивую публику, сдерживая внутри воздушные шары победного триумфа, но едва завернул за угол, как резко ускорил шаг и нырнул в приветливо открытый служебный туалет. Там, только шпингалет попал в паз, он снял брюки, сорвал с бедер полиэтиленовые пакеты и принялся ласково снимать почти приварившиеся к коже горчичники.

«Как хорошо! Разве это цена за свободу?!», – всей душой промышчал он, когда раскрасневшиеся прямоугольники на ногах соприкоснулись с прохладным воздухом.

КЛЮЧ

«Жизнь – это ряд запертых дверей, которые надо научиться открывать»

Как быть на работе и в то же время не быть? К решению этой, почти гамлетовской проблемы Алик приступил, войдя в период повальной влюбленности, когда молодого мужчину неосознанно разом влечет ко всем молодым женщинам настолько сильно, что каждая вечерняя встреча кажется судьбой, пьянит и возбуждает, надолго остается в памяти, но с наступлением дня, следующего или последующего, в любом случае не такого отдаленного, остается еще одной картинкой в коллекции.

Больничные листы, не вызывая подозрений, удавалось брать не чаще, чем раз в квартал. Алику остро не хватало времени на свидания, а работа такая, что сделанного начальству не казалось много никогда. Научно-исследовательский институт, где Алик работал, грешил неудачными экспериментами, неэффективными научными направлениями, но держался на плаву благодаря деньгам, которые в пору социалистического хозяйствования на каждом предприятии целенаправленно выделялись на внедрение научных разработок.

Науку продвигать – не кирпичи класть. Это Алик понял быстро. Интеллектуальный труд в кубах не измеришь, поэтому возможность ничего не делать и прогуливать существовала. Вот только если стоишь напротив чертежной доски или какого-нибудь агрегата, глубокомысленно, хоть и безрезультатно нахмутив лоб, то никто слова не скажет, а если нет на рабочем месте...

Интеллектуальная публика порой очень ревнива к успехам ближайших коллег, в чем бы они ни выражались, поскольку чужие удачи указывают на собственное глубокое место в жизни. Даже глядя на счастливые лица, многие испытывают неприязнь, что говорить о прогулах сослуживцев? Если бы деньги давались просто так, как возможность дышать воздухом, то мало кто ходил бы на работу или службу. Всем хочется и получать, и отдыхать, но редко у кого это получается. А если кто-то... Тут каждый следит друг за другом и если не докладывает кому надо, то томится. Было чего опасаться, и все же возможность прогулять имелась: кабинетов и мест, где можно находиться в рабочее время, существовало достаточно, чтобы сказать: «Я был там-то...» Важно хоть раз в день появиться в отделе, помелькать, отметить...

«Но как выйти во время рабочего дня через пропускной пункт за забор и обмануть кадровичку?» – спрашивал сам себя Алик. Задача нелегкая, но не жизнь для работы, а работа для жизни.

Проходная, оборудованная фотоэлементами и двумя выскакивающими из пазов заборчиками, как в метрополитене, напоминала зверя, готового в любой момент проснуться и сомкнуть челюсти. Каждое рабочее утро Алик заходил в промежуток между двумя заборчиками, вытаскивал личный пластиковый пропуск из номерного паза, набирал на кнопочной панели индивидуальный номер и безопасно проходил мимо второго заборчика и охранников в зеленых юбках. Потом он шел в отдел, укладывал пропуск в ящичек, открытый для обозрения похожей на толкательницу ядра кадровичке. На любого опоздавшего или уходящего раньше времени она бросала тяжелые взгляды, как кондуктор на безбилетников, и четко проговаривала:

– В журнале отметить не забудь.

И говорила-то она это, как кондуктор:

– Кто еще не приобрел билет?

При такой системе охраны каждый работник на оборонном предприятии фактически был закрыт на территории до окончания рабочего времени, ну все равно как заключенный. И все из-за заработка-пайки. Но нашего героя унижала рабская философия любого рода, он, невзирая на последствия, более всего любил свободу и решение головоломок.

Еще будучи студентом, он научился так виртуозно удалять гибким, упругим, обоюдоострым лезвием от безопасной бритвы любой текст с любого документа, что у него отбоя не было от желающих подделать оценку, подпись, дату. Он долго тренировался сжимать лезвие в необходимую дугу, прикладывать под нужным углом и вести осторожно, чтобы срезать тончайший и узкий кусочек бумажки вместе со старыми чернилами. Очищенный участок затирали гладким концом пластмассовой авторучки и отдавал готовый документ заказчику, где на восстановленной девственной чистоте листа можно было выводить все что угодно, требовалось только подобрать подходящие по цвету и оттенку чернила. Конечно, если оценить исправленный лист на просвет, то подделка становилась очевидной, но ни учителям, ни работникам военкомата, ни кому-либо еще не приходило в голову смотреть на зачетку, справку, повестку, как на денежную купюру...

Задачу показательных краж дынь и арбузов Алик легко решил возле торговых мест, где суетливо толпились люди. Он обычно брал понравившуюся ягоду, делал вид, что рассматривает ее. Когда вниманием продавца завладевал другой покупатель, Алик осторожно удалялся, якобы под влиянием того, что его оттесняют, и, если продавец по-прежнему не обращал на него внимания, он клал ягоду в сумку и спокойно удалялся. Этот прием срабатывал безукоризненно, но использовал его Алик только для того, чтобы удивить очередную девушку, за которой он ухаживал в данный момент, или на спор...

Когда перед Аликом встала задача стащить из сейфа, который стоял у шефа в кабинете, один жизненно важный документ, он также не спасовал. Надо подделать ключи – это сомнений не вызывало. Благо – зима. Алик запасся пластилином и терпением. Караулил не меньше месяца. Шеф почти не выпускал ключи из рук, но как-то его срочно вызвали к телефону, и ключи остались на столе. Отпечатки на пластилине получились четкие. Алик спрятал их за окном, на морозе. Когда слепки затвердели, принялся за дело...

Шеф был не глуп и вычислил Алика по заинтересованности, но все же он был не настолько умен, чтобы не спросить у него:

– Алик, это не ты взял бумаги из сейфа?

– Да вы что? – изобразил удивленное возмущение Алик. – У меня и ключей-то нет.

Алик сказал это, а сам подумал: «Ну и дурак!!! На какой ответ он надеялся?»... Наш герой относился к жизни, как к эксперименту, а любой эксперимент требовал исходных данных. Он их всегда тщательно собирал. Задача с проходной имела следующие исходные данные:

1. Пропуска из ящичка кадровичка не вынимала, а прочно сидела на своем месте, как большая бройлерная курица на насесте, будто не в силах пошевелиться под тяжестью собственного веса, и занималась какими-то бумагами. Изредка она поглядывала за внешне сходными кончиками пропусков, торчавшими из ячеек, как острые клювы жаждущих пищи птенцов.

2. Неумные сотрудники института частенько оставались надолго после работы, наращивая свои очки в отношении преданности делу, в том числе и Алик. Поэтому не было ничего необычного в том, что пропуска просили еды в своих ячейках с очень раннего утра, до прихода кадровички, и до позднего вечера, после ее ухода.

3. На проходной иной раз случались казусы, когда кто-либо нажимал с похмелья не на ту кнопку. Тогда заборчики резво выскакивали из своих пазов, звучно сталкивались, выла сигнализация. Но охранники в зеленых юбках с пистолетами на боках быстро усмиряли строптивую проходную и добродушно отпускали пойманного, предварительно проверив его пропуск.

«Был бы у меня второй пропуск! – мечтал Алик, загорая во время обеда на плоской крыше своей организации. – Оставил бы его в ящичке кадровички, а со своим пропуском спокойно ходил через проходную».

Идея возникла не сразу. Она ваялась из бесформенной глины образов и разрушалась, если выходила недостаточно хорошей, ваялась и разрушалась, пока не получилось...

«Разжиться дубликатом пропуска возможно двумя путями, – рассуждал Алик. – Первый – найти заготовку, они должны быть – для новеньких. Это долгий путь. Второй – украсть чужой пропуск прямо на проходной, из ячейки. Система охраны, конечно, отзовется, но эка невидаль для зеленых охранниц. Притворюсь, что ничего не понимаю. А пострадавший не обеднеет».

Он, распаренный, в хорошем настроении, через открытое окно полез с крыши в рабочий кабинет, и, как назло, шеф...

– Ты что, загораешь? – удивленно спросил шеф.

– Да, пока обед. Что время-то терять? Сами знаете, работа у нас такая, что едешь на работу, когда только заря заалела, а выходишь за забор, когда солнце село, – ответил Алик. – В субботу, воскресенье – домашние дела...

– Ладно, ладно, – сказал шеф и пошел дальше.

Следующим утром Алик ехал на работу пораньше, чтобы у проходной никого не было: лишние свидетели всегда не нужны. В автобусе, сдавленный со всех сторон сонными пассажирами, он мысленно отработывал детали махины и до того себя этим утомил, что, зайдя между выпрыгивающих заборчиков, делал все автоматически.

Правая рука потянулась к собственному пропуску, левая – к первому попавшемуся. Оба пропуска выскользнули из ячеек одновременно. Нажимать на кнопки, набирая цифровой код, не пришлось. Мощно завывла сирена, словно призывая спуститься в бомбоубежища, и щелкнули пропускные заборчики. Алик не испугался: он знал. Чужой пропуск он мгновенно спрятал в кармане. Свой – оставил в руке, придал лицу испуганно-растерянное выражение и замер, боясь пошевелиться, как человек, сильно озадаченный происшедшим.

– Стойте на месте! – крикнула охранница в зеленой юбке из своей будки и отключила сигнализацию. – Что случилось?

– Не знаю, – играючи обманул Алик.

– Вставьте пропуск назад и заново пройдите через проходную!...

Последующие полгода протекли веселым журчанием весеннего ручья. Алик, когда хотел, уходил с работы, когда хотел, приходил, при этом был уважаем шефом и более высоким начальством за свою ненасытную страсть к работе, коей он формально посвящал всю свою жизнь, судя по клювику пропуска, постоянно торчавшему из ящичка кадровички. Сослуживцы косились и не могли понять, глядя на довольную физиономию Алика, как сумел он, работая больше любого из них, выглядеть, как после отпуска...

Роза была обворожительна. Высокая, добрые искрящиеся радостью глаза, загадочная улыбка, слегка вьющиеся волосы. Алик договорился о свидании возле чудесной пиццерии, где за уютными столиками можно было долго говорить или молчать, глядя в притягательную глубину глаз любимой. Там, на шумной улочке, где располагалась пиццерия, было много всяких кафе и ресторанчиков, манивших дорогой рекламой к довольно-таки дешевым по качеству меню, но пиццерия оставалась лучшей.

В пиццерии подавали пиццу, что само по себе не удивительно, но не ту, сухую, итальянскую, тонкую, как блин, будто ее вместе с колбасой и всеми томатно-пикантными составляющими раскатали асфальтовым катком, а полновесную русскую, если так можно выразиться. Она походила на большую ватрушку, в которой за тонким хлебным бордюриком располагался сочный мясной фарш, приправленный томатами, сыром, грибами и неопределенными вкусо-стями, обильно убаженными пряностями. Можно было взять и закрытую пиццу, выглядевшую как пирожок, с начинкой из рыбы, от которой вслед за отхваченным зубами куском тянулись длинные сырны волокна. А какие в той пиццерии готовили блюда в горшочках! А чай, подававшийся не в затрапезной чашке, а в фарфоровом чайничке! Чай, словно дышавший летом – душистыми цветами на солнечной поляне...

Алик опаздывал на свидание. Надо было уйти с работы чуть раньше, а он безнадежно опаздывал, как всегда, как обычно и в своем репертуаре, и представлял, как она выискивает его лицо среди многих, мелькавших перед ней. Это происходило не первый раз, и ситуация, следуя канонам поведения влюбленных пар, складывалась щемящая сердце. «Боже, только бы она не ушла, только бы не обиделась», – тихо молился он. Пять минут, десять, пятнадцать... «Если уйдет, это будет худшее из того, что возможно», – размышлял он, представил на мгновение, что это произошло, и чернота опустилась на сердце. Он глянул в окно, а там будто ночь. Алик отогнал дурные мысли прочь, и вновь стало светло и дыхание наполнилось свежим и жарким летним воздухом безнадежной влюбленности...

Он выскочил из двери автобуса и еще издали увидел ее. Она уже уходила...

Алик шел по знакомому с детства оживленному проспекту. Высокие тенистые тополя шуршали тревожной листвой. Казалось, вокруг никого. Только она шла немного впереди. Алик

не спешил подходить к Розе, не желая лишать себя удовольствия смотреть на свою любимую со стороны. Роза знала об этом. Какие-то живые искры, вспыхивавшие в ее глазах, когда она изредка оборачивалась, какие-то неуловимые оттенки ее движений почти сводили Алика с ума. Будто колдовство. Длилось это не более получаса, но тем не менее – целую вечность. Как Алик узнал потом, она специально иногда вскидывала голову и отбрасывала волосы назад и ступала так неторопливо, грациозно, словно плыла в неизвестность. Возле дворца культуры, возвышавшегося на площади, как нетающий айсберг, она остановилась, обернулась, вплотную приблизилась к Алику.

– Зачем идти врозь, если можно идти вместе? – спросила она. – Я полчаса назад распрощалась с мальчиком, имевшим дурные манеры вечно опаздывать. Ты, надеюсь, другой. Познакомимся?

Он принял игру. Они свернули с проспекта влево, в небольшой сквер, и стали говорить о всякой чепухе, как будто встретились впервые, хотя знали друг друга давно. Вечерело. Они углублялись в район, далекий от центра. Внезапно она предложила:

– Пойдем ко мне, это недалеко – за больничным столбом?

Этот ориентир знали все в районе – высоченный шпиль непонятого предназначения, похожий на иглу от шприца, стоял в районе поликлиники с незапамятных времен.

– Ничего страшного, телефон есть, – сказала она. – Захочешь уйти – вызовешь такси. Бабушка уехала и оставила ключ от квартиры мне...

И Алик поплыл к ней, но парк, густой тенистый парк напомнил о жизни среди звезд...

Алик сел на лавочку, а ее потянул за руку и посадил к себе на колени. Она обвила его шею руками и прижалась всем телом. Так можно было бы провести целую вечность, всю жизнь. Больше ничего. Он ощущал каждое биение ее сердца. Нереальность, опьянение, сумасшествие. Алику казалось, что они сидели не на самой обычной лавочке, а витали где-то среди облаков. Она наклонила голову к его губам и поцеловала. Стихи родились потом:

Над летним парком небо гасло, плыл закат,
Сгущались сумерки, рождался звездный сад.
Цвела сирень, в ее тени
И в сладких грезах пребывали мы одни.
Там нежность чувств, буйство огня
В груди зажгли ночь ярче дня...
С тех встреч волнующих минуло много лет.
На наших лавочках другие «тет-а-тет».
И грусть приходит иногда
От мысли, что мы не вернемся вновь туда,
Где нежность чувств, буйство огня
В груди зажгли ночь ярче дня...
Средь пышной зелени спокойных тополей
В местах укромных, старых парковых аллей
Хранятся тайны или сны
О том, как были мы безумно влюблены:
Как мы пьянели от слияния сердец
И бриллиантами сиял ночной венец...
В тот парк заходим иногда,
Но не вернемся мы в то лето никогда.

Какое короткое время отпущено на то, чтобы почувствовать себя молодым! Кто-то полностью и с жадностью выпивает сей безумный напиток и отдается его власти настолько это возможно, кто-то угнетает комплексами, стеснительностью, подозрительностью, но вне зависимости от поведения конкретного, пока еще молодого человека, время, отпущенное, чтобы

почувствовать себя молодым, истекает, улечивается или заканчивается – как хотите. Некоторые так никогда и не бывают молодыми. Алик успел. Роза стала его женой, что хоть и разом перечеркнуло романтику прошлых встреч и произошло отчасти благодаря внешне черному и грязному делу, краже чужого пропуска из ячейки пропускного пункта, но наметило и определило дальнейший путь...

Желание большего часто приводит к потере имеющегося. За ветренными увлечениями позабыл Алик поговорку наставника: «Лучшее – враг хорошего». Случилось фиаско после того, как Алик потерял чувство меры и решил оставить пропуск в ящичке кадровички на выходные. Рассуждал он вроде бы верно: «На ночь оставляю, никто не замечает, почему на выходные не оставить? Какая разница? В понедельник приеду пораньше. Где наша не пропадала?...»

Не все просчитывается заранее. Ошибки, они как занозы: не видно, но как заденешь, болят и воспаляются. Алик не учел неизвестный ему момент – периодическую проверку пропусков, находившихся в ячейках. Проходила эта проверка как раз по выходным...

Интуиция существует. Она проявляется во внезапных переменах настроения, необычных желаниях, снах, иных подсказках судьбы. Гасишь в себе внезапно возникший порыв азартно сыграть на валютном рынке, на картежном столе, на недвижимости, рискнуть всем ради выигрыша, на который ясно указывает сердце, и оказывается – напрасно. Можно было выиграть. Кто не сталкивался с такими проявлениями нерешительности? Кто следовал? Редкие люди. Иначе

все были бы счастливыми. Сердце вернее разума. Будто благожелающая сила, неподвластная разуму, но доступная не имеющим доверия человеческим ощущениям, использует имеющиеся в ином разумном измерении возможности предотвратить, наставить, уберечь. Подсказки даются всегда – надо только слышать и следовать. Если набраться смелости, уверенности и энергии, и следовать, то жизнь станет ровной дорогой. Но как такое возможно в нашем рациональном мире, где все сизмальства штампуются прессом логической системы воспитания и убеждения?

Еще в воскресенье вечером на Алика накатила безотчетная грусть. Он представил, что больше не сможет уходить с работы, и под влиянием необъяснимо гадостного настроения вывел несколько строчек в своем дневнике:

Понедельник, завтра понедельник...
В этот вечер я уже не свой.
Всю неделю буду как отшельник,
И лишь поздно вечером – домой.
Пять рабочих дней, как пять шакалов,
Жадно зрят из завтра на меня.
Им всей жизни будет очень мало.
Их бессечно, жизнь моя – одна.
Утро – это бледные огни.
Утром вспоминаю я субботу.
Утро. Сколько там их впереди –
Утренних хождений на работу?...

Когда утром понедельника Алик вытащил из своей ячейки украденный пропуск и набрал код на кнопочном пульте проходной, то по обе стороны от него звонко стукнули заборчики и завывла сирена. Ему бы перепрыгнуть внезапно возникшие барьеры, пока не появились охранники, которые, словно предоставляя шанс, впервые за многие годы отсутствовали на посту, но он потерял секунды и дождался. В непроглядной дымке замутненного нервным потрясением сознания Алик шел, как парализованное страхом или дрессировкой животное, за суровой зеленой юбкой...

На собрании трудового коллектива его ругали все. Алик стоял, как положено, чтобы не дразнить собак, а значит – понунив голову. Изредка, когда менялся оратор, он позволял себе бросить раскаивающийся взгляд на агрессивную волнующую публику. Больше всех возмущался фанатичный жилистый трудолюбец, посеревший и подвявший в тени формальных Аликовских переработок.

–... Да он, может, вообще на работе не появлялся. Вот гад. Бездельник. Подойти бы да в рожу...

«Закон не за работу спрашивает, а за верность трудовому распорядку дня. При чем тут время, если все, что мне говорят, я выполняю», – мысленно оправдывался Алик перед озлобленным коллективом, но, когда ему предоставили ответное слово, он благоразумно выбрал золото молчания.

Затем Алика прощупал комитет государственной безопасности. Строгий дядечка в гражданской одежде и ласково просил его сознаться в том, что он западный агент, затем грозил жестко отлупить и запереть за тюремной решеткой, но Алик выбрал легенду и от нее не отступал:

– Нашел пропуск рядом с проходной. Смотрю – валяется. Поднял и пошел дальше. Глупая мысль использовать его возникла сама собой. Каюсь...

Строгий выговор и лишение премии, и на душе посветлело. Тяготило, что незнакомца, у которого он украл пропуск, наказали. «Совершенно ни за что, – размышлял Алик. – Бедный мужик. Нашли козла отпущения. А то, что наказали охраннику, не моя вина, ей самой

надо быть внимательнее, за то она и деньги получает, чтобы таких, как я, ловила. Я тоже рисковал...»

Чтобы у читателя не сложилось превратного мнения об Алике, как о человеке, который стремится исключительно улизнуть от работы, мы сразу пресечем эту возможность. Работать он любил и умел, просто книга о другом – о самом интересном, а, как часто бывает, самое интересное было для Алика далеко от шума сварочных автоматов и обжигающего глаза яркого света электрических дуг... В институте, где трудился, он всегда был лучшим по идеям и их реализации среди сверстников. Он засиживался вечерами не за деньги, а за интерес, но, имея внутри массу нерастроченного природного любопытства, он не мог управлять им и сознательно отдавать во власть начальства. Скорее любопытство управляло им. И это самое любопытство, видя, что как ни работай, а всем примерно поровну, говорило: ищи. И он искал везде.

НАМЕК

«Люди – это главные подсказки судьбы»

Газеты Алик никогда не читал и считал, что нет более блестящей возможности потратить время впустую, чем предаваться этому занятию, но к людям творческим, умным он всегда испытывал великую симпатию и неукротимую тягу. Забегая намного далее, можно сразу сказать, что Алик не полюбил газеты и после того, как стал журналистом. Он ненавидел этот

отредактированный, отрежиссированный кусок бумаги, на котором иные сволочи и мерзавцы могли появиться на фотографии по-доброму улыбочивыми под заголовками: «С мыслью о хорошем». Можно задаться вполне справедливым вопросом: что повлияло на человека, не любившего газеты, так, что он стал газетчиком. А повлияла случайная встреча, только одна, совершенно необычная встреча с абсолютно удивительным человеком, которого можно с полным основанием назвать великим по отношению к судьбе Алика.

О баня, шикарная баня миллионного сибирского города, где в парилку подавался сырой пар от работавшей по соседству прачечной! На входной двери ее висел душевный плакатик со стишком:

Немного пива для забвенья
И жар парной для расслабленья –
Лекарство, чтоб найти покой
И примириться с суетой.

А в круговерти бань и пива,
Работы, дома, кухни, чтива...
Еще достаточно мгновений
Для сохранения здравых рвений:

Для многих радостей и счастья,
Для наслажденья мысли властью,
Для восхищенья ясным днем
И трепета перед огнем...

О парная, питавшаяся облаком сырого пара, вырабатываемого неусыпной жаркой советской котельной! – неистовая благодать, после которой Алик так и не смог привыкнуть к сухому пару финских парилок, распространившихся, как жухлые пеньки, оставшиеся от роскошных берез на популярной вырубке. Он заходил в советскую баню еженедельно, отсиживал в спокойных предвкушающих очередях, входил в общество раздетых мужчин, не стеснявшихся и не боявшихся по советским временам в полный голос поговорить о политике, обсудить, поругать. Но разговоры потом – вначале в парилку.

В парилке витал запах распаренных березовых веников. Они металась по ярко белым телам, раздавались задиристые шлепки. Алик пробегал наверх, без брезгливости и опаски садился на низкую потемневшую скользкую от пота деревянную лавку, прятал нос в ладони, чтобы горячий воздух не обжигал ноздри, и замирал, ожидая, когда появятся первые капли пота, но в первую очередь на коже появлялись капли чужого пота, летевшего во все стороны от веников. А там какой-нибудь ненасытный любитель парилки подходил к коричневой от ржавчины трубе, поворачивал вентиль, и вылетала шумная струя пара, быстро скрывавшего парильщиков словно бы небесным облаком. Слабые выбегали, Алик крепился. Потом следовал отдых на удобных стареньких скамеечках, где можно услышать много интересных идей, любопытных споров, ведь без одежды профессора не отличишь от самого простого рабочего...

Чиновники эту шикарную баню закрыли, хотя она была единственной прибыльной баней во всем миллионном городе, но чужие доходы мало кого интересуют. Кто-то сделал свои деньги на строительстве убыточного банного дворца с финскими парилками, а старая баня с сырым паром отвлекала клиентов и не давала возможности отчитаться в успешном одобрении народом введенного объекта. Вот ее взяли и закрыли. После этого она стояла много лет, темнея стеклянными плитками умерших окон, пока в ней не открылись магазины, недостатка в которых город совершенно не испытывал. Воспоминания часто ярче действительности не только оттого, что человек стареет, но и оттого, что появляется возможность сравнить...

Александр был высоким кудрявым брюнетом, слегка полноватым, но подвижным и живым по-настоящему. Острые углы глаз намекали на хороший ум, а пухлые губы – на страстность и нормальные человеческие желания. Он ходил по бане энергично, весело и так, будто гулял по собственной квартире, то есть смотрел на окружающий народ, как на привычные предметы домашней обстановки, с которыми надо быть аккуратным и заботливым.

Народу в выходные дни в той бане было по человеку, а то и по два, на одежный шкафчик, плюс к тому часовая очередь, ожидающая выходящих. Хорошо было. Человек входил в парное отделение с чувством, с каким идут на большое и даже великое дело. Люди сновали в пару, как микробы в окуляре микроскопа. Жестяных никелированных тазиков хватало на всех. Вода шумно текла из толстенных труб, снабженных мощными чугунными запорами. Мраморные скамьи стояли ровными рядами, словно кости домино. Это на втором этаже, а на первом ждала ароматная чайная и два удобных номера с бассейном, креслами, лежаками, вентилятором, холодильником и всеми остальными удобствами, взглянув на которые язык бы не высказал, что в советские времена было плохо, но вот чего действительно не доставало, так веника.

В то советское время, о котором идет речь, многие обычные вещи публично не продавались. Разве что по знакомству. Банный веник был дефицитом, не продававшимся даже в подвалах магазинов, где вершились многие покупки для родных и близких работников магазина.

Народ заготавливал веники самостоятельно, не скупился делиться ими с соседями по банной скамье и не брезговал пользоваться чужим. Можно было запросто попросить веник у любого, чтобы попариться. Все происходило полюбовно, по пониманию. Алик любил эту добрую народную традицию. Он брал веник взаймы, скрупулезно ошпаривал кипятком, парился и возвращал хозяину, которого больше не видел. Так происходило всегда, пока Алик не позаимствовал веник у Александра, а потом слово за слово...

Алик никогда не отказывался от новых знакомств. Он ценил находки, хватал, а уже потом разбирался: оставить себе или выбросить. Этому качеству способствовало то, что сам по натуре он был не особо общительным и не больно инициативным в приобретении новых друзей. Разговор начал Александр, а потом слова зазвучали так, что порой казалось, будто собеседники не слушают друг друга и им просто хочется выговориться, то ли от одиночества, то ли от понимания бесценной находки в виде интересного человека, ведь что может быть интереснее, чем умный человек?

– Ты хорошо выглядишь, – сказал он. – Крепко сложен. Спортом занимаешься?

– Бегаю, почти каждый день, до десяти километров, в любую погоду, – ответил Алик. – Штангой немного увлекаюсь.

– Такие подвиги не по мне, но ты молодец, что живешь, – ответил Александр. – Большинство людей кончает жизнь недейтельным самоубийством, теряет интерес к жизни, загоняет себя в тупик, из которого не видит выхода.

– Ты прав. Многие не знают, куда себя девать, убивают свое собственное время...

– Человек смертен, но, как ни удивительно, страстная песня жизни звучит ежедневно. Она старается заглушить мысль о смерти, проигрывает смерти без надежды на победу, но не ослабевает. В этом парадокс человечества, живущего на высокой пронзительной ноте. Любовь, дружба – не ослабевающие понятия.

– Мне кажется, что случай сделать свою жизнь лучше, выпадает каждому, просто не каждый им пользуется. Так и хочется сказать неудачникам: «Если удача стучится в двери, открой быстрее, она может больше не постучаться».

– Надо обращать внимание на знаки, быть активнее, чаще путешествовать. Призраки, которые окружают нас, не успевают перемещаться вослед, и это дает возможность почувствовать жизнь по-новому.

– Ну, кажется, пора, – напомнил Алик, и они с Александром прошли в парилку.

Пар, свистя, вылетал из трубы плотным дымным облаком, примерно таким же, как теплое дыхание на крепком морозе, только куда гуще, и зависал в парилке, почти ощутимый физически. Кран закрывали. Мужики, покрикивая, хлестались вениками. Жизнь! Что еще надо? Гонимый вениками горячий воздух обжигал лицо и в особенности ноздри, иногда казалось, что дышать уже нечем, а тут заходили еще люди и кричали:

– Что-то холодно, надо бы поддать!!

Опять раздавался свистящий гул, народ натягивал шерстяные шапочки на уши, некоторые выбегали, но самые стойкие опять брались за веники. Раскрасневшийся Алик выскочил из парилки, вслед за ним вышел Александр и быстрее – к тазику – и полный холодной воды – на горячее тело. Алик отскочил в сторону, когда брызги попали на него.

– Ну ты даешь!?! – воскликнул он.

– Попробуй сам, отлично, – пригласил Александр.

– Нет уж, уволь, – откликнулся Алик и исчез в комнате отдыха.

Пар, тазики, увлекательные разговоры... все когда-то кончается. Была возможность завершить и эту часть нашей истории без продолжения, этого Алик и ожидал, но в конце банной процедуры Александр предложил:

– Пойдем ко мне в гости, чайку выпьем, поговорим. Я тут рядом живу...

Такое предложение от человека, которого он видел в первый раз, для Алика стало полной неожиданностью. Часов десять вечера. Требовалось прыгнуть через пропасть предрассудков.

Жил Александр неподалеку с баней в бесовской квартире номер тринадцать, один – в однокомнатной. Дорога к его дому проходила через безлюдный и имевший дурную славу в ночное время рынок. Звуки шагов летели вдоль прилавков. Тополиные листья двигались, подчиняясь силе ветерка, и оставляли на асфальте подозрительные тени, гонимые светом фонарей. Завораживающее таинство – вот точное определение складывавшейся картины.

– Где работаешь? – спросил Алик.

– В «вечерке», – ответил Александр.

Он внезапно громозвучно рассмеялся, так, что лиственные тени разбежались от него в стороны, и оперным басом закрепил свое признание:

– В «вечерке», мой друг!!!

– Так ты журналист? – восхищенно спросил Алик.

– Да! – ответил он. – Люди, что может быть интереснее людей? Что может быть интереснее изучения жизни? Ты же понимаешь примерно, о чем я говорю? Ты же в институте работаешь.

– Несколько изобретений у меня есть, но это железо, – ответил Алик. – С людьми туго.

– Интересуйся людьми, полюби их, и люди к тебе потянутся, – ответил Александр.

Ни телевизора, ни люстры в квартире Александра не было. Свет исходил от одинокой настольной лампы. Алик с Александром сидели и разговаривали на самые разные темы, и скучно не было. Александр легко шутил на темы любви. Рассказал историю о хорошем семьянине с двумя детьми, променявшем налаженную семейную жизнь на женщину, с которой переспали все, кто хотел... Удивлял, удивлял и удивлял, показывая сувениры, купленные им в командировках: ракушки, морские звезды... и редкие в то время голографические картинки. Иной раз Алику казалось, что перед ним фокусник.

– Хочешь, покажу завтрашнюю газету? – интригуяще предложил Александр.

– Покажи, – заинтересовался Алик.

Александр вынес из кладовки «вечерку», датированную завтрашним числом...

Встречи случались частенько, но Александр никогда не упускал возможность подчеркнуть свою значимость и иногда был весьма капризен.

– Я хорош дозированно, – самокритично говорил он о себе, но в хорошем настроении был неукротим: рассказывал о круизе по странам Средиземноморья, вызывая в душе Алика

стремление побывать во всех этих странах, что позднее чудесно осуществилось, оставив в душе уверенность, что может исполниться любая сильная мечта. Он рассказывал о своих любовных приключениях в общежитии и самолете. Они запоем играли в покер. Александр был радушный хозяин, умевший вкусно накормить. Он был Учитель, умевший дать хороший совет и точно оценить ситуацию.

– Не знаю почему, но подружки моей знакомой, Розы, о которой я тебе рассказывал, меня ненавидят, – например, жаловался на жизнь Алик.

– Все это зависть, мой друг, зависть, – ответил Александр. – Они завидуют тому, что ты выбрал ее, а не их, или тому завидуют, что у нее все удачно складывается, а у них нет. Чувств не так много...

И это было так интересно, что Алик боялся неосторожным словом обидеть своего нового необычного друга. Он давал Александру возможность шутить над собой, как разрешают коты играть с собой доброму и полезному хозяину, никогда не обижался, и не пытался ответить уколom на укол: его хорошо кормили занимательными речами и мыслями.

Из этой тринадцатой квартиры Алик вынес стремление к умным книгам, обострившееся умение извлекать радость из самых обычных жизненных ситуаций, счастье настоящего дружеского общения, чувство невероятно пронзительной свежести мировосприятия и точности мышления, изредка возникавших в ходе обычного общения. Александр называл это состояние просветлением в унисон своему литературному любимцу Герману Гессе.

Иногда они ссорились, и как-то их взаимоотношения едва не прекратились. Александр произнес по этому поводу длинную прощальную тираду:

– В жизни всегда есть место суете. А порой суета и есть жизнь. Пожалуй, это самое трудное и важное для человека, живущего не только инстинктами, – избежать, уйти от обыденного, от потока мелочных дел и пустых эмоций. Не надо парить в облаках (это еще одна крайность), но не надо ходить по замкнутому кругу, по колее, где все всем уже известно. Мудр тот, кто умеет дорожить каждым прожитым днем и в буднях находит нечто, сохраняя интерес к людям, природе и тем ценностям, которые имеют вес во все времена. Вся эта философия, мой друг, к тому, что никогда не следует спешно хлопать дверью, строить клетки и выносить приговоры – ни себе, ни ближним. Жизнь многогранна, а тот, кто замечает лишь одну ее грань, обычно мелочен и суетлив и помимо своей воли обделяет, в первую очередь, себя.

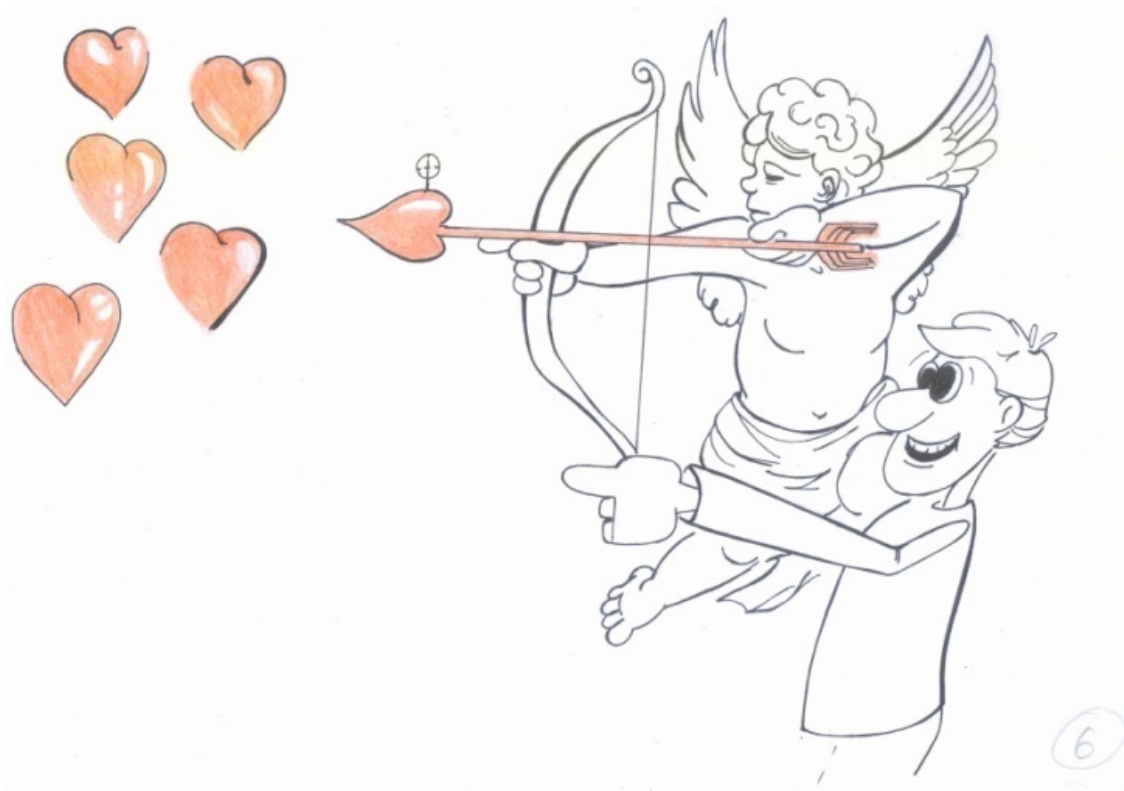
Алик после встреч с Александром написал в дневнике:

Небо тучами идет, жизнь – шагами.
Дождь покапает. Пройдет? Нет, он с нами.
Остается до конца грусть в оконце.
Все слабее свет венца Бога – Солнца.
Закрывает по лучу Облаками.
Я по-прежнему шучу вместе с вами.
Посидим и разойдемся к Порогу,
Освещая друг для друга Дорогу.
Что не сказано, а может, забыто,
Будет Будущим для каждого свито.

Ощущение загадочного, полного неожиданностей мира журналистики возникло в душе Алика, а дружба с Александром крепла, и его советы не раз помогали в будущем найти правильное решение.

ПРИЧИНА

«Глуп тот, кто надеется прожить жизнь в спокойствии. Наоборот, надо искать волнений, чтобы они не застали врасплох»

Родители! Почему понимаешь, отчего они такие, какие есть, только когда достигнешь их возраста и обзаведешься детьми?! Почему так поздно!? Ребенок растет, как молодое деревце, его возвращает мать-земля, влечет и хранит отец-небо, но ребенок этого не осмысливает – он растет и живет отвлеченно. Он пробивается сквозь все преграды, разрушает все на своем пути, а первое, что является преградой, родители. На них ребенок тренирует свои инстинкты выживания, он пробивает землю и борется с небом. Как правильно и как жаль...

Небольшая полуразвалившаяся усадьба из разошедшего от времени дерева на высосанной в пыль многолетними огородными урожаями земле приютила Алика с его женой Розой, ожидавшей ребенка. Такова была воля родителей, живших в удобной трехкомнатной квартире и желавших отгородиться от беспокойного сына расстоянием и удобной отговоркой, что молодым нужна полная независимость. Их тревогу понять просто, если знать, что наслушались они разговоров о хитрых деревенских девках, приезжающих в город, чтобы не столько выйти замуж по любви, сколько, пожив недолго замужней жизнью, развестись и отхватить часть благоустроенного жилья, так тяжело доставшегося родителям. О тяжелое бремя подозрительности! Излишне подозрительное сердце влачится на жилах вслед за телом и, терзаясь на ухабах, безвременно истираясь, болит и тиранит.

Молодость взрослых проблем не замечает. Алик любил необычную обстановку. Когда тащил многолитровую алюминиевую флягу с водой на кое-где поржавевшей стальной тачке от ближайшей колонки к усадьбе, где ждала его молодая жена Роза, он радовался и размышлял о дальних дорогах, глядя на проезжавшие мимо, стучащие по рельсам, ребристые красно-белые трамваи.

– Она сильнее тебя. Это плохо. Она будет править в твоей семье, – говорил ему отец накануне свадьбы. – Она тебя подавит.

– Выдумываешь ты все, отец, – ответил Алик. – Все у нас нормально.

– Я жизнь прожил и знаю, – предупреждал отец. – Таких девок на твоём пути будет достаточно.

– Зря ты так, – сказал Алик. – Найти подходящего для жизни человека не просто. У нас с Розой пока получается. Если не получится в дальнейшем – путь всегда открыт. Можно разойтись.

– В нашей семье так не принято, – ответил отец.

– Роза – единственная женщина, которой я предложил выйти замуж. Остальных я не представлял в роли жены, – ответил Алик. – Назовем это экспериментом...

Родители Алика сделали все, что могли, чтобы свадьба не состоялась, дата переносилась несколько раз, приглашенные выбрасывали в мусорные ящики припасенные для ритуала розы, а потом, вопреки желанию Алика, родители изрядно потратились на проведение свадьбы.

– Отец, сколько мы проживем вместе, не знаю, – уговаривал Алик. – Не траться сильно. Небольшой столик, посидим узким кругом.

– Нет, – отвечал отец. – всю жизнь мечтал женить сына, пригласить на свадьбу своих друзей, чтобы все было красиво.

– Мне этих денег жалко, – говорил Алик. – Зачем тратиться, если результат не известен? Возможно, ничего не получится.

– Нет, будет, как я хочу, – ответил отец.

Алик плохо понимал отца, а кто из сыновей своих отцов понимает? Их редкие душевные разговоры всегда напоминали диалоги, предшествующие драке. Отец, крупный сильный мужчина, прошедший суровую жизненную школу, оставшийся без родителей в раннем детстве, воспитанный дедом с бабкой, служивший в морском флоте, самостоятельно пробившийся до руководящих должностей в миллионном сибирском городе, имел патриархальные виды на воспитание мальчиков. Он опекал, подавлял и не понимал, как, несмотря на это, сын увлекался такой дуристикой, как научная работа, которая, по его мнению, привлекала только бездельников и тунеядцев. Невнимание Алика к карьерному и партийному росту ранила его душу, а тут еще и женитьба на женщине, которую он считал недостойной своего сына...

В будущем Алик будет горько раскаиваться за свое невнимание к отцу и напишет ему письмо, которое никогда не будет отправлено:

«Милый мой, Невидимка! Твое обеспечивающее, обороняющее присутствие я всегда воспринимал как данность природы, как то, что должно быть, словно звезды и солнце, как крыша над головой и подарки ко дню рождения. Обо всех «почему?» и «откуда?» я даже не задумывался, просто рос, радовался жизни и боялся твоего гнева. Ты исполнял свою роль порой безропотно, порой непонятная мне буря огорчения вырывалась из твоей души, но в целом тебя вроде бы не смущала роль Невидимки, хотя теперь я точно знаю, что она глубоко ранила твое сердце, просто ты молчал и ждал, когда я пойму сам. Почему только так, а не иначе? Где знание сердца? Почему только осознание возможной потери тебя или потери реальной заставляет осознать ценность того, чем беспрепятственно, всецело и безоглядно обладал когда-то.

С возрастом я все острее осознаю твою боль, я даже стал отчетливее видеть тебя. Я не подозревал, что зрение памяти намного сильнее зрения в ежедневных встречах с тобой. Куски прошлого, сливаясь воедино и вытесняя неприглядные детали, все более приближаются к завидной идиллии, но весь парадокс и вся трагедия заключены в том, что эта идиллия могла бы существовать, если бы, если бы, если бы... Возможно, каждый из живущих был бы рад очутиться в лемовском мире, вырастающем из волшебных облаков желаний. Как хочется порой найти этот живой пластилин и слепить нечто навек и не уходить из этого маленького мирка, пусть даже иллюзорного, никогда, ведь никто никогда не докажет, что вся жизнь наша не иллюзия, наполненная радостью, оптимизмом, грустью, страданием и смертью. Так хочется сделать слепок с единственного участка жизни и жить им вечно и видеть вокруг любовь. Жаль, что ты действовал, где-то за рамками моей жизни...»

Тачка с двадцатью литрами воды в дюралевой фляге легко катилась по утоптанной множественностью ног снежной тропинке. Вот показался и знакомый забор с покосившимися высокими воротами из почерневшей от времени древесины. Алик завел тачку во двор, обошел Кузины мины, так он называл последствия собачьего туалета их маленькой сторожевой дворняги, которая любила справлять свою нужду почему-то прямо у входа в дом.

Огород копил светлый блестящий снег. После жизни в благоустроенной квартире романтическая жизнь на природе, на земле радовала. По крайней мере Алика. Несмотря на истощенную почву, летом ему удалось вырастить и помидоры, и огурцы, и кабачки. Роза сделала соления, и сейчас они стояли в погребе. Алик искренне радовался редиске и луку, зеленевающим яркими побегами на фоне серой земли. На дворе в жаркую погоду освежала купальня в большой бочке. Благодаря тому, что усадьба находилась на окраине города, можно было пешком ходить в лес и собирать грибы. И вот зима, и все под снегом, который он любил после работы покидать лопатой, размяться на свежем воздухе под светом звезд и фонарей. А перед началом зимы давно легло в тетрадку и было несколько раз прочитано внезапное вдохновение:

Когда Земля шуршит, меняясь,
Тропинкой ржавой вьется вдаль,
Я, с тишиною обнимаясь,
Кричу в немую магистраль.
Кричу с надрывом в слове «поздно»,
Но затерялся эха след.
Все стынет в воздухе морозном,
И гаснет выхода просвет.
А звезды гонят в поднебесье:
«Лети сюда, в наш дивный сад,
Ведь ты на зыбком куралесье,
А там кругом зарытый клад».
К нему копаюсь я украдкой,
Сдвигаю осень со стола
В такую тонкую тетрадку,
Что затихает шум двора.
Ложатся буквы желтых листьев,
Мир кружится веретеном,
А в каждой новой пряди жизни
Проходит узелками дом.
Родился ветер, пыль смешавший
В передвижную чехарду,
Вдали, впотымах меня узнавши,
Затеял тихое: «Приду».
Теребит листья он нарочно,
Качает блики фонарей,
Сдувает сон, влетая ночью,
И шепчет вечное: «Скорей!».

Хорошо, когда уголь завезен заранее, дрова нарублены и заготовлены, а печка жарка и быстра. Труд немалый, но есть что-то основательное в простом жизненном укладе, когда не зависишь от центрального отопления и дворников. Усадьба дышала и жила по вечерам, когда в комнатах становилось жарко, как в самые истомные летние дни. Вода шумно текла по трубам, а на газовых конфорках Роза готовила что-нибудь вкусненькое.

– Алик, интересно, кто у нас родится? – спрашивала она, поглаживая очень даже заметный арбузный живот.

- Кто бы ни родился, наш будет, – отвечал Алик.
- Ой, хлеба-то забыла купить! – восклицала Роза.
- Ладно, сиди, сейчас сбегаяю, – говорил Алик...

По вечерам они баловались, рассматривая живот, где таилась новая жизнь. Алик прикладывал ухо, вслушиваясь, но понятное дело – ничего. Потом по животу стали пробегать бугорки: кто-то изнутри упирался то ли ручкой, то ли ножкой и все настойчивее и очевиднее напоминал о себе. А еще спустя короткое время, когда молодые супруги собирались заснуть в своей избушке, Роза внезапно забеспокоилась и испуганно сказала:

- Кажется, у меня началось.

Ближайший телефон находился примерно в полукилометре, в какой-то организации, каковых много по городу, суть и назначение которых не ясны, но люди получали деньги и тем довольствовались. Там постоянно присутствовал сторож, и Алик уже давно договорился с ним, что тот пустит его позвонить. Машина скорой помощи приехала быстро. Алик поехал вместе с Розой и очень хорошо, потому что в больнице выяснилось, что его жену не могут принять – нет обменной карты. Что это за бумага Алик не знал, но помнил, что ее забрала его мать, чтобы помочь с хорошей клиникой.

«Помогли», – мысленно руганулся Алик и кинулся бегом по ночным улицам и дворам к родительскому дому, благо – бегал он неплохо, а подгоняло его беспокойство за жену и неродившегося ребенка. Когда человек кого-либо не любит в глубине души, даже безотчетно, он будет причинять неприятности и проблемы своему недругу вне зависимости от своих поверхностных желаний. Такой вывод Алик сделал давно. Когда он прибежал домой к родителям посреди ночи и забрал нужные бумаги, то не сказал добрых слов...

Чья привязанность крепче: ребенка к родителям, или родителей к ребенку. Алик, когда рассуждал на эту тему, приходил к выводу, что ребенок сильнее привязан к матери и отцу, чем они к собственному произведению. Их голоса – первые звуки, которые ребенок слышит, находясь еще в утробе матери. Их доброта, их любовь – первые прекрасные чувства к себе, которые ребенок встречает на земле. Он волей-неволей, инстинктивно любит родителей, и даже если пытается с ними порвать всяческие отношения, то больше всего и прежде всего он травмирует и обделяет себя. В этом Алик не сомневался, продолжая мысленные диалоги после каждого конфликта с родными. Родители же любят ребенка как труд и будущее, и, чем больше в него вложено и чем ближе память об этом труде, тем ребенок дороже. Но ребенок в любом случае – не первая любовь. Родителям становится тем сложнее удержать в сердце любовь, чем старше становится их ребенок, чем больше рассудительности он обретает и самостоятельности, чем чаще проявляет неподчинение. Возникают обиды, упреки. Чернота копится. Может ли она закрыть свет? Может. Почему нет? И слова: «От вас на старости корки хлеба не дождешься» – рвут сердце.

Отношения с родителями давили, все более портились, как ветшает, ломается крепкий ранее дом, если его не ремонтировать, а – наоборот – расшатывать и вбивать в трещины крепкие стальные клинья. Ссора разрасталась по традиционным правилам: слово, напоминание, укор, а там недолго до обиды, скандала, заявлений о праве на имущество и квартиру, раздела денежных затрат и питания. Таких историй хоть отбавляй.

После рождения сына Алик с Розой снимали квартиру, потом пожилы с родителями Алика и наконец...

- На Севере у меня родственник работает. Он обещал квартиру и хорошую зарплату. Либо ты едешь со мной, либо я – одна, – сказал как-то Роза таким тоном, что Алику сразу стало понятно, что она так и поступит.

Жизнь полна компромиссов. Она сама компромисс, иначе бы на земле царствовали бесконечная ночь или день, хищники бы съели всех травоядных, море затопило сушу, или, наоборот, суша вытеснила бы всю воду в один глубокий колодец. Так и человеческая жизнь.

Нельзя постоянно саблей махать, иначе можно порубить в шинкованную капусту самое дорогое. Но иногда душу поражает неодолимый гнев. Так все-таки что важнее: поиск путей сближения или поиск сил для продолжения конфликта? Алик сам был полон воинственности в текущее книжное время, он лишь с течением времени осознал великую силу компромисса и сближения с недругами. «Когда нечем заменить то, что имеешь, зачем рвать или выбрасывать?» – спросил он себя впоследствии. Но молодости нужна победа.

Почти всегда житейские проблемы упираются не в дилемму «быть или не быть» в смысле – «жить или не жить», а в самый обыкновенный подсчет элементов выигрыша и потерь. А как узнать, если не попробовать? Тем более на Севере светила квартира! А тут еще родственник проездом...

ДОРОГА НА СЕВЕР

«Жизнь должна изменяться, иначе не заметишь ее»

На Север по заснеженной февральской трассе неслась компактная белая автомашинка «Нива». На заднем сиденье в окружении сумок сидел Алик. Жизнь побросала его, теперь дорога укачивала на заботливых ладонях колдобин, она успокаивала его, словно заботливая мамаша свое беспокойное мало-маленькое дитя. Алик смотрел вокруг и пытался разглядеть красоту загородной природы, но в глаза лезла гипнотическая накатанная лента спрессованного снега и льда, мелькавшая меж двух силуэтов, сидевших на передних сиденьях: водителя и родственника.

– Поехали, посмотришь, как живут на Севере, – предложил родственник.

И вот едва различимая правая сторона обледенелой дороги неслась под колеса. По сторонам равнодушно мелькал заснеженный лес, чьи верхушки отплясывали безумный танец, как график сердечных ритмов на ленте кардиограммы. В салоне успокаивающе играла музыка, напоминая о молодости в песнях «Бони М». Мысли устремлялись прочь, в какие-то иные леса и ситуации:

Зима! Ах, модница какая!
Свои уборы поправляя,
Своим величием удивляя,
Идет спокойно, вся блистая!
Была шалуньей озорной,
А стала белою княжной!

Она легка, нетороплива
И даже, кажется, счастлива,
Что рядом шествует ВЕСНА.
А с нею, близкой подругой,
Зима прекрасна и мила
И перед долгою разлукой.

Пока водитель гнал машину в спокойном темпе, душа Алика покоилась на незримых успокаивающих подушках безмятежного легкомыслия. Эта была первая его поездка на автомобиле на столь дальнее расстояние, исчисляемое не только сотнями, но и тысячами километров, и трепетание чувств возникало. Пассажир над дорожными обстоятельствами не властен. Бывало, что их машина после обгона едва успевала вернуться на свою полосу, как мимо с шумом пролетало встречное чудовище.

«Пронесло», – восклицал кто-то в голове Алика, но поскольку «проносило» регулярно, он успокоился, несмотря на тревожную статистику дорожных катастроф, которая теперь перешла в разряд нереальных рассказов. Что с того, что в автокатастрофах людей погибает больше, чем при крушении поездов и самолетов, если эта единственная машина едет так уверенно? С ней, наверняка, ничего не случится: гибнут дураки...

Где-то в районе населенного пункта с иноземным названием Пыть-Ях во сне Алик почувствовал, как машина резко вильнула, взревел мотор. Алик открыл глаза. Ничего. Только темнота, нереальные, вырезанные светом фар силуэты деревьев меж двумя головами впереди.

– Что случилось? – спросил он, сладко зевнув так, что нижняя челюсть чуть не вылетела из височных суставов, как уже случалось.

– Да ничего, спи. Прицеп за «Камазом» на гололеде начал сворачиваться, вылетел на нашу полосу и чуть не перекрыл дорогу, еле объехали, обочину немного зацепили, – тревожно ответил водитель.

Алик не знал, что проехать на скорости по обочине на северных дорогах равносильно самоубийству, потому что летом обочина сплошь песчаная. Колеса, попавшие в песок, пробуксовывали, колеса оставшиеся на дороге гнали вперед. Из-за разницы скоростей колес машину разворачивало на дороге, и она неизбежно переворачивалась, а там как повезет. Их спасло то, что песок обочины обильно впитал осенние небесные воды, а зимняя сибирская стужа заморозила эту смесь до состояния железо-бетонной плиты, но нет ничего успокоительнее незнания.

Второе приключение было опаснее. Они обогнали автобус, но только вернулись на свою полосу, как гололед напомнил о себе ощущением легкого холода в животе, возникающего обычно в свободном полете. «Нива» неуправляемо заскользила по трассе это мгновенно сообразил даже Алик, никогда не попадавший в такие ситуации. Сон исчез, словно кто-то нажал на кнопку отключения. Как на экране телевизора – шелк – и нет картинка. Алик резко подался вперед и в напряжении застыл. Состояние полета длилось секунды, доли секунды и исчезло так же внезапно, как появилось. Водитель откинулся на спинку сиденья, явно облегченно, и сбросил скорость. В ответ на это автобус обогнал «Ниву» с оскорбительно продолжительным сигналом, пронзительным, как вой пожарной или милицейской сирены, но только обогнал и заскакал впереди на перекошенных дорожных плитах, как сам сбросил скорость. В кабине «Нивы» раздались нехорошие слова, которые не принято говорить при детях и женщинах. Алик опять встрепенулся и увидел, как мощный зад автобуса угрожающе быстро приближался к ним, сияя кровью габаритных огней. Водитель инстинктивно нажал на тормоза, автобус стал удаляться, но «Ниву» развернуло бочком, и она неуправляемо заскользила...

Алик вцепился в переднее сиденье. Навстречу спешила колонна мощных грузовиков, их фары слепили глаза, как солнце. «Все, конец», – подумал он, однако «Нива», скользя бочком по трассе, чудесно проскочила мимо колонны тяжелых автомашин, лишь потом ее развернуло полностью поперек дороги. Алик еще успел удивиться, что колеса и поперек движения

скользят не хуже, чем напрямик, как «Нива» наткнулась на обочину. Удар о наст был шумный. Трах – бах! Машина закувыркалась и примерно через три поворота задела на боку, оставив в душе Алика угнетающее, внезапно возникшее чувство покорности судьбе.

«Как животное на бойне, со всех сторон зажат, и не вырваться, – оценил Алик. – Только орать как-то стыдно. Вот так люди и погибают, не успев осознать».

– Ты убрал бы ноги с моей головы, а то вылезать надо, – попросил родственник, толкая Алика...

Они вылезли через пассажирскую дверь, как через люк танка и увидели, как к ним спешат люди, пассажиры злополучного автобуса, проваливаясь по колено в снег.

– Что случилось?

– Как вы?

– Все в порядке?

Участливые вопросы вернули в реальность.

– Все нормально, мужики, – сказал водитель, испытывая к ним поистине теплые чувства.

Шутники могли уехать, но остались. «Ниву» вытащили на трассу на руках. Поставили. Проверили, заводится ли. Машина оказалась целой и работоспособной. Поехали дальше...

– Почему на Севере дорога буграми идет? – спрашивал Алик.

– Дорогу лихие люди строили. Не понравится мастер или начальник, жизни лишали, а тело укладывали под полотно. Мертвецы гниют, образуются пустоты, вот плиты и проваливаются, – отшутился родственник, сохранив серьезные интонации.

– В этих местах, наверное, зверья много, – предположил Алик.

– Есть такие двуногие, – согласился водитель, думая о своем.

– Нет, я говорю о том, что в лесах водится, – уточнил Алик.

– До прихода человека леса шуршали от обилия дичи, – сказал водитель. – Но все постреляли, природу нефтью залили. В лес пойдешь, осторожнее будь.

– А что такое? – спросил Алик.

– Зверье от нефти мутировало, – ответил водитель и незаметно для Алика подмигнул родственнику. – Охотники в лесах вокруг маленького нефтяного города уже давно привыкли к виду черных медведей, зайцев, уток, гусей и куропаток. Это зверье шастает зимой и летом одного цвета не в силу генетических особенностей организмов, а в силу порывов нефтепроводов, фонтанирования скважин и разливов ямо-амбаров, куда нефтяники сливают всю грязь, образующуюся при бурении скважин. Черные почитаются на Севере, как юродивые на Руси, как коровы в Индии, и стрелять их, обиженных жизнью, считается большим грехом. Их при встрече обходят стороной и милиция, и простой народ, а громадные черные зайцы-переростки со слипшейся, замазученной шерстью идут мимо, оставляя зимой на снегу, летом на мхах устрашающе черные следы. И жрут они, падлы, одну нефть, и самих их есть нельзя. Замирают охотники в кустах с трепетом в сердце, опасаясь, как бы черный заяц их не заметил, потому как ходят слухи, что и убить их нельзя, а укус их смертелен. Чтобы не навлечь гнев Черного, требуется смирение...

– Перестань, а то запугаешь человека, – весело смеясь, прервал водителя родственник. – У нас только одних черных как грязи – с южного заповедья российского – азеров, казахов и прочих. Что их сюда, в морозы, тянет, ясно. К нам они за деньгами едут, на российской земле жиреют, а русских на своей земле притесняют и гонят с обжитых мест. Вот правда жизни, точнее, горе.

– А на Севере вода горячая есть, чтобы помыться с дороги? – продолжил расспросы Алик.

– Конечно. Выходишь на улицу, снегу наберешь в ведро, топишь его на плите и умывайся, а хочешь – ванну набирай, – продолжил игру водитель. – Кстати, осталось семьдесят километров. К Карамовке подъезжаем...

Пост ГАИ отозвался радостью в сердце. После безлюдной трассы с редкими автозаправочными станциями, такими редкими, что проехать на Север было невозможно без полной канистры в багажнике, признаки цивилизации радовали: кафетерий со скамеечным названием «У трех дорог», надежное здание поста, направляющие оградки, бронетранспортер, вооруженные автоматами милиционеры...

– Осталось сорок пять километров, – сказал водитель. – Смотри направо.

Побледневший от времени журавль заглядывал в колодец и что-то высматривал. Скорее всего есть ли там вода. Когда-то он вытаскивал клювом ведро с водой для романтичных и основательных первопроходцев Крайнего Севера. Но этот период прошел, нахлынула вторая волна переселенцев, готовая использовать обжитые места, и в глубине колодца упокоилась тина и брошенные беззлыми отдыхающими пустые бутылки, и не было отклика на интерес птицы. Рядом догнали два покосившихся от одиночества навеса и покоился громадный первозданный камень с надписью, посвященной первопроходцам.

– Симпатично, – вынужденно похвалил Алик, чтобы не обидеть.

– Осталось тридцать пять, – возвестил шофер, когда «Нива» взлетела на огражденный мосток. – Пяку-Пур.

О происшедших на дороге авариях напоминало редкое кладбище, устроенное вдоль обочины. От нечего делать Алик посчитал: на отдельных участках дороги количество надгробий доходило до трех на один километр. Каждые триста тридцать метров – человек, а то и семья, свободнее, чем на кладбище, но жутко. Некоторые могилы ухожены: красивый памятник, рядом скамеечка, вокруг ограда, возле памятника цветы. Мысль о смерти витала над этой дорогой. Лихой народ.

– Почему так много? – спросил он.

– Наш нефтяной городок как аппендицит, – ответил водитель. – Ближайшая железнодорожная станция и более-менее цивилизованный центр – в ста двадцати километрах по асфальтированной дороге или в восьмидесяти километрах, если напрямик по лесам и болотам. Пассажирские самолеты и вертолеты к нам не летают, поезды не ходят. Трасса – единственная связь с миром. Движение насыщенное, народ разухабистый. Строительство в этих местах началось всего десять лет назад...

«Дорога собирает дань за существование маленького нефтяного города, в который я еду. И за жизнь она берет плату жизнью, – понял Алик. – Платой за любое ускорение жизни общества, за любой прогресс в жизни общества, за любое территориальное распространение жизни общества есть смерти людей, которые могли бы жить. Пропорция должна быть уравновешена».

Когда после безлюдья дальней трассы, где машина может сломаться, разбиться, где ее могут остановить бандиты, после леса, непрерывного леса, надоедливового леса, постепенно превращающегося в сообщество худосочных деревьев, растущих на землях, свободных от унылых болот, превращающихся зимой в заснеженные пустынные пространства, где ветер разгоняется так, что машина едва не слетает с трассы, возникают дома долгожданного города, маленького нефтяного города, пусть не красивого, но желанного и жилого, где можно отдохнуть, хочется целовать всех подряд за такой подарок. Сиюминутно, проходяще, но хочется. Вопросы, как возник город, в этот момент не возникает, как у большинства не возникает вопроса, как родилось солнце – греет, каждый день восходит – и слава Богу. Хотя и Бога, пожалуй, редкий человек благодарит. Да что солнце! Город в тайге воспринимается в первый момент более восторженно, чем солнце, потому как можно не увидеть и не доехать. Дома, магазины, светофоры, машины, люди, и в квартирах есть вода, и холодная, и горячая там, где говорили, что лишь медведи по улицам ходят.

Родственник поселил Алика у себя. Квартира была трехкомнатная и по стандартным меркам вполне хорошая, если не считать недостатком сумрак, который в ней стоял в любое время дня. Причем солнце редко и слабо гостевало в этой квартире не столько из-за северного ее расположения, сколько из-за того, что стекла покрывались толстым слоем льда, а как раз зима и бесилась за окнами.

Подъезд напоминал хорьковую нору по признаку, по которому определяют человека, как хорька. Много подъездов – много хорьковых нор. Но в целом приятно, что не древесные

избушки, и не шкурные чумы, и снег не надо собирать в кастрюлю, чтобы натопить горячей воды, и хорошо, что и кухня, и плита, и еда, и все по-домашнему. И выпить по этому поводу не грех...

Алик полагал, что за те деньги, которые люди зарабатывают на Севере, они трудятся, не покладая рук. Он часто вспоминал рабочих возле гудящих, устрашающе сильных токарных станков, через чей цех он проходил каждое утро от проходной в родном сибирском городе, куда как южном по отношению к Крайнему Северу. Сверкающая, сияющая синеватой окаленной пружиноподобная стружка собиралась возле станков в темные змеиные кучи, а рабочие стояли целый день у станков и точили какие-то болванки. Они их точили изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Из болванок получались какие-то блестящие свежерезаной сталью детали. Утром их было мало, а то и вовсе не было, вечером они выстраивались строем новобранцев. Ничего ужаснее жизни, которую вели эти рабочие, Алик не мог себе вообразить. Восемь часов на ногах, бездумная механическая работа, в которой каждое действие заучено наизусть, вечерняя усталость, домашний диван и телевизор, и опять по кругу. Он думал, что северные рабочие, судя по зарплате, стоят возле станка не с утра до вечера, а с утра и до утра, что они и не знают диван и телевизор. Однако, первый рабочий, замеченный им на промышленной зоне, когда они проезжали по маленькому нефтяному городу на «Ниве», беспечно шел, почти прогуливаясь по заснеженной территории своего предприятия, лениво попиная ледяные катышки, попадавшие ему на пути. Никто не кричал ему вслед: «Давай быстрее!» Никто не ругал матерно. Рабочий шел, никуда не спеша, и похоже без дела. «Вот это Север!!!» – мысленно восхитился Алик и запомнил эту картинку на всю оставшуюся жизнь. Север был щедро намазан сладким, но не деньги или посулы предопределили выбор Аликом своей будущей работы – выбор предопределило прошлое.

ВЕСЫ

«Продавая себя, надо тщательно взвешивать и подсчитывать, потому что такой товар у каждого единственный»

Вначале выбор судьбы делают родители. Алик, как и большинство его сверстников, не осознавая и не слишком долго раздумывая, внял совету отца и пошел, как говорится, по его стопам в технический институт.

Лишь спустя много лет, когда он получил образование и несколько лет отработал по полученной специальности, он понял, что сварка металлов – не его призвание. Важно в данном случае было то, что в отличие от многих он успел данный факт осознать не в том возрасте, когда тело и мозг становятся уже не способными на изменчивость, а во вполне работоспособном возрасте до тридцати лет. И помогло ему в выборе то, что он очутился вдали от всех подсказчиков и помощников на далеком от родины Крайнем Севере, в квартире у родственника, которому до него, по большому счету, дела не было, а когда окажешься в воде на глубине, где привычную землю ноги не достают даже вытянутыми вниз пальцами, то либо научишься плавать, либо утонешь...

Алик всегда был человеком странным, он жил словно в другом мире, настолько далеко от видимого большинством, что сверстники в нем не ощущали конкурента по реальности и даже не били. Он был разный, настолько, что постороннему могло показаться полное отсутствие в нем каких-либо цельных убеждений. В нем легко уживались математический склад ума и художественные пристрастия. В отношениях с людьми он мог быть всепрощающим и жестким. В решениях дальновидным и несмелым. Что делать с собой, когда тебе тридцать, все дороги перед тобой, а та профессия, которой обучился и следовал, не интересна?

Алик выбрал время, когда северный родственник и его семейные, которых мы не будем касаться в данном повествовании из-за полного отсутствия их влияния на нить повествования,

ушли на работу, сел на диван в зале, полутемном в мартовский день, потому что окна застекленного балкона были сплошь покрыты изморозью и льдом и едва пропускали солнечный свет, взял чистый лист бумаги, провел по нему линию, разделив поле листа на две примерно равные части. На одной сверху написал: «Мои крупнейшие успехи». На другой стороне – «Способности, которые помогли мне этого добиться». Второй лист бумаги поделен на три части, и надписи были другие: «Мои крупнейшие неудачи», «Способности, которых не доставало, чтобы миновать неудачу», «Как я вышел из ситуации».

Такой подход к собственным проблемам не был случайным, потому что Алика больше всего в жизни интересовал он сам. На тему изучения самого себя он прочитал массу книг и провел достаточно бесед с умными людьми. Граф было много, но мы не будем их перечислять.

Перед тем как съесть подпорченное яблоко, а именно такова была жизнь у Алики в этот момент, желательно вырезать его подгнившие участки, тогда оставшееся вполне годно и даже вкусно. Получалось так, что то яблоко, которое Алик мог есть в течение всей жизни, должно быть начинено до предела интеллектуальной начинкой, позволявшей удовлетворить любопытство, стремление к новизне и писательско-аналитическому труду. Но где найти такую работу в маленьком нефтяном городе, где почти все население приехало, чтобы либо крутить рулевое колесо автомашин, разъезжая по промыслам, либо строить дома и прокладывать инженерные коммуникации, либо добывать нефть? Конечно, если быть точным, народ приехал в этот неприветливый край для того, чтобы больше заработать с помощью тех способностей, о которых мы упомянули в предыдущем предложении.

Алик ходил по заснеженным оледеневшим тропам маленького нефтяного города, натоптанными ногами жителей поверх тротуаров, заглядывал в магазины, расположенные в квартирах домов, размышлял о предложениях родственника, сводящихся к тому, чтобы стать руководителем производства, понимая, что это ошибочный путь и только в крайнем случае при нужде..., как вдруг в один действительно великолепный момент он в очередной раз купил неприглядную местную газету, которую все называли «программкой», глянул на нее и понял...

ПЕРВЫЙ ШАГ

«Дети, как поршень, выталкивают взрослых из жизни»

Первым человеком, встретившимся Алику в редакции городской газеты маленького нефтяного города, стала толстушка Светлана Петровна (для своих просто Петровна), сидевшая в редакции на дежурстве, милая улыбчивая женщина, в поверхностную часть души которой можно влюбиться с первого взгляда и навсегда. Она магнетически притягивала, с ней хотелось общаться и общаться, исповедоваться и ждать. Чего ждать? – непонятно. Но таково было свойство натуры Петровны – притягивать людей.

Ее покрытые нежным пушком щечки, пухлые губы, короткие кудряшки волос напоминали о море нерастроченной любви, присущей Ильфо-Петровской мадам Грицацовой. Они и были бы полностью схожи, если бы не полное внешнее отсутствие жадности обладания вещами и мужчинами у Петровны и непонятно откуда взявшаяся в маленьком нефтяном городе интеллигентность и даже светскость.

Ее проникновенный голос завораживал, ее слова светились, как неожиданно красивые цветы среди загаженной природы.

– Я хотел бы устроиться в газету, – сказал Алик, – но не знаю, возможно ли. У меня нет образования в этой области.

– У нас все, кроме редактора, не имеют образования. Важно, чтобы ты писать умел, – так Петровна, не понимая того, очертила принцип жизни северного города, потому как деньги, получаемые людьми на Севере, редко соответствовали их профессионализму и больше напоминали легкие и большие деньги, срубаемые на халтурках, на вредных производствах.

...Точнее не писать, а творить и сочинять, – добавила Петровна.

Омонимическая стыдливость к слову «писать» почему-то прочно приклеилась ко многим работникам газетного производства, и она украсила розовым оттенком пухлые щечки Петровны.

– Составлять тексты я умею, – понятиливо ответил Алик. – Работал в институте. Сам изобретал, составлял заявки на изобретения. Пишу стихи, дневник.

– Ну что ж. По-моему, ставка корреспондента у нас есть. Когда редактор появится, я с ним переговорю. Заходите...

– А когда он появится?

– Он живет в другом городе, раз в неделю заезжает. Заходите, – еще раз вежливо напомнила Петровна.

Встреча с редактором Бредятиным, носившим очень и очень творческую шевелюру и бородку, излучавшим вокруг себя устойчивую заумную ауру, была не очень приятна.

– Мы можем принять тебя, но только фотокорреспондентом. Это очень небольшие деньги, самые маленькие, скажу честно, но других ставок нет, – сообщил он.

– Хорошо, – согласился Алик, хотя и разглядел в уклончивых глазах Бредятина неприятную хитринку. – Годится, если не надо отсиживать в редакции рабочее время.

– С этим не будет проблем, – заверил Бредятин...

Проблемы возникли, когда редактор захотел в отпуск. Кто любит бесплатный производственный энтузиазм, кроме начальства? Бредятин хотел отдохнуть и искал подмену.

– Мы же с вами обговаривали, что я нахожусь в свободном полете, – напомнил Алик редактору.

Бредятин не привык к отказам, по крайней мере от подчиненных, и последующие события напоминали сход снежной лавины, вызванной громким восхищенным возгласом среди спокойных нетревоженных гор, копивших снег столетиями. На столкновении интересов Алик лишился любви и заботы редактора. Затем его невзлюбила ведьмообразная жена редактора, имевшая пышные черные прямые волосы, казавшиеся неукротимыми, крайне неприветливое лицо и работавшая в газете, естественно, заместителем. Невзлюбила Алика даже лохматая песчано-белая колли Бредятина, которую тот изредка брал на работу. Она покусывала, точнее пощипывала зубами, под столом ноги Алика, когда они всем коллективом в перерывах между работой и обычными разговорами, которые порой и заполняли все рабочее время, пили чай в прокуренной кухне двухкомнатной квартиры, служившей в то время редакцией. Алик время от времени попинывал сволочную собаку, а к мнению руководства всегда был равнодушен. Он строчил газетные тексты на ударной пишущей машинке, купленной по случаю, потом резал отпечатанные листы, стыковал по новому полученные куски, что-то выбрасывал, что-то клеил, допечатывал, получал самую низкую в редакции зарплату, и более его ничего в редакции не интересовало.

Даже самая беззащитная тварь земная, если ее зажать и мучить, может укусить. Нашего героя беззащитным назвать сложно. Интуиция погнала его в администрацию маленького нефтяного города, к чиновникам, учредившим газету. Оказалось, что Бредятина, бывавшего в этом маленьком нефтяном городе наездами, давно хотели снять за то, что он северную городскую нефтяную газету превратил в трибуну чайки по имени Джонатан и милого ему Рериха. Люди в доме, из которого велось правление маленьким нефтяным городом, хотели читать побольше хорошего о себе и о своих добрых знакомых, а получали философские тексты, которые не понимали, и скучали. Кто такой Рерих по сравнению с Главой далекого от Гималаев маленького нефтяного города? – дождливое облако над вязкими болотами. Что образ мысли Рериха по сравнению с образом мыслей жаждущих денег людей, уже давно пожертвовавшими для этой цели красотами мира? – шифровка...

Прервала размышления Алика жена Бредятина. Она подошла, гася свет чернотой своих волос и заглядывая никак не менее, чем в желудок Алика злыми недовольными глазами. Слов не прозвучало. Она впервые бросила Алику исчерканные листы его работы.

«Почерк сучки, – узнал Алик. – Мстит за отказ подменить их в отпуске или прослышала, что я был в администрации». Как понял Алик впоследствии, это была любимая месть руко-

водства газеты своим подчиненным – исказить текст правкой до неузнаваемости. Любой человек безотчетно равнодушен к любому своему творению, пусть даже и некрасивому. И нет болезненнее удара, чем едко упрекнуть...

Майский снегопад, возникший в последний день месяца, добавил безысходной грусти. «Оплаканное и не началось. Немного жарких дней ему пришлось», – написал Алик тут же про северное лето. Руководство редакции также пребывало в унынии. Казалось, что сама жизнь угасала, когда Бредятин сидел за печатной машинкой и нервно печатал депеши в администрацию, которая всегда рада лишний раз продемонстрировать пренебрежение служкам из собственной газеты. Бредятин посылал все новые требовательно-доказательные бумаги и получал все более неутешительные ответы. Алик смотрел на это и думал:

«Абсолютная уверенность в своей правоте – это всегда плохо. Бескомпромиссность власти понятна – это сытая уверенность хозяина положения. Безоглядное упрямство творческих людей – это нонсенс, заставляющий думать об ограниченности мозговых способностей у данного вида газетного гомо сапиенс. Наша сторона может взять только хитростью и ловкостью, а также четким соблюдением установленного порядка. Хозяева не понимают игры по правилам, придуманным игроками...»

Однако не так глуп был Бредятин, как считал Алик. Расчет Бредятина в силовом столкновении с администрацией города строился на авторстве на название газеты. Он считал, что Глава не решится его уволить, и поэтому в чиновничьих кабинетах позволял себе кричать:

– Заберу раскрученное название газеты, и тогда живите, как сможете, никто вас читать не будет...

И слух о подобном по маленькому нефтяному городу ходил...

СЛУХ О ХРЮНЕ

«Иной раз несколько знаков на дешевом листе бумаги обеспечивают жизнь лучше, чем упорный ежедневный труд»

В маленьком нефтяном городе наркоманов было хоть отбавляй. И судить некого, поскольку милиция сама подрабатывала на привозе. Ловили одного из двадцати – случайных. Хрюндиков, для своих Хрюн, – молодой парень, сын бухгалтерши из Комитета финансов городской администрации, имел отличительные воровские глазки, среднее телосложение и привычку периодически вводить в вену дурманящие растворы. В наркотическом бреду он летал по всему миру, потому второе, что он страстно любил, всемирную компьютерную сеть.

Офонаревшая от свободы страна продавала все, что могла и как могла. И кому это в голову пришло, сказать сложно, но где-то в кулуарах Правительства решили добыть деньги, продав названия городов. Прикинули, что название ничего не стоит, а деньги взять можно для повышения, например, пенсий. Разместили торговые прилавки на авось, в компьютерной сети, может, кто купит. У Хрюна хоть и мутные были глазки после очередной дозы, но рассмотрел он потенциальную силу в покупке названия своего маленького нефтяного города и был у прилавка первым.

Вначале – ничего. Спокойно. Хрюн изредка перечитывал название маленького нефтяного города, переставлял в нем буквы, стараясь составить еще какое-нибудь слово, чтобы хоть видимость, что за одну цену – два, но вскоре это ему надоело и он забыл о своей покупке. Так прошел год-два.

– Хрюн, пора тебе на работу устраиваться, – сказала как-то мать.

– Сам, ма, не против, – ответил Хрюн, – но никто не берет. Я ж зарегистрирован.

– Я в администрации похлопочу, ты ж в компьютерах петришь, – успокоила мать. – Сейчас как раз такие специалисты, как ты, очень нужны. Хоть на зелье заработаешь. Устала тянуть.

Хрюн стал специалистом компьютерного отдела администрации маленького нефтяного города – мыслящим прибором в руках чиновников. Работал, правда, не упакываясь: в чате общался, виртуальных монстров стрелял, голых баб рассматривал, благо такого добра в компьютерной сети на каждой странице хватало. Деньги получал. Кололся. Кайф ловил. Все вроде имел Хрюн, но несчастлив, кто успокоился. Хрюн пошел дальше. Нашло на него исступление, и он в один вечер, когда все ушли по домам отдыхать, остался вроде как повечерять, а сам продал на сторону все оборудование компьютерного отдела и кинулся в загул. Скупил весь героин в маленьком нефтяном городе и устроил такой кутеж, что объявился на работе только через две недели.

Скандал произошел великий. Его мама, возвращая украденное сыном оборудование, израсходовала все многолетние накопления. Глава маленького нефтяного города вызвал Хрюна, еще не протрезвевшего, и гневно безапелляционно сказал:

– Пиши заявление на увольнение.

– Хорошо, – согласился Хрюн, – но вы чего-то недопонимаете.

– Что!?! – повысил голос Глава.

– Поутихни, дядя, а то неровен час обделаешься, – спокойно ответил Хрюн. – Вы знаете, что название города мое?

– Ты что – сдурел? – спросил Глава.

Его лицо, словно рубленное топором, но от сытой жизни обретшее плавные очертания, нервно подернулось.

– Может, и сдурел, но это к нашим делам отношения не имеет, – ответил Хрюн. – У меня есть официальный договор на покупку названия вашего города. Если вы меня увольняете, то ищите новое.

– Покажи договор, – потребовал Глава.

– Нет проблем, – ответил Хрюн, встал и бросил на стол Главы лист бумаги с синевшей внизу солидной печатью, судя по количеству в ней текста и наличию государственного герба.

Глава пробежал глазами по листу, нахмурился, а Хрюн выдернул из его рук договор на покупку города, весело глянул и направился к выходу, сказав предварительно:

– Думай, дядя, на то ты и Глава, чтобы голову-то иметь...

Чиновники забежали, выискивая возможности забрать название города у Хрюна, но его покупка оказалась законной, и самое плохое, что изменить название города было невозможно: прижилось. Если Хрюн запрещал его использовать, то город терял адрес полностью. На конвертах можно было написать автономный округ, улица, дом, квартира, а город без согласия Хрюна нельзя. Напротив расписания автобусных перевозок вместо названия города в случае усугубления конфликта с Хрюном могла остаться пустота...

– Похоже, Хрюн, что в прошлый раз я с тобой погорячился, – сказал Глава при следующей встрече. – Работай, как работал. Можешь на работу не приходить, деньги тебе домой занесут. Что еще надо? Говори. Если скажешь, так и наркотики можем прямо в квартиру...

– Спасибо за заботу, – поблагодарил Хрюн. – Я верил, что мы сработаемся.

– Если что, ты только позвони...

Началась у Хрюна великолепная жизнь. Буквально вскоре после этого туристы Крайнего Севера встретили его на острове Бали, где царило вечное яркоцветное лето, в окружении тамошних красавиц. Хрюн угощал и рассказывал:

– А я ему говорю: ты у меня в кулаке. Хочешь, чтобы город остался с прежним названием, – плати. Не хочу жить на Крайнем Севере, хочу жить на заграничном юге, в самом райском местечке. Деньги шли на мой банковский счет на Бали не позднее пятого числа каждого месяца, и не дай бог заставишь меня волноваться и звонить...

Бредятин поверил слуху о Хрюне и надеялся, провернув аналогичный шантаж, получить крупный выигрыш, но чиновники решили, что название небольшого издания маленького нефтяного города, пусть даже единственного издания, – это не название города и им можно пренебречь.

Все, кроме руководства редакции, остались при работе. Изменилось название газеты. Алик с корреспонденткой по фамилии Мерзлая стали претендентами на должность редактора.

Мерзлая носила мощные очки, создававшие иллюзию огромных глаз, имела крупную некрасивую родинку на правой щеке, тело, возросшее на излишнем питании и недостатке движения, являвшее собой не символ средневековой гармонии, а распущенность, сластолюбие и чревоугодие, но, как многие женщины, считала себя безумно привлекательной. И вот стояли они, Алик и Мерзлая, на пронзительном, ледящем и, казалось, летящим со всех сторон света попеременно июньском ветре возле отделения двухэтажной коробушки, цвета некрашеного строительства, где находился банк маленького нефтяного города, и делили должности.

– Я не хочу быть редактором, – схитрил Алик. – Давай я буду твоим заместителем, а ты руководи. Все ж у тебя мать была редактором.

Определять направление своих поступков надо из невозможности поступить иначе. Алик не хотел ограничивать свою свободу без убедительного повода. Он не любил революции даже тогда, когда на них шел. Революции отнимали много сил и не давали равноценного выигрыша. Зачем нужны лишние обязанности, если не страдаешь карьеризмом? К начальству надо быть близко, чтобы иметь деньги, но все же не настолько близко, чтобы обжечь крылья. Алик не желал встречаться с Главой города, он строил буфер и любил жизнь.

– Но я одна не справлюсь, – испуганно призналась Мерзлая. – Сам знаешь, мама живет далеко, в Янауле, телефон денег стоит. Мне нужен помощник здесь.

– Буду помогать, чем смогу, – чистосердечно заверил Алик.

– По нашему штатному расписанию у редактора есть два заместителя: ответственный секретарь и выпускающий редактор, – сказала Мерзлая.

– Секретарь – это не по мне, – ответил Алик, исходя из общепринятых знаний о секретарской должности. – Буду выпускающим редактором.

– Договорились, – согласилась Мерзлая и тем самым отодвинула Алика от себя как возможного претендента в будущем на ее кресло, причем отодвинула при его добровольном согласии, поскольку прямым заместителем редактора был ответственный секретарь, а выпускающий редактор была скорее техническая должность, чем творческая.

Незнание тоже сила, только сила конкурента или противника. Так Мерзлая стала редактором, а Алик даже не понимал, что уже проиграл карьеру ближайших лет, но, к слову, если бы он об этом и узнал, то более всего огорчился бы от молчаливой хитрости Мерзлой.

День рождения новой газеты отмечали с шиком. На столе появились и быстро исчезли малоградусная водка «Стопка» с дынным привкусом, шампанское, ликерчик из магазинчика в соседнем подъезде, вареная картошка крупными кусками с сосисками из консервной банки, запеченная в духовке картошка, нарезанная на манер лапок с кусочками чеснока между пальчиками, соленые грибочки из местных таежных лесов, свежие помидорчики... Магнитофон пел Киркоровым. Гадали на кофейной гуще. Алик был единственным мужчиной среди женщин. Многие потом завидовали, говорили: «Малина!!!» Но с другой стороны всем женщинам надо было во избежание ненужных обид уделить равное внимание и никого не выделить. Алик старался, и ему удавалось балансировать меж притягательными и пропастными объятиями. Вначале бабоньки сидели скованно, потом разошлись-расплясались. Набежали их мужья, и стало еще интереснее. Но не все супруги понятливые. Некоторые ревновали и не посещали такие собрания и впоследствии. Так сразу после дня рождения газеты новоиспеченную редакторшу дома отлупил муж, и на следующий день Мерзлая пришла в редакцию в очках с очень затемненными стеклами, под которыми угадывались выдающиеся синяки.

Впрочем, в этот момент Алика волновали не столько женщины, сколько блестяще представившаяся возможность громко заявить миру о своем существовании, пусть не всему миру, пусть маленькому его кусочку, мыслящему зернышку, перепачканному нефтью. Алик всегда безрассудно, неосознанно стремился к бессмертию. Он хотел, чтобы его мысли были услышаны, имели отклик в умах, но не любил публичные речи, даже за праздничным столом он молчал, потому как не умел генерировать гармонию в шуме. Он вел дневник, писал стихи, плохие или хорошие – другой вопрос. Он их создавал, читал друзьям и стремился быть напечатанным, но опять же не предпринимал никаких действий, чтобы это его желание осуществилось. Все решилось само собой.

«В публикации присутствует стриптиз души. Очень хорошо, если читатель обнаружит, что твое обнажение прекрасно. А если нет? Если мысли, стихи, проза окажутся похожи на уродливого карлика или Квазимоду? Грозит всеобщий смех. Это риск. С другой стороны, Квазимода рискнул претендовать на любовь. А, пусть смеются или плачут. Я тоже хочу жить», – так рассудил он и стал отдавать стихи в газету, тем более что постоянные поездки в далекую типографию за добрую сотню километров хоть и сильно утомляли, но просветляли: голова становилась тяжелой от тряски по неровной дороге, но, как ни удивительно, пронзительно мечтательной.

Денег стало больше. Городская администрация решила побаловать коллектив вновь созданной газеты повышением жалованья. Радость новых ботинок мелка, но Алик неоднократно подмечал, что к значительным переменам в жизни иной раз приводят непримечательные пустяки, случайные, но точные слова. Они попадают на почву души. И появляется дерево. Идешь по жизни, переезжаешь, приобретаешь, теряешь, меняешь, а причина, порой, всего одна – давно забытая фраза. Ее можно раскопать в архивах памяти. По этому поводу он, подсакивая на ухабах северной трассы, сочинил не всем понятный стишок:

В тетрадах, тайниках, конвертах...
Простых предметах бытия
Хранятся ключики к вселенной,
Упрятанной в глубинах «Я».

Один лишь образ их..., иль запах,
А может, строчка... В мир чудес,
Как заяц на пушистых лапах,
Ускачет память в древний лес.

Этот стишок вышел в газете маленького нефтяного города под псевдонимом Женя Рифмоплетов – публично и безлично, а значит, безопасно. Почему память ускачет в древний лес воспоминаний именно на «пушистых лапах», Алик не мог объяснить даже сам себе, но все получилось вполне пристойно, в рифму и истинно, как он считал. Алик собрал достаточно предметов, напоминавших ему о прекрасных временах прошлого. Часы на стене квартиры, которую помог получить родственник бесплатно на грани распада общественной собственности, были из далекой Киргизии, нашивка от стройотрядовской куртки из Адлера, авторучка подарена партнершей по бальным танцам, надувная рыба полностью расписана пожеланиями одноклассников...

Запах мандаринов всегда чудился ему под Новый год как воспоминание о детстве, стальной запах трансформаторного железа напоминал о годах радиолюбительства, а дымок канифоли волновал сродни запаху шашлыка...

А строчки...

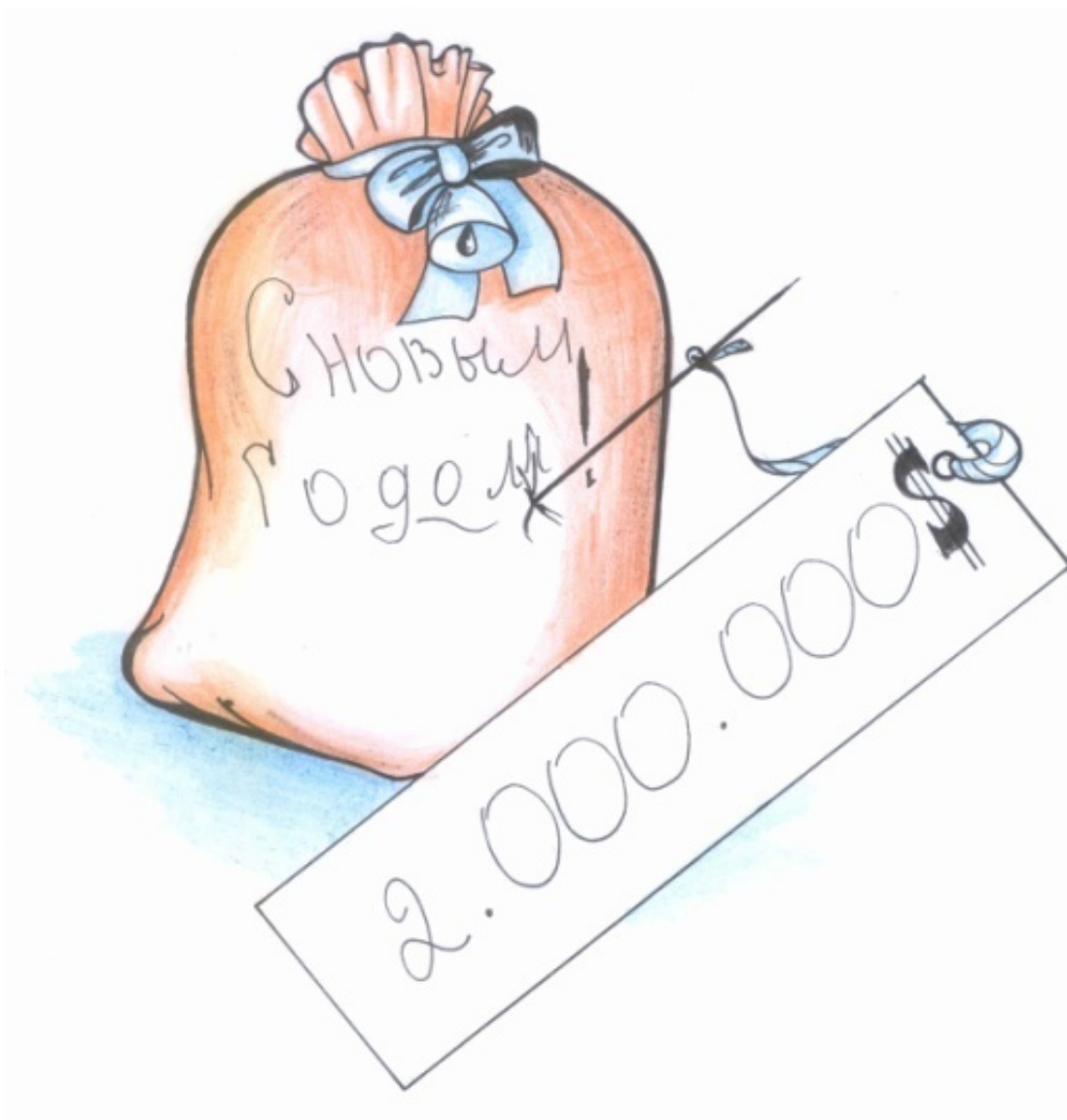
Несколько исписанных дневников лежало у него в ящике стола, где на каждой странице, словно гербарии, были сохранены чувства, и он иногда перечитывал их. Все это составляло его бесценное богатство, которое он боялся потерять, поскольку свято верил, что в них хранятся ключики к его счастью, его лучшие воспоминания, которые, к сожалению, делаются с возрастом все менее реальными.

Как разные виды рыб водятся в своих водных пластах, на определенных глубинах, так и люди в меру своего социального и общественного статуса обитают в определенных кругах знакомых. Как рыбы, так и люди почти ничего не ведают о том, что происходит рядом за в общем-то прозрачной гранью. Алик жил, как обычный человек, в своем полуреальном мире и даже не задумывался о людях, придумывавших правила жизни, правивших этим миром на разных уровнях власти, людях, использовавших других людей, нижестоящих в социальном смысле, в своих далеко не великих целях. Отчасти это происходило, как и в рыбо-животном мире, из чувства самосохранения...

Пришла пора приступить к рассказу о втором, в некотором смысле многоголовом герое нашего повествования. В этом же маленьком нефтяном городе примерно в это же время...

ЧЕРНЫЙ ПОДПОЛКОВНИК

«Если не учить молодежь, она никогда не постареет»

В полуподвальной камере предварительного заключения сидел Толя Воровань, по отчету Семеныч, – начальник налоговой полиции небольшого нефтяного городка. Без уютной крыши погон клапаны его сердца беспокойно чавкали. Его лицо напоминало отечную морщинистую тучу, готовую разразиться сухими молниями ругательств. Он нервно постукивал ногтями, похожими на черные серпы, по деревяшке нар.

Семеныча взяли в три часа ночи прямо из теплой постели и посадили в самую холодную одиночку, где было зябко, несмотря на то что сентябрь еще только начался и был необыкновенно ласков для Крайнего Севера. В одной из соседних камер кто-то громко надрывно кашлял. На серой стене камеры скорее всего кариозным клыком, который валялся на цементном полу привязанным к черной суровой нити, был выцарапан стишок:

Я тоже рвал свои стихи
На мелкие клочки.
Они летели вниз, к земле,
Совсем как хлопья снега.

Вот только кто же создает
И рвет их наверху?

Наверное, и в жизни той
Не все бывает ладно.

Несколько раз перечел Семеныч кривые строки неизвестного сокамерника, взгрустнул, вспомнил о кукурузных хлопьях в молоке, которыми его в детстве потчевала мамаша, и сплюнул на пол. От долгого сидения ягодицы все более каменели и немели, тоскливые мысли обретали бессонную четкость, и на рассвете воспоминания по блистательному недавнему прошлому сами собой зашуршали, как страницы раскрытого романа, оставленного на волю ветерка.

Почти год прошел с того момента, как Кошельков, низенький и головастый начальник нефтегазодобывающего управления, вызвал к себе в кабинет Семеныча, тогда еще заместителя по коммерции, вместе с Нинкой Золотухой, снабженкой, и не простой, а начальницей отдела рабочего снабжения. Кошельков матершинник был несусветный, а тут обошелся без бранных слов:

– Дельце для вас есть. Толя, собирайся в командировку, в Москву. Там найдешь Штейтинга. У этих немцев фамилии как механизмы. По мне так одно, что Штейтинг, что Штангенциркуль, но ты не перепутай. Он руководитель фирмы «БЕС». Твоя задача забрать у него договор на поставку продуктов. Стоимость – два миллиона...

– Рублей? – пренебрежительно пропела Нинка.

– Долларов, голуба, долларов, – увесисто пробасил Кошельков. – Наш генеральный директор, наш любимый Генерал, Станислав Тихомирович Бороздилов, расщедрился, выделил на новогодние подарки труженикам нашего предприятия солидную сумму. Решил в последний раз шикануть. После Нового года акционируемся и таких возможностей может не быть. Частными станем. Останется только вспоминать о дешевых машинах, строительстве заводов по производству утюгов с поставкой оборудования на Крайний Север из тропической Индии и прочих угробительных для предприятия программах. Скоро богатые возможности будут иметь единицы, а остальные облизываться...

Перед этим разговором Кошельков немало думал, выискивая хоть каких-нибудь подходящих для планируемой операции иностранцев, владевших мощными продуктовыми фирмами. Он сильно потел, в голове стреляли боли скачущего кровяного давления от мысли о двух миллионах долларов, которые могли сгореть в желудках населения без какой-либо пользы для его кармана. Десять процентов с суммы проходивших через его управление сделок он умел отсеивать в свой домашний бюджет, но до этого случая имел дела со своими, российскими бизнесменами, которые знали Порядок. Договора заключались только с теми, кто в оговариваемую сумму вводил гонорар Кошелькова и Генерала, от которых зависело заключение сделки. Конечно, цена таких контрактов возрастала, товары и услуги становились странно дорогими, но кто возмутится? Тем более что все легко объяснялось непомерно высокими транспортными издержками по доставке, например, железобетонных плит в такой далекий край, как Крайний Север. Деньги Кошельков обычно получал наличными: человек сам приходил и отдавал. Иногда заключались дополнительные пустые контракты на подставных лиц. А тут требовалось повернуть сделку с иностранцем, который неизвестно как отреагирует на предложение российских правил коммерческой игры, и со Штейтингом просто повезло. Он оказался своим – советским немцем, переселенцем и даже более того, о чем мы расскажем далее...

– ... Главное, запомните: государственное предприятие на излете, последние дни доживает, – продолжал напутствовать подчиненных Кошельков. – Если все пройдет тип-топ, то каждый из вас получит хорошую премию.

Воровань с Золотухой вышли, а Кошельков тут же перезвонил Генералу:

– Я своих настроил на исполнение задачи. Съездят в Германию в командировку, посмотрят на жизнь заграничную, и хватит с них. Многие и о том только мечтают. Наша доля от

контракта с немцами обговорена. Ни вы, ни я в этом участвовать не будем, а если что-то не срастется, то козлы отпущения уже есть.

– Молодец, – похвалил Генерал, – но успокаиваться рано, дело завалишь, будешь искать работу...

Всего, что Кошельков делал и думал, Семеныч не знал, но догадывался, а посему летел в московскую командировку к господину Штейтингу в немного расстроенных чувствах. Он не любил бесплатное использование своих способностей. Хотя Кошельков и обещал премию, но Семеныч понимал, что наверху поделят гораздо больше. В Москве он встретился со Штейтингом. Тот составил договор, подписал его, Семеныч забрал бумагу, прочитал и обратил внимание, что в контракт внесены сыры и колбасы с укороченным сроком хранения. Чтобы успеть довести их из Германии на Крайний Север в съедобном состоянии, надо приложить немалые усилия, но Семеныч промолчал, поскольку помнил напутственные слова шефа:

– Твоя задача простая: забираешь подписанную бумагу, не вникая и не создавая проблем. Все обговорено...

Кошельков, как только получил подписанный Штейтингом контракт, с предпраздничной дрожью в душе поспешил к Генералу:

– Станислав Тихомирович, все сделано. Цены приемлемые. Остаток за вами: надо подписать.

– Иди ты на хрен! – внезапно зарычал Генерал. – Хочешь, чтобы меня обвинили в мошенничестве и самоуправстве? Умник, мать твою...

– Нет, что вы?! Нет умысла...

– Думать надо! Без поддержки ничего. Совецание соберу. Мои замы не решатся возразить. Согласятся с контрактом. Лапы повскидывают в одобрение. Тогда сам подпишу. Зато, если дело худо пойдет, никто не скажет, что Генерал лично два миллиона пульнул. Все понемножку запачканы и даже вынуждены будут меня оправдывать, спасая свою репутацию. Да и тебе не рекомендую светиться.

– Вы голова, Станислав Тихомирович. Я всегда восхищался вашим умом, – привычно полицемерил Кошельков. – Как вы не доктор наук?

– С этим еще успеется, – подхватил идею Генерал и вскоре купил звание академика у хохлов за нефть, деньги за которую так и не были перечислены предприятию. Так пошла новая мода среди северных чиновников...

Контракт был подписан под общее одобрение замов, да и как могло быть иначе, когда сам Генерал убеждал, а он убеждать умел.

– На Севере живем, рабочие пышут воодушевлением, давая стране стратегическое сырье, но не нефтью единой жив человек, а от нефти. Кто кроме нас позаботится о простых людях, о наших людях? Если ты, ты, ты... – Генерал показывал на каждого заместителя пальцем, и словно копьем прибивал трепещущие начальственные сердца прямо к спинке стульев, – ...если ты им не поможешь, то зачем ты здесь работаешь? Разве место тебе в нашем нефтедобывающем предприятии, в нашем «Сибирьнефтегазе», в нашем «СНГ»? Нет, не место. И этот контракт на поставку продуктов питания – то, что ждет каждый из наших рабочих, желающих накормить свою семью. Прошу высказывать мнения...

Дураков среди замов не было. Все хотели работать, точнее получать свои достаточно пухлые зарплаты, посему в своих ответных речах они стремились не только одобрить предложение Генерала, но и существенно его улучшить. Заговорили наперебой, то об увеличении суммы контракта, то о вполне приемлемых ценах на продукты, то о необходимости скорейшей оплаты контракта, чтобы многострадальные рабочие быстрее получили продукты. Последнее предложение Генерал похвалил и приказал быстрее перечислить деньги, а с выплатой зарплаты рабочим немного подождать... в считанные дни деньги ушли в Германию.

Командировочные на Семеныча свалились, как первая брачная ночь. Он рассматривал редкостные в советской стране доллары и пьянел от счастья. Он рассматривал их на работе и дома, на столе и на просвет, нежно гладил их пальцами, смакуя неровности бумаги, горделиво показывал их родным, друзьям, знакомым, упиваясь завистливым удивлением на их лицах. Доллары были в диковинку, как ананасы и туалетная бумага.

Американские президенты смотрели на Семеныча с серо-зеленых бумажек ободряюще и возбуждающе. На ночь он клал их под подушку на сон грядущий, чтобы последним разумным актом перед входом в царство Морфея стало осязательное ощущение богатства. Единственное, что слегка тревожило Семеныча, это то, что Кошельков приказал ехать одному, не брать с собой товароведов:

– ..., Толя, кто лучше всех определит качество продукта? Да тот, кто привык есть от пуза. Ты все разберешь не хуже специалиста. Я в тебя верю. Лишние люди – лишние затраты, лишние глаза...

– А при чем тут глаза, Борис Владимирович? Совет бы не помешал...

– Ох, Толя, ты, видать, за границей рассекаешь в своем воображении. Да не глаза, а газы, – выкрутился Кошельков. – В одном номере бы жили...

Красочная зона беспощинной торговли в Шереметьево поразила Семенычево худосочное постсоветское воображение размахом торговли спиртными напитками, каких он никогда не пивал: баночное пиво и газводы, виски, джин, ром, «Мартини». Хорошо, что в самолете закусить дали, иначе в немецком аэропорту он вряд ли бы распознал табличку «СНГ» – аббревиатуру своего предприятия «Сибирьнефтегаз». А так, увидев три знакомые буквы, он уверенно запетлял к ним...

Штейтинг был тоже советским, и натуральная его фамилия – Безроднов. Он очень ее стеснялся и старался не вспоминать.

ФАМИЛИЯ

«Людей-то на самом деле получается гораздо меньше, чем рождается».

Родился Канабек Безроднов в Талды-Кургане – самом обычном казахском городке, построенном как обычно не казахами, а казаками да русскими. Родился у самых простых родителей и в этом, как он считал, крылся исток его неудач. Мать – казашка, отец – русский. Оба с утра до вечера работали на аккумуляторном заводе, вечером – в своем огороде, скотина, припасы, картошка, пастила из яблок, а толку... Сам Канабек приторговывал на рынке картошкой и прочими овощами и фруктами с родительского сада.

«У других ловко получается. И делать-то ничего не надо. За тебя родители отработали. Знай только родись, но не где случится, а у того, кто постом и званием обеспечен, тут тебе и диплом престижный найдется, и квартирка не хоть какая-нибудь, а там глядишь и имущества подкинут, да и о работе не придется беспокоиться: теплое местечко обеспечено, и такое, где трудиться особо не придется и деньги хорошие», – такие зрелые невеселые мысли одолевали Канабека до того момента, пока он не встретил Эльзу, дочку Штейтинга, известного в его городке официального миллионера, состоявшего в советское время на учете в горисполкоме.

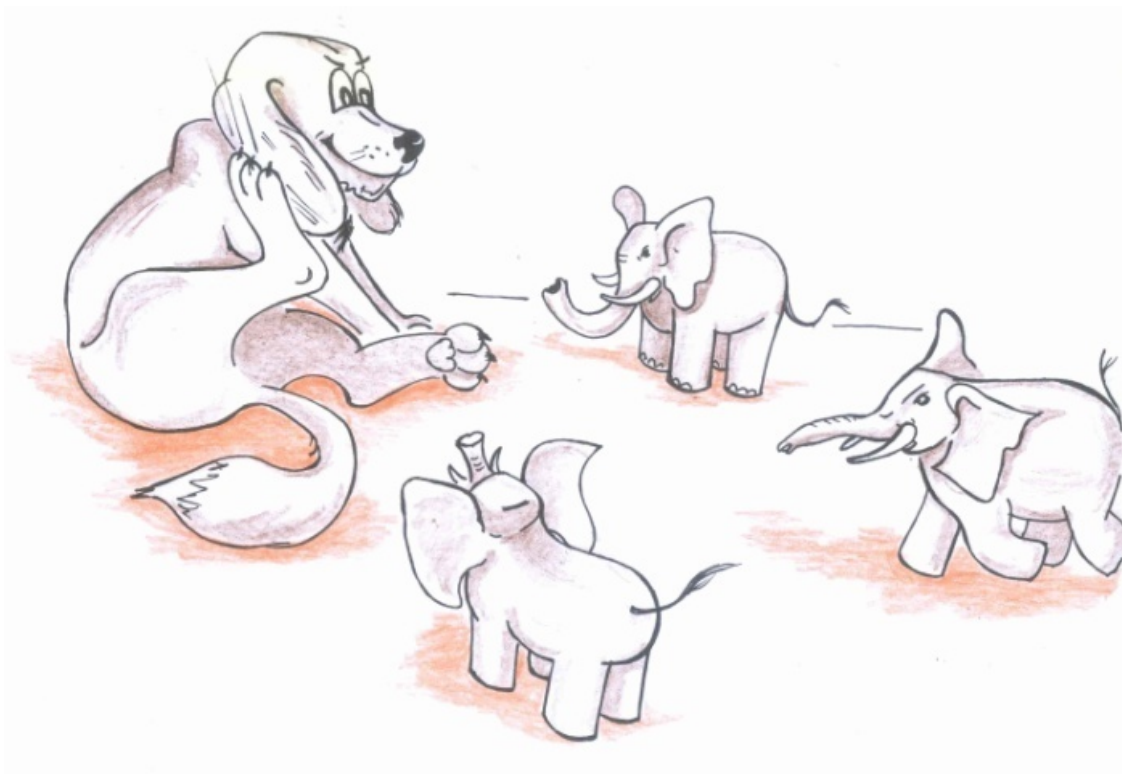
Эльза была ничего себе девчонка. Но таких, которые «ничего себе», немало, а любовь штука очень даже управляемая, когда имеешь твердо определенные цели. Бесцельным же Канабека Безроднова назвать было нельзя. Он хотел исправить ошибку своего рождения и влиться в семью, где есть все, о чем мечтал, приобрести, так сказать, лик элиты. А тут жизненная удача на его пути подвернулась такая, что другую такую в его городе сыскать сложно. Все-таки не у всех миллионеров, каковых в его городке водилось ровно семь, имелись дочери и тем более

на выданье, поэтому встреча с Эльзой очень даже вдохновила Канабека на любовные свершения...

Он даже инстинктивно читал стихотворные сборники, выискивал стихи, которые мог выдать за свои, и читал на вечерней зорьке своей перспективной подруге:

Когда о Вас я вспоминаю:
Лицо, глаза, изгиб бровей,
Смешную речь скороговоркой,
То мне становится теплей.
Ведь Вы действительно прекрасны,
Красивы, веселы, умны.
Искать сравнения? Напрасно.
Любых сравнений выше Вы.

Как говорить о той, что любишь?
Таким, как Вы – к ногам цветы.
Вы по-мальчишески задорны,
По-детски мыслями чисты.
Ваши черты, как Вам ни странно,
Узнаю среди многих лиц,
Как героиня из романа,
Сошли с его седых страниц.
Поверить в Вас – поверить в чудо,
А верить можно лишь любя.
Я Вас не знаю. Кто? Откуда?
Но в Ваше чудо верю я.

Свадебка разразилась пышная. Лысоватый Андрей Штейтинг, чистокровный русский немец, имевший богатых родственников на землях предков, не пожалел денег на радость гостям, дочке и своему зятю. Канабек Безроднов переполнялся радостью и эмоционально напоминал раздувшийся сверх меры воздушный шарик. Он еле сдерживался, чтобы не захохотать во всеуслышанье среди высоких гостей от достижения желанной жизненной цели. Он ощущал себя, как фанатичный альпинист на вершине Эльбруса, вдыхал свежий горный воздух, невесть как возникший в душной городской квартире, и пьянел, не опрокинув рюмки. Благо, что в отличие от воздушного шара, который бы в подобной ситуации просто громко лопнул, Канабек переживал свой триумф в душе, обитавшее где-то...

Где обитала душа Канабека? – на сей счет можно рассуждать. Душа человека любвеобильного и чувственного, скорее всего, водится в сердце, которое быстрее вздыхает при каждом удобном случае. Душа труса водится в пятках, так утверждает народная мудрость, но это спорно. У труса сердце трепещет не хуже, чем у чувственного человека, поэтому обитель его души опять-таки сердце. А в пятках, стопах, ногах водится душа заядлого бегуна, который живет ощущением работы икроножных и бедренных мышц. Душа хорошего повара – во рту и в желудке. Душа инженера обитает не иначе как в голове. Душа Канабека застряла на переходе от сердца к уму, и в результате Канабек не мог искренне любить и верно мыслить, а мог лишь глотать и думать о том, как сглотнуть больше.

Проглоченный кусок в виде дочки Штейтинга был сладок. Канабек мысленно хохотал, хохотал и хохотал, переживая свои старые тревожные мысли, мысли сына простых родителей, у которого интеллектуальный и имущественный потолок был на уровне какого-нибудь рабочего или инженера среднего уровня, но молчал, потому что соображал, что перечеркнуть карьеру можно всего одним неосторожным взмахом языка. Он осознавал многообещающие перспективы и восьмым животным сверхчувством угадывал, что мог надеяться на успешную безбедную жизнь, особенно если с ребеночком проблем не будет. Старики для своего первенца-внука сделают все, богатые – тем более.

«О боже, как повезло!» – мысленно повторял он, вглядываясь в лица гостей, приглашенных на свадьбу, среди которых узнавал городских начальников. Одно созерцание свадебных подарков так вдохновило его, что, даже будучи трезвым, он полез целоваться со всеми, благо воспоминания о целующемся в засос генеральном секретаре правящей партии были еще свежи...

После свадьбы, встречаясь со старыми друзьями, он не торопился протягивать им руку. Прежде чем поздороваться, задумывался, как отреагирует его тесть. Заходя в магазин, он с насмешкой смотрел на спешивших занять очередь за дешевыми суповыми наборами женщин, похожих на его мать...

Семейная жизнь – штука ненадежная вроде лампочки, к которой подходят два провода под напряжением. Трагический скачок напряжения, и свет гаснет. Так и в семье: скачок влево, скачок вправо караются разводом, особенно – влево. Сегодня в семье, завтра за воротами. Канабек – не вольфрамовая нить, он понимал и действовал. Он выждал приличествующую паузу и принял фамилию жены. Канабек Безроднов стал Канабеком Штейтингом. Рассуждал просто. Известная фамилия те же деньги. Уж дворником-то никто не поставит. С фамилией Штейтинга можно даже в Германию.

Родители Канабека обижались, особенно отец, надеявшийся, что сынок понесет фамилию Безродновых через века как продолжатель рода. «На обиженных воду возят, – рассудил Канабек. – Старики живут по запыленным понятиям».

Некоторое время новая фамилия казалась Канабеку волшебным возникшим над ним ореолом божественного пламени, привлекающим мотыльки человеческих взглядов. Он испытывал

почти физическое наслаждение, когда прохожие в их городке вглядывались в его лицо и переговаривались:

– Смотри, зять Штейтинга идет.

От ниспосланного ему внимания Канабек ходил по улицам как хмельной. Он словно парил над тротуарами и людьми, даже если те бывали ростом выше. Он теперь на всех старался смотреть сверху вниз. Крепенький, среднего роста, с восточными чертами лица и немецкой фамилией городского миллионера, Канабек Штейтинг чувствовал себя железной птицей люфтваффе начала второй мировой, парящей над головами покоренных народов. «Теперь я не какой-то не известно кто, а заметная фигура, – думал он, укоризненно поглядывая на прохожих. – Крутиться надо в жизни, а не семечки у калитки лузгать». Но даже вымоченная в лимоне и жареная на углях форель, поданная под красное неразбавленное вино, и та приедается. На Канабека с запахом нового одеколона, подаренного тещей, снизошло новое увлечение.

Канабек повадился заходить в организации, где необходимо произнести фамилию для ведения дел, и наблюдал, как изменяются лица собеседников.

Например, надо справочку выписать о составе семьи. Приходит он жилищную контору. Его спрашивают: «Ваш адрес жительства и фамилия». Он отвечает легко, вроде как ерунду: «Адрес такой-то, Штейтинг». И все поразительно меняется. На него начинают внимательно смотреть. Служащие бегут и доставляют своему начальнику весть о том, что их контору посетил Штейтинг. И вот уже Канабек, бывший ранее левым Безродновым, восседает в кабинете у начальника, болтающего ему всякую скукоптишу про какую-то спецодежду и краску в надежде, что зять Штейтинга передаст сии слова Самому. И невдомек тому начальнику, что Канабеку на то наплевать. Он просто получает удовольствие от значимого с собой обращения.

Пошла житуха. Сбылись мечты. Тут и ребеночек подрос. Как мечтал – сын. Многие мужи ждут продолжателя рода, но Канабек, по себе зная, что сын может сменить фамилию, возлагал на первенца другие надежды. Он догадывался, что состоятельному тестю будет приятно, если сына они назовут именем его, вот и нарек Канабек первенца Андреем. Не прогадал...

А потом был переезд в Германию, в лагерь для переселенцев, где на первой же переключке Канабека чуть не отправили обратно на родину. Он вышел из строя, когда Старший выкрикнул фамилию Штейтинг.

– Это ты Штейтинг? – обескуражено переспросил Старший, глядя на раскосые казахские глаза Канабека. – Да у тебя морда не немецкая. Как ты сюда попал?

– Женат на немке, господин, – ответил Канабек и заискивающе наклонился, как поступал, когда торговал картошкой на рынке далекого теперь Талды-Кургана...

Штейтинг был советским, организовал в Германии торговую фирму «БЕС» и работал, как жизнь научила. Он давно посчитал, сколько денег положат себе в карманы его начальственные российские партнеры, и решил тайно увеличить свою долю: сыры и колбасы скупил по дешевке на распродажах, в глухих подвалах магазинов, где хранились безнадежные товары, но продал все как свежее. Семеныч по достоинству оценил этот трюк, когда был приглашен на осмотр товара. Он открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь едкое, но почувствовал, как карман пиджака потяжелел. Натренированные подушечки пальцев сразу распознали доллары. Рядом стоял Штейтинг и успокаивающе улыбался.

– Подарок, дорогой друг. Подарок. Вам товар везти. Чтоб телега не скрипела, ее смазывать надо, – Канабек похлопал Семеныча по плечу. – Не подмажешь – не поедешь. Мы ж свои люди. Не немчура какая-то. Это они буквоеды, формалисты. В формалин бы их всех. Есть у меня история на сей счет, послушай.

Канабек начал повествование, а Семеныч, заискивающе улыбаясь и заинтересованно кивая, подбадривал рассказчика, подчеркнуто внимательно слушал, но не слышал, поскольку кончиками пальцев отгибал уголки американских купюр и дотошно вслепую их пересчитывал.

ШКУРА

«Нет ничего дороже собственной шкуры»

Решил один мужик скатать в гости к давнему другу, переехавшему жить в цивилизованную Германию. Как тут без подарка? В качестве символического российского сувенира он задумал преподнести широкий презент – шкуру крупного бурого медведя. Мужик был егерем, имел лицензию, знал повадки зверя и все окрестные берлоги, поэтому без особого труда выследил необходимого размера особь и отстрелил ее, почти не испортив наружность. Содрал шубу с почившего царя леса, свернул ее, плотно утрамбовал в рюкзак, позвонил и поехал.

Под пересчет вагонными колесами стыков рельс спокойно миновал мужик границу России и Польши, а поздним вечером перед границей с Германией на вокзале его встретил тот самый давний друг, решивший предвосхитить события и ввезти мужика на земли своей новой родины на собственном автомобиле. Не стерпелось... Немецкие таможенники, одетые безукоризненно, как игрушечные солдатики, особо не придирались, проверили документы, но, когда взревел мотор машины, один из офицеров, будто что-то вспомнив, попросил еще раз открыть багажник и указал пальцем на потертый рюкзак.

– Вас ист дас? – спросил он, как прокаркал.

– Я по-немецки не понимаю, – ответил мужик. – Ихь давно его учил, да и то на тройку. Драй по-вашему. Гитлер капут да дружба-фройндшафт – больше ничего не помню.

– Он спрашивает, что в рюкзаке? – объяснил друг.

– Ничего особенного, медвежья шкура, – ответил мужик под немедленный перевод своего друга, он достал ее из рюкзака, еще не обработанную, дурно пахнущую и лоснящуюся от жира.

– Ах, ах... – заволновались немцы и что-то залопотали.

Тем временем мужик развернул шкуру во весь исполинский рост и необъятную ширь и расстелил на намытом, начищенном полу комнатки немецкой таможни.

– О, о, о... – заокали немцы, покачивая головами.

Мужик растопырил пальцы, оскалил зубы и зарычал на подавшихся назад немцев.

– Медведь! Царь наших лесов. Не бойсь немчура,дохлый он, – объяснил.

Офицер что-то сердито проговорил.

– А документы на провоз есть? – перевел друг.

– Какие документы? Имею право на отстрел. Вот лицензия, – мужик протянул бумагу с печатью.

Немцы посмотрели документ и вернули назад, сделав крайне недовольные физиономии. И опять загоготали, ну ровно римские гуси, почуяв варваров.

– Они просят предъявить разрешение на ввоз в Германию медвежьей шкуры. Без документов провозить нельзя, – растолковал друг.

– Такой бумаги нет. Зачем? Это просто шкура... – развел руками мужик и от дубиноударного огорчения вдруг начал понимать по-немецки.

– Ганс, скорее узнай, какие документы нужны для провоза шкуры...

– Хорошо, Фриц, сейчас позвоню в центр...

Немцы принялись названивать во все инстанции с присущей этой нации пунктуальностью. Они не упустили ни одного телефонного номера, по которому могли услышать точный ответ, привлекли к делу даже специалистов из Берлина и Бонна. Все поднялись, как по тревоге, и, вместо того чтобы спать, листали большие и малые томики законов и подзаконных актов в

поисках одного единственного положения о том, какой документ необходим на провоз шкуры медведя через границу Германии...

В России бы давно сказали, мол, плати штраф и свободен, потом поделили полученные деньги и купили что-нибудь в подарок родным, да и себе. А немцы принялись скрупулезничать. А время-то уже далеко за полночь...

Российский мужик, егерь, не привыкший к тупому следованию долга, и сам изредка за весьма скромную плату позволявший браконьерам отстреливать зверье, подошел к таможенникам и давай им выговаривать с обидой. Причем его жесто-слова приобрели поразительную доходчивость.

– Бог с ней, этой шкурой, заберите ее себе, своим фрау и киндерам (он махнул рукой куда-то ввысь, в потолок, после сделал умиленное лицо и повел ладонью по воздуху так, словно погладил детские головки). На фиг она мне нужна, коли столько проблем? – спросил он, свернул кукиш и выразительно на него плюнул. – Дарю, презент, майны фройнды (величественно развел руки в стороны и поклонился).

– Нихт... – загоготали таможенники и замахали руками, формируя ими вполне понятные кресты. – Не можем принять, сейчас все выясним (постучали костяшками пальцев по столу)...

Время шло. Друг заволновался, за руку мужика потянул и зашептал:

– Ехать еще прилично. Опоздаю, у меня неприятности будут. Бросай шкуру.

Мужик опять к немцам:

– Цигель, цигель! (показал пальцем на круглое стеклышко часов) Считайте, не было проблемы. Нихт проблем (провел ребром ладони по гортани). Я ее в машину положу (изобразил, что хватает шкуру и тащит к машине), отъеду назад (кулак с выставленным вверх большим пальцем бросил к плечу и двигателеподобно заурчал: «бр-р-р»), в реке утоплю или выброшу на обочину (пнул по воздуху и будто бы посмотрел вдаль, приставив ладонь ко лбу). Давайте сюда...

– Номер не пройдет, – загоготали таможенники, поглаживая ребром ладони локтевой сгиб. – Как вернешься, должен показать документ, что шкура сдана туда, где получил...

– Да где ж я того медведя искать буду (покрутил указательным пальцем у виска)? Не живой он, – мужик схватил себя за горло и вывалил язык. – Да неграмотный был, какая ж с него подпись? (хлестко ударил внешней стороной ладони о внутреннюю)

– Должна быть бумага, а кто тебе ее напишет, (офицер махнул рукой, как рубанул, мимо застегнутой ширинки) медведь или президент, для нас значения не имеет.

Накались международные отношения до предела, запахло третьей мировой войной... Мужик нервно, но приветливо скакал вокруг, показывая, как охотился на медведя, и покривал на непонимающих таможенников, которые нелепо улыбались, как бы извиняясь, что не понимают по-русски:

– Шкуры, шкуры...

Вдруг раздался звонок...

Оказалось, что в ближайшей истории Германии не было прецедентов с провозом медвежьей шкуры. Видимо, медведи в тамошних лесах перевелись.

В России, хоть и закон на твоей стороне, но коли пришлось служивым повозиться, то они к чему-то другому придрались бы, чтобы штраф выбить. А на немецких таможенников вроде как просветление нашло.

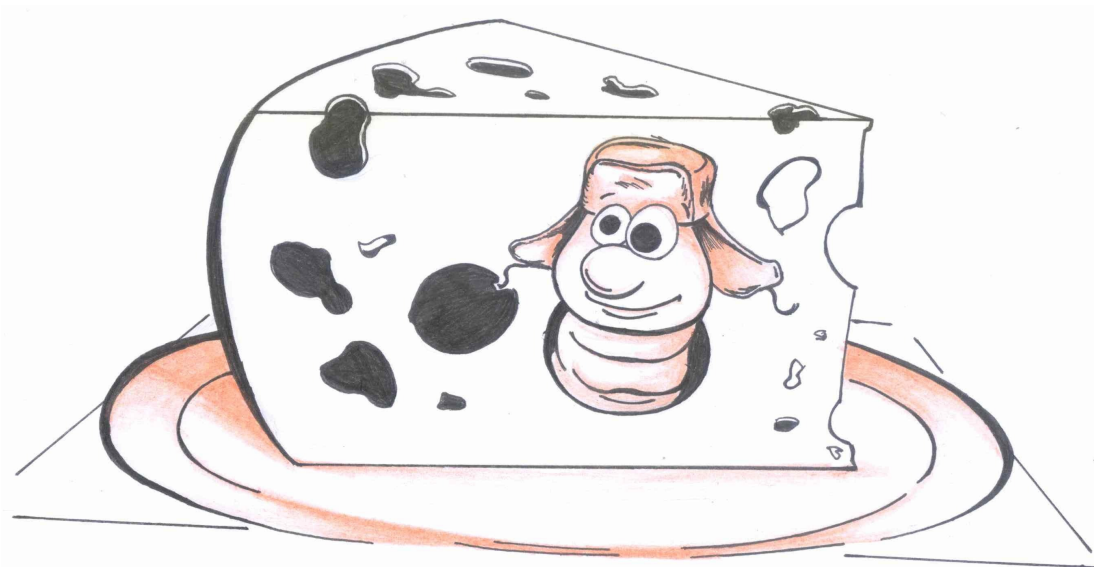
– Раз не запрещено провозить в Германию шкуры, то можете забирать трофей и ехать дальше (они дружно развели руки в стороны, сделав сконфуженные физиономии, и махнули правыми руками, гоня ветер вперед)...

Семеныч дослушал Штейтинга на той ступени вежливости, когда хочется перестать вежливо улыбаться и дать в глаз назойливому рассказчику. Единственное, что его удержало от грубости, – это приятные на ощупь доллары.

«Предприятие акционируется, возможно, мою должность сократят. Полечу, как выкуренный бычок с балкона, благо запасной балкон заготовлен. Есть вариант, что возглавлю налоговую полицию маленького нефтяного городка. Она вот-вот сформируется. Дружок мой, Закоулкин, с которым мы в отделе по борьбе с хищением социалистической собственности, ОБХСС, не один пуд соли украли, наверх, во власть, пробрался и обещал. Есть и другая сторона. Как только госпредприятие станет частным, я не попаду под уголовную статью, касающуюся этих продуктов. «Субъектами должностных преступлений не могут рассматриваться лица, занимающие должности, связанные с выполнением работ в негосударственных предпринимательских структурах» (эти строчки из Кодекса Семеныч выучил наизусть). Пусть грузят, что хотят», – такие мысли быстро промелькнули в голове Анатолия Семеновича Ворованя, и он родил заключение:

– Грузите. На Севере не то едали, а тут голимый импорт. Prestижно. Порченное, непорченное – все разгребут с прилавков, где одни соленые огурцы рядами, да тощие одеревеневшие курицы. Что вы хотите? Глухомань! Кто знает, как немецкая колбаса с сыром пахнут?

Семеныч надеялся, что ягельно-рогатая тишина маленького нефтяного городка спишет все. Он кинулся по блестящим немецким магазинам в поисках подарков для родственников, а потом – домой...

Штейтинг отправлял германский сыр с колбасой машинами срочно, пока в потрясенной перестройкой советской стране не передумали насчет контракта.

Новость озвучил Кошельков на планерке:

– Машины пошли. Вам, Воровань и Золотуха, выпала большая честь – встретить товар...

Семеныч как услышал, так обмер. Ему до смены работы оставался еще минимум месяц, а до перевода государственного нефтегазодобывающего предприятия в частное – и того больше. Если продуктовый скандал возникнет до акционирования, то у Семеныча могли возникнуть неприятности, но от приказа не спрячешься.

На волне лозунгового порыва Семеныч с Нинкой вылетели в Москву. Нинка уснула уже на взлете, широко разложив пухлые, словно подушечки для иголок, ладони по подлокотникам. Ей снился инопланетянин, читавший стихи:

Под синей гранью неба,
Вдали скоплений звезд
Растут колосья хлеба
И жизнь несет свой пост.

На круглой, малой крохе -
Земле – сестре миров,
Колдуют люди-боги
И нет других богов.

– Вселенная похожа на огромный многогранный алмаз, и ваша планета образует лишь одну микроскопическую грань... И мы, стоя в центре алмаза, видим, чем вы занимаетесь, все видим... – говорил он Нинке, укоризненно покачивая глазками на длинных тоненьких усиках. Нинка чувствовала, как голова от этих слов у нее разбухает, и она изредка шумно, но безрезультатно пыталась сглотнуть....

Семенычу не спалось, он спешно обдумывал детали новогодней операции с продуктами. Протухшие местами сыры и колбасы могли разнюхать уже на московской таможне, и тогда заваленное дело, как неаккуратно срубленное дерево, могло придавить самого Ворованя. Надо тянуть с растаможкой, растаможивать продукты надо на Крайнем Севере. Это ясно. Семеныч решил свалить немецкие колбасы с сырами на складах своего московского знакомого по фамилии Пофигенко и поручить ему постепенную неторопливую их переотправку. Под Пофигенко действовала многообещающая фирма «Успех», своим названием внушавшая уверенность, что за хорошие деньги все будет оформлено как надо. Деньги есть, чего бояться?

Семеныч растолкал Нинку:

– Слышь, какого беса тратить время в столице на ерунду. Я все продумал. У меня в Москве дружок. У него склады. Он сделает за нас всю работу. Запросто. Заплатим ему, сообщим своим, что следим за погрузкой-разгрузкой, а сами хоть в рестораны заглянем, посидим, как люди, по Москве походим, по магазинам.

На загул Нинку не пришлось уговаривать. После скучной жизни в маленьком нефтяном городке, после его серых пятиэтажек и покосившихся деревянных строений, пустынных улиц без деревьев и травы, песчаной летучей почвы, непролазных сугробов возле подъездов и загоняющих в безотрадные квартиры гнуса и морозов она готова была на любое безумство, чтобы утолить женское желание ежедневного праздника, и они погуляли...

Звук, словно от удара мелкой разменной монеты о металлическую тарелку, извлек Семеныча из нежной пелены воспоминаний. Он сглотнул слюну, наполненную самовнушенным вкусом «Столичной». Темные фантомные силуэты официантов, раскрасневшейся улыбчивой Нинки, веселого пьяного люда постепенно померкли. Опять возникли неприветливые пустые стены камеры. Со стороны камерной двери раздался осторожный стук, схожий со звоном милостивой монеты...

– Кто там? – начальственным басом прохрипел Воровань.

Окошко камеры открылось и явило худощавое личико.

– Анатолий Степанович, это я, Сашко, охранник, – ответствовало худощавое личико.

– Что надо?

– Вам харчей принесли от преподавателя водительской школы.

– Давай сюда.

Сумка оказалась увесистой. Семеныч приоткрыл ее и чуть не перекрестился: словно в ответ на его воспоминания, кухня московского ресторана перенеслась в сию тюремную обитель. Блистал полный комплект недурственного вечернего угощения, истребив который полагалось танцевать под заводную лезгинку не иначе как на «бис». По камере понесся запах жареного мяса и буженины, корейского салата и соленых огурчиков. Алела двухлитровая банка красной икры. Но рука Семеныча в первую очередь ухватилась за горлышко бутылки.

– Садись, выпьем, – предложил он Сашко.

– Да что вы?! Я ж при исполнении.

– Тогда Вовку Косого позови.

Пришел Косой, который впоследствии нашел более теплое место в чиновничьих кабинетах. Он и тогда понимал, какое выражение лица надобно в конкретной ситуации и какие слова.

– Чем прислужить? – спросил Косой, слегка склонив мощную спину несостоявшегося грузчика, вытянув навстречу скуластое, как у кочевника, лицо и призывно помаргивая крупными коровьими глазами.

– Это у вас случаем не Золотуха надрывно кашляет?

– Она самая. Дурку валяет. Под туберкулезницу косит, чтобы ее из КПЗ выпустили под подписку о невыезде. Ты с ней Семеныч переговорил бы, а то в карцер глупую бабу посадим за симуляцию.

– Конечно, поговорю. Наше землячество крепко, сам знаешь. Мы хохлы везде, где сала больше. Мы нация без границ. Хохол хохла всегда поддержит, а москаля даже на московской земле зажмет. Водки хочешь?

– Печеночка пошаливает, а то с удовольствием, – отбрехался Косой.

– Эх, болячка, иди, только Золотуху приведи, не пить же мне одному, и не обижай бабу, не самая последняя...

Семеныч выпил первую рюмку и потянул ко рту столовую ложку полную красной икры, когда Нинка вошла в камеру.

– Садись, угощайся. Хоть ты на допросах меня выставляешь главным мошенником в этой операции с продуктами, я без претензий. Люблю тебя, Золотуха, потому ничего для тебя не жалко... – правдоподобно слицемерил он, потому как не жалко ему было только вещей, доставшихся без труда, как эта сумка с продуктами.

В мрачной полутьме камеры предварительного заключения Воровань с Золотухой выпили, закусили. Еще выпили, закусили... Стало светлее, радостнее и просторнее. Семенычу показалось, что мимо пролетел белый голубь, носитель святого божественного света, а вслед два маленьких ангелочка в поповских рясах, бывшие инженеры и с рогатками. Махнул рукой, отгоняя хулиганчиков, но те лопнули, как мыльные пузыри. Глянул на Нинку Золотуху, обомлел: Дева Мария. Так и значилось на деревянной табличке, застывшей на ее груди, в левом нижнем углу которой было нацарапано: «государственная типография «Российский крест» тираж десять тысяч экземпляров». Потянулся к табличке, та исчезла, а на Нинке возникла монашеская одежда. «Исповедь, требую исповедь», – сказала она. Семеныч забормотал:

– Не был бы женат, Нинка, тебя бы взял. На мою первую ты сильно похожа. Она занимала одну из ведущих должностей в прокуратуре Киева и уму-разуму меня учила. Какое удивительное было время, социализм, все вокруг колхозное – все вокруг мое! Чиновники и рядовые труженики были как два отдельных отряда двуногих. Одни служили для создания богатств и горели энтузиазмом, другие знали, как использовать их энтузиазм, скромность, честность и другие достойные качества. Сейчас все меньше энтузиазма, скромности и честности. Но здесь, на Севере, словно замерзло все. Этот нефтяной городок, как овчарня для овец. Волки примирились и сдружились, чтобы безопаснее набивать утробу, пока овцы продолжают жить своими глупыми идеалами. В общем, первая жена открыла перспективы другой жизни. Вся беда, что

на старых должностях мне не удалось войти в стаю волков, все в шакалах побирался. Только в налоговой полиции подфартило...

Речь Семеныча становилась все менее понятной. Как неустойчивый груженный картошкой мешок, он тяжело упал на нары и еще в падении уснул. Сладкие, как сахарные петушки на палочках, одолели его грезы о милиции маленького нефтяного города, где он несколько лет назад служил заместителем по оперативной работе. Состав был чисто хохлацким. Мужики творили что хотели, водочкой так упивались, что начальник милиции, Коненко, лез ко всем целоваться. И вот во сне Семеныч вместе с этим Коненко отплясывал гопака. Они размахивали табельными пистолетами, постреливали в потолок, и вскоре от опадающей известки стали похожи на раздобревших псов породы далматинцев...

Семеныч весело заскулил и судорожно задергал правой ногой. Золотуха замерла с ароматным куском буженины в руке. Она не видела снов Ворованя, но подумала: «Вот собака». И было почему.

Как только запах пропавших сыров и колбас не смог бы отнести к особенностям заграничного производства даже едок с самым испорченным обонянием, Семеныч уволился с должности заместителя начальника нефтегазодобывающего управления и перешел на должность начальника налоговой полиции маленького нефтяного города. Ветра перестройки дули с запада на восток все сильнее, пролетая через всю Россию в Китай, прихватывая и унося за кордон все, что плохо лежит, неся с собой и дух испорченных западных продуктов. Вскоре Золотуха почувяла неладное, хотя маленький нефтяной городок отделяли от Москвы тысячи километров...

Нинка перезвонила Ворованю в налоговую полицию:

– Анатолий Семенович, проинструктируйте по старой памяти. Мои звонят и говорят, что на складах «Успеха» не сыр, а дерьмо.

– Ты только не волнуйся. Сыр взят по образцам. Он такой, какой должен быть. Ты слышала про сыр с плесенью?

– Нет...

– Это один из лучших сортов. Продукт – лучше не придумаешь. Бери и отправляй, – отбрехался Семеныч...

Мало того, что западный ветер был несвеж, к Золотухе заструились по телефонным проводам жалобы от грузчиков, носивших продуктовые упаковки в вагоны.

– Нина Батьковна, мы к запахам привычны, но ваша колбаса пышет убойно. Респираторы не спасают, в противогазах грузим...

Золотуха опять звонила Ворованю, но тот отвечал все более кратко и грозно:

– Принимать, мать вашу, и отправлять, мать вашу! Все обговорено и договорено, осталось закончить. Твои грузчики и экспедиторы пусть не суют свой чувствительный нос в чужое дело...

Экспедиторы, сопровождавшие сыры и колбасы до Крайнего Севера Сибири, прикрывали носы платочками и тряпочками, смоченными в остатках недопитого тройного одеколона, потому что вагоны по духу, их сопровождающему, сильно напоминали заброшенные африканские помойки. Вагоны привлекали устрашающе темные тучи мух. В пути крылатые насекомые цеплялись за обшивку поезда, прятались в щелях и межвагонных пространствах, а как только состав останавливался, взмывали в воздух и жужжали так, что заглушали крики охранников и железнодорожников, отбивавшихся дубинками, свернутыми из центральных газет. На станциях порой спрашивали:

– Что за дерьмо везете?

– Не хай. Сильно дефицитные продукты. Заграница! – отвечал командир поезда.

– Вы ж всех российских мух приманили.

– В вагонах, мужики, лучшее, что за границей есть. Товар на доллары покупали. Муха не дура. Уж если от своего любимого навоза отказалась ради нашего груза, так почитай настоящий деликатес везем. . .

В это время Семеныч сидел в своем кабинете, кабинете начальника налоговой полиции, и обмозговывал продуктовую операцию руководства «СНГ». Для него стало открытием, что можно оттяпать у государства большие деньжищи совершенно законно и без больших неприятностей. Главное действовать спокойно, нагло и давить подчиненных, чтобы и пикнуть не смели. Семеныч понимал: если возбудят дело о мошенничестве, то он и Золотуха окажутся обвиняемыми, но надеялся, что его не тронут и нынешнее кресло защитит. Это разумела и Золотуха. Она боялась превращения в единственную козлицу отпущения, а ведь из козлиного следа продуктовой сделки она даже глотка не отхлебнула. Ей было горько и обидно, поэтому она и паниковала в камере: от отчаяния косила под туберкулезницу, когда за общее дело посадили ее одну, а произошло это очень скоро после прибытия состава с немецкими продуктами на таможду Крайнего Севера. . .

Открывали вагоны ранним июньским утром и замерзшие мухи падали с содрогавшихся дверей на землю, как мелкие комочки грязи. Таможенник зашел в вагон, проверил коробки с продуктами и в крайне расстроенных чувствах вышел. Взятки не предвиделось, взять нечего: колбаса и сыр заскорузли до того, что напомнили таможеннику синтетический каучук. И всего этой пропастины приехало около двухсот тонн. . .

ТАМОЖНЯ

«Знание не только сила, но и деньги»

Таможенника звали Веня Куробабкин. Неудовлетворенный зарплатой и северными надбавками, он внимательно следил за законодательством, чрезвычайно изменчивым в период российской перестройки. Взбалмошная верховная власть ничем не отличалась от других организаций и имела свои показатели работы – количество инициированных законов. Каждый депутат стремился лидировать, вот и старались так, что уследить невозможно.

Образование стоит денег, и Веня Куробабкин взял на себя неофициальную учительскую миссию по отношению к юридически необразованной клиентуре. По вечерам он засиживался за чтением, выискивая тонкости отправки грузов, и это принесло ему немало дивидендов, особенно после заключения таможенного союза между бывшими союзными республиками: Россией и Белоруссией. «Чего же боле? Если таможенный союз, значит, можно без затруднений переместить свой скарб из одного государства в другое», – посчитал народ, но на таможене стоял Куробабкин, знавший все.

На Крайнем Севере Сибири обосновывались люди со всех уголков почившего Советского Союза, вмещавшего в себя пятнадцать союзных республик и уймащцу разных народов и народностей. Переселенцы, вполне естественно, стремились перевезти вещи. На Север ехали контейнеры с пожитками и мебелью, стоившей в Белоруссии дешевле, чем в России. Хозяева контейнеров, получив уведомления, собирали друзей, заказывали машину и ехали на грузовые вокзалы. Настроение прекрасное, и осмотр вещей вместе с инспектором таможенного поста Куробабкиным казался формальностью.

Беспечная веселость исчезала с лиц владельцев контейнеров и сменялась напряженной тревогой, когда Куробабкин с непонятной им скрупулезностью вчитывался в этикетки на каждой табуретке, диване, мягком уголке..., внимательно осматривал каждый предмет домаш-

ней обстановки. Искал он мебель, произведенную не в Белоруссии, а также мебель без этикеток: это был его хлеб. Тогда Куробабкин вставал величаво, как оперный певец, и сурово произносил заученную и отрепетированную тираду: «По постановлению таможенного комитета...»

Народ галдел, чего-то объяснял, а Куробабкин спокойно ждал, когда кто-либо отзовет его в сторону и скажет:

– Слышь, друг, кому нужны эти доски, кроме нас? Вот сто долларов. Больше не могу. Мы быстро погрузимся и уедем и ни слуху ни духу.

Куробабкин никогда не соглашался сразу:

– Как вы можете? Я ж при исполнении. Это взятка...

Такое отступление давало возможность нарастить предлагаемую сумму.

– Вот двести долларов. Больше нет, – говорили ему.

Возникал пустой кошелек, Куробабкин успокаивался и тихой скороговоркой тархтел:

– Перегрузайте вещи, и через полчаса чтоб вас здесь не было...

Случалось, ничего не предлагали и даже ругались. Тогда Куробабкин поступал безжалостно: контейнеры у бестолковых хозяев арестовывал. «Дураков надо учить», – так рассуждал он и весь согласованный коллектив таможи. Учили людей, неграмотных в области особенностей российской коммуникабельности, шустро и весело.

Дураки опять заказывали грузовую машину, выкраивали время, чтобы встретиться со своим ин-спектором, бывавшим на таможенной станции всего два дня в неделю. Они надеялись, что скоро... но если дураки опять ничего не предлагали, то их вещи из контейнера направлялись в склады на платное хранение за такие деньги, что через пару недель стоимость хранения превышала стоимость самого груза.

Люди метались, как мыши в мышеловке, пытались отказаться от собственного имущества.

– Гори оно огнем! – кричали. – Подавитесь! Не буду забирать!

– Не пер-вый такой умный. Засудим и штрафуем, – театрально ершился Куробабкин. – Многих разыскиваем. Побросали контейнеры.

Некоторые платили.

– Будем жаловаться в Москву, – обещали упорные дураки.

– Зачем прыгать через голову? Обратитесь к нашему начальнику Мокрицкому, – смягчался Куробабкин, побаивавшийся иногороднего начальства. – Он здесь.

Упорные дураки забежали в кабинет Мокрицкого, а там готов прием.

– Ну, что вы так шумите? Зачем? Разве это проблема? Решим, – вежливо обещал улыбочивый Мокрицкий. – Покумекаем, как вам помочь. Но сегодня – дела. Приезжайте в приемный день – в пятницу.

Начинался второй этап обучения.

Пятница оказывалась волчьей ямой. Мокрицкий был неуловим. Его подчиненные советовали заглянуть на следующей неделе. Через месяц клиент, утомившийся от поездок на грузовую станцию, звонил по телефону:

– Мне бы Мокрицкого.

– Он в спорткомплексе на занятиях. Завтра, в принципе, должен быть на работе. Приходите. С полдевятого до полчетвертого. Без обеда.

Клиент приезжал, приезжал внезапно.

– Мокрицкий уехал, будет ли – неизвестно, – отвечали ему.

Бывало, Мокрицкий попадался в коридоре и тогда вежливо, очень вежливо, говорил:

– У нас тут внезапное «мероприятие». День рождения. Сами понимаете. Я всецело, но, пожалуйста, в следующий раз...

Часы на складе временного хранения исправно тикали, отсчитывая деньги. Большинство клиентов, матерно ругаясь, упла-чивало таможенникам все штрафы и пени или взятки, боль-

шие, чем требовалось изначально, в связи с увеличением числа рук, вовлеченных в дело. Меньшинство продолжало скандалить, но нрав таможенников не изменился...

Две хари сидели за столиком, рядом с мангалом возле входа в магазин. Одна толстошекая с усиками, выпуклыми глазами. Другая – худосочная, в очках. Первая принадлежала Мокрицкому. Вторая – Куробабкину. Обе были недурственно пьяны. На столе стояла полупустая бутылка водки и тарелки с остатками шашлыка стоимостью по бутылке водки за сто грамм. Рядом суетился услужливый шашлычник. Обе хари беседовали о политике.

– Запугали у нас народ, боится слово против власти сказать, – начал, шевеля усиками, Мокрицкий.

– И не говори, бабки сложно стало косить. Хоть бы кто-то вступился за нас, – поддержал толстосумого Мокрицкого, во владении которого находился этот магазин с мангалом, шакаливший подле него Куробабкин. – Те же газеты и телевизор. Гадости про таможду – это они могут, а помочь... Нас налогами давят, а они ничего.

– Ведь были же раньше люди, кричали. Предали они нас, купили их с потрохами, – продолжил Мокрицкий. – Сегодня напрягают нас, а за что? За то, что мы народ кормим да лелеем?

Клиент за соседним столиком оставил недопитую бутылку на столе, что-то сказал товарищам и скрылся в подъезде соседнего дома.

– А все-таки хорошее пиво мы продаем, смотри, гонит, – удивился Мокрицкий, провожая глазами одного из своих клиентов.

– Ох, не хотел бы там жить, там же душок, – рассмеялся Куробабкин, показывая на подъезд, где клиенты кафе привычно справляли малую нужду.

– Ничего страшного, потерпят, а то забыли запах родины, – патриотично заметил Мокрицкий.

– Может, вам шашлычку добавить? – спросил шашлычник.

Мокрицкий оглядел сваленные в кучку шашлыки с застывшим на них жиром. Густо усыпанные пеплом, они не вызывали особого аппетита. Кроме того, Мокрицкий знал, что эти мясные кусочки на железных палочках уже несколько дней провели в холодильнике и шашлычник ежедневно выносил их на улицу, выдавая за свежие.

– Ты со мной не шути, – сказал он строго. – Свежий поджарь.

Мимо прошел мужик с бутылкой пива, позади которого на брюках зеленела полоса краски.

– Друг, на трубах сидел? – крикнул Куробабкин и, не дожидаясь ответа, спросил у Мокрицкого. – Что с упрямыми делать? Некоторые не платят и не забирают контейнеры.

– Брось голову тупить, Бабкин, – плюнул Мокрицкий. – Нам и так хватает, но узнаю, что прикарманливаешь и не делишься, пойдешь работу искать.

– Как вы могли подумать? Такое!? Да никогда, – развел руки в стороны Куробабкин.

– Верю, – согласился Мокрицкий. – Наш человеческий союз крепче государственных, потому что если не ты мне, то я тебя и оба при деньгах.

ЗАКОН ЖИЗНИ

«Живешь, пока удовлетворяешь высший интерес и не препятствуешь высшим целям»

Когда гиря в виде двухсот тонн испорченных колбас и сыров упала на весы правосудия, даже очень покладистого правосудия маленького нефтяного городка, где каждый начальник если не друг другого начальника, так хороший товарищ непременно, то тут, хочешь – не хочешь, пришлось заводить уголовное дело...

Только сквозь время увидишь,

(А сквозь окно не дано)

То – чем кого-то обидишь,

То – что куда-то ушло.

Только бы сердце не ныло

И не тревожил обман.

Не изменить то, что было,

А что могло быть – туман,

– громко проговорил китайский наручный будильник, нацепленный на запястье у кого-то из охранников. Слова, поддержанные казематным эхом, запрыгали от стены к стене. Семеныч, подернув бровями, расклеил слипшиеся ото сна веки. В их просвете в помещении вызывавшей отвращение и озноб тюремной камеры он увидел хмуро глядевшую на него Золотуху, жевавшую к тому же его провиант. «Утроба ненасытная, все ж съест, дай волю», – подумал Семеныч и без промедления спросил, как будто только об этом думал, пока спал:

– Нинка, на кой ... ты наговорила этому следователю, Хмырю, что я лично отбирал продукты в Германии для отправки в Россию? Мы же договаривались: я ездил за холодильником для подсобного свиного хозяйства? На кой... ты меня подставила?

– Ты, Толечка, мальчика из себя не рисуй, – разом ошетибилась Золотуха. – Спасибо за угощение, но сидеть за всех не намерена. Могу простить, Генерала и Кошелькова, они высоко летают, таких птиц сложно подстрелить. Тут лучше молчать, а то хуже будет, молчание оценят – работу дадут. А от тебя мне ничего не надо, ты-то драпанул... Надеюсь, что тебя, начальника налоговой полиции, не тронут?

– Падла ты, Нинка! – вскрикнул Семеныч, приподнялся с нар и отер ладонью вспотевший лоб. – Буду стоять на своем: афера ваша, я не знал. Мое слово против твоего бляения. Не докажешь.

– Дурак ты. Все знают: Штейтинг тебе хорошую сумму положил, а ты не поделился. Дадут срок с конфискацией, будешь знать...

– Да я тебе морду набью...

Шум в коридоре остановил руку Семеныча. Мощные, словно колокольные, удары отдавались звоном в ушах. Было понятно, что кто-то по-молодецки ломился в тюремную дверь. «Может, наши из налоговой полиции штурмуют ментовку, вызволяют», – мелькнула радостная мысль у Семеныча. Вскоре грохот возвестил, что дверь сдалась и упала. Раздался топот ног, крики и нецензурная брань.

– Застрелю, только двинься, – истерично завопил Вовка Косой.

В камеру Семеныча заглянул Сашко:

– Заканчивать завтрак надо, Анатолий Семенович, сейчас начальство нагрывает.

– Что случилось? – спросил Семеныч.

– Ваш сотрудник, капитан Братовняк, доигрался. Пьяный за рулем постоянно. Знакомые автоинспекторы миловали. А тут напился и аварию устроил. Приехал патруль, вашему бы головку-то склонить и покаяться, а он набросился и давай избивать. Силы-то, как в нефтяном фонтане. Кричит: «Я друг Ворованя и его зама Тыренко! Плюйте зубы наземь сами, или как вшей перещелкаю!» Наши вызвали помощь. Сообща скрутили. Привезли сюда, но не помогло. То ли черти ему примерещились, то ли обиделся, начал он со всей дурной мочи бросаться на дверь в камеру. Бился и телом с разбегу, ногами долбил. Выбил! Убежал бы, если бы стволы не наставили. Ну вас и кадры...

– Во-первых, Тыренко – опер. Мало денег – много форсу. Любит покрасоваться. Во-вторых, ты моих птенцов языком не черни. Мои ребята – пионеры базарных непаханых территорий, где во множестве скрываются утаители налогов. Братовняк – человек неплохой, – сказал Семеныч, а сам подумал: «Работник никудышный, никчemuшный. Единственное, за что держу: на базаре с ним никаких проблем. Для нас, нормальных налоговиков, с такой физической защитой, как Братовняк, коммунизм уже наступил».

На базар Воровань ходил обычно вместе с женой и Братовняком. Набирал все, что нравилось, доставал служебное удостоверение и спрашивал:

– Вы что? С начальника налоговой полиции, как со всех, деньги брать будете? Цены-то сбросьте, а то попадете к нам, раскрутим по полной программе.

Позади Семеныча, улыбаясь и постукивая огромным кулаком правой руки в раскрытую лопатовидную ладонь левой, стоял бывший бурильщик нефтяных скважин Братовняк. Испуганные предприниматели сбрасывали цены до смехотворных и возмещали свои потери, обвешивая простых покупателей. А уж в сети магазинов самого богатого предпринимателя маленького нефтяного города, взявшего хороший старт с должности начальника отдела рабочего снабжения нефтяного предприятия, Сергея Хапалы, он брал все и бесплатно. Там действовала договоренность: товар – и никаких проверок. В общем, работа спорилась и приносила первые плоды...

Сашко незаметно ушел из камеры Семеныча и увел с собой Золотуху, вежливо поддерживая ее под руку. Он ступал осторожно, словно сын, помогающий ослабевшей матери добраться до постели, но, как вы понимаете, это вынужденная деликатность. Заключенными Сашка в этот раз стали не простые уголовники, а влиятельные чиновники с погонами, званиями и деньгами и поддержкой тех самых высокопоставленных переселенцев, которые учуяли теплые места на Севере и, как стервятники, кинулись рвать добычу. Таких людей Сашко не мог подгонять пинками. Они могли помочь в будущем, а чужое воровство воспринималось нормально и даже с завистью. Многие крали на своем рабочем месте. Кто – гвозди, кто – бумагу, кто – плоскогубцы, кто – продукты, некоторые – деньги. Крали по должностным возможностям, крали, как могли. Что ж пальцем друг в друга тыкать? Так формировалась элита.

Воровань прилег, вперил взгляд в потолок камеры и вдруг вспомнил школу милиции, в которой он учился. «Курсанты выпивали, обмывали звания капитанов, и никто бы не узнал, если б не я, если бы не докладывал начальству, – размышлял он. – А по-другому как продвигаться? В жизни каждый сам за себя. Кто раньше понимает, тот быстрее растет. Надо быть скользким угрем и поменьше морали...»

Когда налоговая полиция в маленьком нефтяном городе только образовывалась, попасть в нее было проще простого. Прощтрафившиеся милиционеры, бывшие рэкетеры и работники нефтяного предприятия, которым надоело мерзнуть на нефтяных месторождениях Крайнего Севера, устремились на новые должности. Семеныч принимал их на службу, поскольку понимал, что те, у кого есть пятно на репутации, полностью управляемы и зависимы. Это он знал по себе...

Просидел Воровань в камере меньше трех недель. Его и Золотуху выпустил на свободу прокурор города Коптилкин. Нет, вину с Семеныча за испорченные сыры и колбасы, за пропавшие миллионы долларов не сняли. Не получилось. Вначале Семеныча амнистировали. Затем уголовное дело прекратили в связи с изменением обстановки на нефтяном предприятии, превратившемся из государственного в частное. Семеныч остался не реабилитирован, так сказать, с тонким пушком в соответствующих местах, но на эти места старались не обращать внимания, тем более что обладатель этого пушка возвратился с тюремных нар в уютное кресло начальника налоговой полиции и оттого приобрел грозные очертания.

Как Воровань смог выйти из тюрьмы и вернуться на должность начальника налоговой полиции? Тут помогли связи. Бывшего руководителя и друга Семеныча по ОБХСС, Закоулкина, поставили начальником Управления налоговой полиции округа, а их связывало богатое прошлое. В прошлом они сообща уже опустошали карманы, кошельки и денежные пояса продавцов и спекулянтов на широких просторах советских толкучек, покрытых людьми, как голодными муравьями. Как не сдружиться, если после рейдов на толкучку они собирались в своем кабинете в здании исполкома и делили конфискованные импортные джинсы, куртки и другие престижные и нужные в хозяйстве вещи? Закоулкин, как принято, подбирал в свою структуру близких людей. В маленьком нефтяном городе у Закоулкина не было никого, кроме Ворованя. Вот и весь секрет.

НА ПУТИ К ВЕРШИНЕ

«Крепкое словечко порой толкает, как реактивный выхлоп»

Примерно в это же время в трехкомнатной квартире в окружении жены, пятерых детей, собаки и кошки корпел Семен Петрович Хамовский, или попросту Сеня Хамовский для некоторых Хам, генеральный директор ООО «Нефть на ягель», хотя генеральный – слишком громко для его небольшой бедняцкой конторы. Он вынужденно много трудился, выискивая деньги для прокорма многочисленного семейства и, надо сказать, еле сводил концы с концами.

До Генерала ему было, как тайгу – из конца в конец. За квартиру платил так редко, что не покидал список злостных должников. Сидел на крепком крючке у налоговой полиции и с ностальгией вспоминал то время, когда занимал должность главного инженера нефтегазодобывающего управления.

Выперли его из нефтяной структуры по дикой случайности: за приверженность одному распространенному среди начальства хобби: более всего любил Хамовский наорать на подчиненного и нахамить. У него настроение и потенция улучшались, когда кто-либо после его нецензурной брани в больницу попадал с сердечком или повышенным давлением или серел и бледнел на глазах и уходил, понуриив голову, мелкой быстрой рысью, как испуганное животное, причем уходил, втянув зад так, будто сзади влачится поджатый хвост. Как только дверь в кабинет закрывалась за очередным посетителем, опущенным в болото дурных громкоголосых выражений, Хамовский доставал перочинный ножик из ящика стола и делал маленькую зарубку на внутренней стороне столешницы, той, что ближе к полу. Потом он с любовью проводил указательным пальцем по всем зарубкам, белевшим, как выбоины на асфальте, прикрывал глаза и внимательно прислушивался всею осязательной способностью своего пальца к его вибрации на изрезанной поверхности. Эта странная любовь, которая многими подчиненными воспринималась обыденной жесткой системой руководства, вполне нормально адаптировалась и среди рядовых жителей маленького нефтяного города. Никто не осуждал, наоборот, ставили в пример, но только до случая.

На прием пришла женщина, не отрекомендовалась, кто такая, и давай настойчиво просить его перенести отпуск. Хамовский неприязненно смотрел на нее минуту-другую и думал. На таких, он знал, есть одна управа: хорошенько наорать, желательно с грубыми выражениями, что Хамовский и сделал. Обычно неожиданные просители убегали с глаз долой и больше не показывались, а эта нервная попалась, еще и беременная. У нее открылось кровотечение, и она чуть не родила у Хамовского в кабинете. Пришлось вертолет санитарной авиации вызывать и срочно отправлять ее в роддом соседнего района, поскольку в маленьком нефтяном городе хирургов сложно было застать трезвыми. Но самым неприятным оказалось то, что женщина эта являлась женой секретаря профкома. Шуму было. Пришлось уйти с должности по собственному желанию, хотя желания не было никакого.

С того времени Хамовский цеплялся за жизнь, как мог, им овладела яркая, как румянец мстительного человечихки, ненависть к существующему строю, вознесшая его вначале в кресло депутата невысокого уровня, затем к руководству созданным им самим же дискусионным клубом, затем – в кресло депутата рангом повыше и, наконец, – в кресло, о котором мы расскажем позднее.

Примерно в это же время Генерал, Станислав Тихомирович Бороздилов изобретательно и артистично боролся за власть, за место генерального директора на бывшем государственном Сибирском нефтегазодобывающем предприятии (СНГ), загнанном им самим же в весьма сложные условия, чрезвычайно похожие на банкротство. И винить Генерала в бесхозяйственности сложно: пока предприятие имело государственный и общенародный статус, оно пребывало ничейным, а к ничейному и отношение соответствующее. Но наступили времена, на которые надеялся Семеныч, когда заключал контракт на подарки, – наступило акционирование, списывающее кражи государственного имущества, и открывающее путь к настоящей власти и обладанию.

Путь к власти над «СНГ» пролегал через собирательство акций, частью розданных народу, частью оставленных у государства. «Играть с государством в азартные игры опасно», – эту фразу Генерал хорошо заучил и никогда не покупал лотерейные билеты, поэтому он полностью сосредоточился на народе.

Очереди темными траурными лентами волновались у главной нефтяной конторы края, словно возле ленинского мавзолея в советскую эпоху. Генерал проезжал мимо на своем редком в те времена джипе, темно-синем «Мицубиси», и радостно посматривал на усталых, безрадостных людей. Он отменно позавтракал, пребывал в добром расположении духа, смотрел на голодные очереди продавцов акций и беседовал.

– Хороший ажиотаж, – сказал он водителю, бывшему в курсе всех его дел и входившему в семейный круг.

– Люди сутками стоят, Станислав Тихомирович. Записываются – кто за кем. Ставят номера на ладонях. Многие не уверены, что получают деньги за акции, – откликнулся водитель.

– Пусть не боятся. Все купим. Надо предприятие взять в свои, рабочие руки, – произнес Генерал и потер ладони. – А что ты думаешь? Я тоже вкалывал. Знаю рабочих. Зачем им акция? Будут думать, как ее применить. Деньги проще: на них водку сразу дают. Пусть продают акции, на кой они им. Того и гляди не в те руки отдадут. А это наша власть. Моя власть. Да и куда им деваться? Будут продавать. Будут мне продавать: жить на что-то надо...

– Говорят, без еды человек живет не больше месяца, – откликнулся водитель. – Зарплаты уже несколько месяцев не выплачивают. Врет наука.

– Сложная обстановка. Запустили предприятие до предела, – безадресно обвинил Генерал, потому как на самом деле задержка зарплат была его идеей.

– Плюс к тому открылся сезон отпусков, а северяне в смысле отдыха все равно что гуси: они инстинктивно разлетаются, разъезжаются по южным направлениям, – продолжил рассуждения водитель. – Мало кто желает отдыхать среди сосновых лесов и гнуса, среди болот и обедненного кислородом воздуха, но чтобы выехать с Севера, опять же нужны деньги.

– Правильно рассуждаешь, – живо согласился Генерал. – Но что я могу? Надо мной тоже начальство. Они кашу заварили – нам расхлебывать. Вот уволили тысячи рабочих, трудившихся в нашем «СНГ» наездами – вахтами. Вахтовики, оставшись без работы, собрали рюкзаки и отправились по своим далеким домам. Ты думаешь, мне это приятно?

Генерал внимательно посмотрел на водителя, чтобы определить меру воздействия театрально разыгранной краткой тирады. Вахтовиков он сократил всех лично, но не хотел, чтобы на него показывали пальцем.

– Какое приятно!? Что вы, Станислав Тихомирович?! – слегка испугался водитель. – Я просто о том, что продавцов акций теперь, как пчел на пасеке.

– Это верно, – смягчился Генерал. – Хорошо, когда события происходят сами собой, но так как выгодно нам ...

Основным конкурентом Генерала по скупке акций «СНГ» являлась московская компания. Борьба с Москвой и стала популярным куплетом Станислава Тихомировича Бороздилова на собраниях акционеров.

Народ на собрания свозили автобусами, примерно по той схеме, как собираются в лесной тиши грибочки в корзину: никто не спрашивал согласия, а элементарно снимали с мест. Перед речью Генерала выступили местные артисты с собственными стихами и песнями о маленьком нефтяном городе и безумной любви к нему, несколько надуманной, поскольку никто из переселенцев в хантыйской тайге не родился, но стихи на местные темы настраивали кворум на патриотический лад. Генерал их с удовольствием использовал. Выступали и дети, и как-то со стихотворением Жени Рифмоплетова:

Я вновь приближаюсь к суровым краям,
Где многие годы прошли,
Туда, где живут дорогие друзья,
Где родину вновь мы нашли.

Уже показался и дома фасад.
Как радостно, что говорить:
Раз в год уезжать, возвращаясь назад,
Знакомую дверь отворить.

Родимые стены обняли меня.
Душа от разлук отойдет.
Осталось недолго: всего лишь три дня –
И жизнь снова в русло войдет.

Туманы, работа, седые болота,
Тайга, трассы словно стекло.
Прекрасны зарницы и счастья крупницы,
Раздольных снегов серебро...

Затем Генерал энергично поднимался на сцену под общие рукоплескания и травил прозаические агитационные басни:

– Доверьте мне ваши акции и не волнуйтесь за будущее. Что зарплата? – копейки. Регулярные дивиденды позволят вам есть не только макароны, но и... (в этом месте возникла пауза. Генерал думал, что же будут кушать эти люди. Он глянул в зал, и головы, кругленькие и мелкие с трибуны, напомнили...) гороховую кашу... Шучу! Ну, конечно, нет (исправился Генерал), вы сможете каждый день есть лобстеров, таких жирных морских раков, каждый год бывать на курортах, это такие места, где можно не мыть посуду и плевать на пол, в ваши квартиры придет чудо-ремонт... Нефть в трубу – людям рагу. Вот наш девиз. Амбиции Москвы растут, столица ненасытна. Если столичные чиновники станут во главе сибирского нефтяного предприятия, то сюда не вернется ни копейки. Вы сейчас не получаете зарплату и не будете получать, вы сейчас не видите лобстеров и не увидите, если...

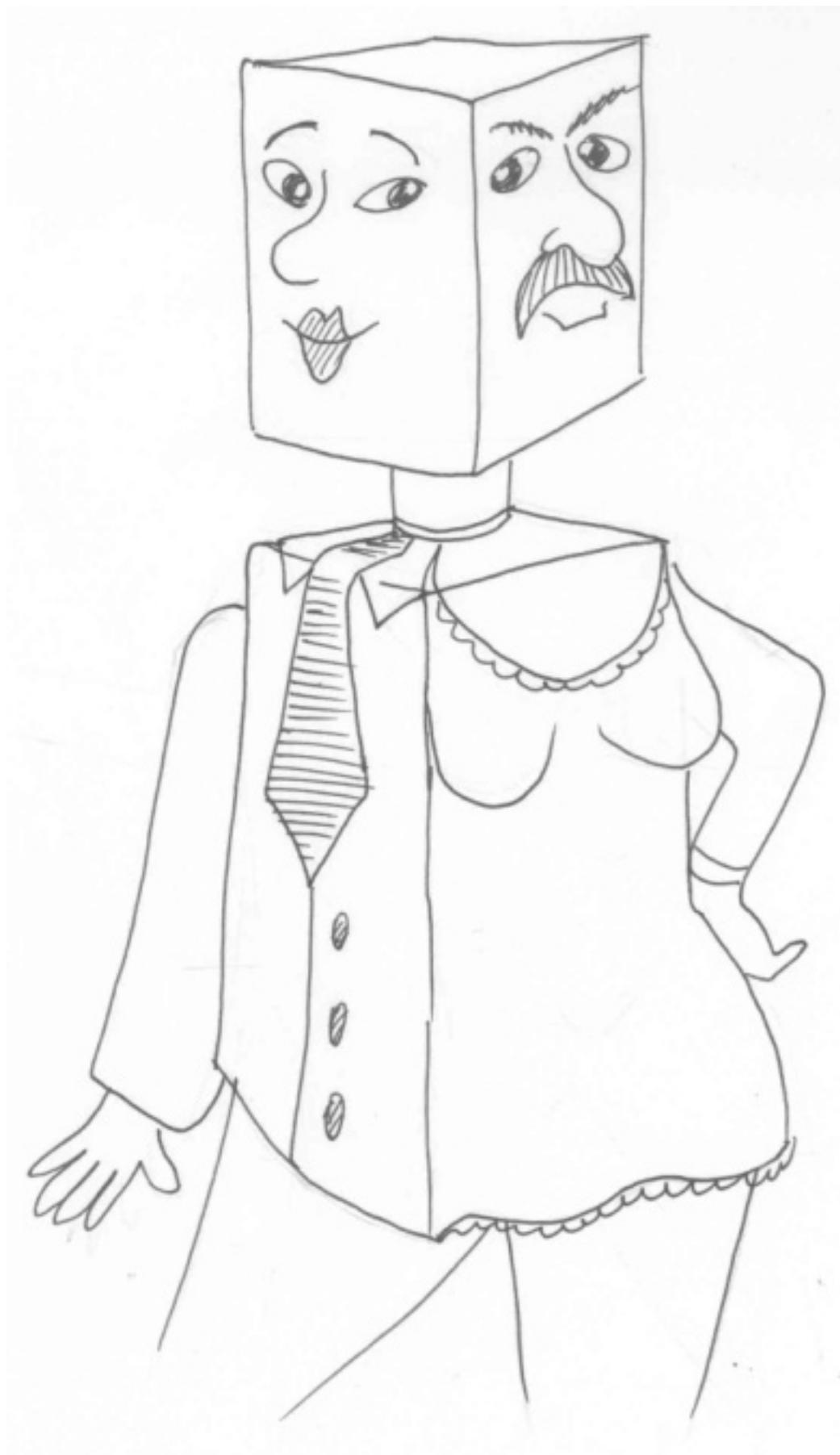
Как показало будущее, слова Генерала оказались пророческими.

В это же время верхушка городской администрации маленького нефтяного города тратила деньги роскошно. Чиновники нефтегазодобывающей провинции России ездили в Южную Африку для обучения управлению городами Крайнего Севера Западной Сибири, строили и распределяли между собой квартиры в Подмоскovie, дома в Краснодарском крае, растаскивали беспроцентные кредиты, воровали бюджетные деньги через специально созданные предприятия. Даже самые рьяные профсоюзные борцы не чурались на время забыть о социальной справедливости ради собственной выгоды. И обо всем этом Алик почти ничего не знал, его интересовали другие моменты жизни. И счастье незнания было велико. Он имел интересную работу и экспериментировал.

ПСЕВДОНИМ

«Когда нет лица, и ударить не во что»

Псевдоним как уютная мышинная норка, куда автор, стащив скандальный кусок сыра с чужого стола, может спрятаться и безбоязненно наблюдать за реакцией на его выходку. Ни один человек, даже самый обиженный, в чьей тарелке побывал этот автор, не будет знать, на ком выместить злость, если, конечно, ему кто-нибудь не расскажет. Псевдоним как вполне реальная шапка-невидимка, надев которую автор может безбоязненно здороваться за руку с тем, кого критиковал, и даже по-дружески разговаривать, почти не ощущая в глубине души или где-то за пазухой тяжесть хорошего кирпича. Сравнений можно придумать много, но все они будут сводиться к тому, что псевдоним делает автора неизвестным.

Выбор псевдонима – штука тонкая. Это тайное имя на долгие годы. Замужние женщины иногда берут в качестве псевдонима девическую фамилию. Распространены в качестве псевдонима названия города и поселка, в которых автор родился, или названия водоема или реки, в водах которых автор любил полоскать юное тело. Бывает, что в качестве псевдонима применяют фамилии дальних родственников, любовь к которым не иссякла за давностью лет. Бывают и изощренные псевдонимы, составленные из первых букв имени, отчества и фамилии. Бывают изящные абстракции или броские слова. Бывают и простые – фамилии знаменитых людей. По последнему пути и пошел Алик, взяв себе в качестве псевдонима фамилию последнего Российского императора – Романов. «Как назовешься, так и отзовешься», – так посчитал он, надеясь на высокий титул, а не расстрел.

До работы в газете Алик уже пользовался псевдонимами, сам того не понимая. Как-то он возвращался с работы домой по хорошо протоптанной в снегу тропинке и изумился ровной нетронутой ни людьми, ни животными, ни птицами поверхности искрящегося в свете фонарей наста, простирившегося по обе стороны. По тропинке, он знал, ходило много людей, и ни один из них не отступил в сторону от промятой многими ногами колеи. «А если отступить?!» Алика внезапно посетила дикая чертовская радость от предчувствия того, что он сейчас сделает. Он огляделся по сторонам. Никого.

Возбужденный остротой легкого риска, он залез в неглубокий снег и вытоптал всем известное ругательное слово, состоящее ровно из трех букв. Вернулся на тропинку. Никого. Слово гляделось весьма хорошо. Темные провалы букв вызывающе контрастировали с искрящейся белизной. «Все прочитают. Интересно: останутся равнодушными или сойдут с тропинки», – озадачился Алик и ушел домой. На следующий день на том месте, где темнело слово, выделялась вытоптанная полянка. «Людей надо раздражать, чтобы они сошли с проторенного пути», – так оценил полученный результат Алик.

Первая критическая заметка Алика «Шутки на крови», про некачественные анализы в городской поликлинике, стянула над его головой нервные тучи. Хоть Алик и подписался псевдонимом, но мужским, а он являлся единственным мужчиной в коллективе редакции газеты маленького нефтяного города. Что гадать? В редакцию пришел рассерженный и пьяный муж медсестры, о которой без упоминания фамилии и было написано. Муж прямо-таки горел яростным желанием встретиться с Романовым, и он с ним встретился.

Скандальные цели визита обозначались вполне понятно на лице внезапного посетителя, и Алик их распознал сразу, но он не выказал беспокойства, а, наоборот, спокойно и подчеркнуто доброжелательно спросил:

– Вы кого-то ищете?

– Мне бы Романова повидать. Он в газете про анализы написал.

– Какого Романова? – Алик изобразил деланное недоумение по поводу своего собственного псевдонима...

Забегая на несколько лет вперед, можно сказать, что Алик к подобному приему прибегал не раз и самый увлекательный случай произошел в кабинете мэра города. Тогда после многомесячной задержки заработной платы Алик изобразил в газете едкую заметку «Еще раз про любовь» про генерального директора местного нефтяного предприятия, Генерала. Заметка наделала шуму. Последовала встреча с Хамовским, овладевшим к тому времени властью над маленьким нефтяным городом.

Человек сам определяет себе идола, перед которым поклоняется: будь то он сам, или звезда эстрады, или бредящий властью чиновник... Алик всегда понимал, что любой человек – это всего лишь единство внутренних органов, внешней оболочки и очень спорной способ-

ности мыслить, поэтому никому не поклонялся, а на заносчивых знаменитостей или чиновников смотрел как на умалишенных, собственно, так оно и есть на самом-то деле. Хотя, как понял Алик впоследствии, заносчивость людей, добившихся сравнительно высокого положения, имеет еще одно объяснение: это плотина, барьер между простыми людьми с приземленными чувствами и низким уровнем развития и людьми с высоким уровнем, который ставится, чтобы, так сказать, не запачкаться и не падать. Но опять-таки, как понял Алик позднее, этот барьер не столько обедняет простых людей, сколько самих знаменитостей, которые именно в простых людях черпают свой талант, власть, славу. В общем, перед мэром маленького нефтяного города Алик не испытывал ни дрожи, ни тяги к поклонению. Нельзя сказать, что он видел этого чиновника насквозь, как не видел насквозь и всех остальных, но понимал, что над чиновником властны самые обычные человеческие чувства и стремления.

– Генерал визжит от твоего фельетона. Звонит мне каждый день. Придется тебе бутылку коньяка поставить, – произнес мэр с видимым удовольствием на лице. – Это же твоя работа, Алик?

– Какого фельетона? – переспросил Алик, понимая, что руководители всегда смогут договорить и выставить его козлом отпущения, а бутылка коньяка за козлиное существование не цена. – Ничего не знаю.

– Твой фельетон был, – напомнил мэр, и на его лице появилось выражение крайнего удивления.

– Нет, – твердо ответил Алик.

– Как нет? – удивился мэр и обратился к редакторше, Мерзлой, сидевшей тут же – Ты ж говорила, что это его работа.

Алик на мгновение потерял душевное спокойствие: его подставила Мерзлая. «В кулуарах власти друзей нет», – понял он.

– Это же ты написал, это же твой псевдоним – Романов, – сказала Мерзлая, обращаясь к Алику. – Фельетон назывался «Еще раз про любовь».

– Помню. Читал. Действительно, смешной такой фельетон. И псевдоним под ним мой. Я так обычно подписываюсь, – ответил Алик.

– Ну, так ты написал это?! – начинал терять терпение мэр. – Ну, говори. Брось валять. Признавайся. Чье это? Ты же сказала, что он...

Пока Хамовский говорил, то нервно моргая, то энергично потирая ладони, то слегка похлопывая ими, Алик успел оценить обстановку. За столом, кроме него, сидело три человека: Хамовский, Мерзлая, молчаливый, когда требуется, заместитель мэра. Три мощных свидетеля. Публичное признание могло обойтись дорого.

– Не я автор. Человек принес заметку, и мне показалось, что она точно подходит под мой псевдоним. Человек не отказался. Вот и вышла «Любовь» под Романовым, – на ходу сочинил Алик, а сам подумал: «Вот сука. Она не имеет права раскрывать псевдоним. Видать, Генералу хочется точно знать, кто по нему прошелся».

– Алик, сознайся. Ты же? Сейчас бутылку коньяка принесу. Как ты его продернул! – подчеркнуто дружелюбно похвалил мэр, протягивая ладонь для пожатия.

– Да что сознаваться? Рад коньяку выпить, да не я написал эту заметку, – ответил Алик, которому уже не нравился тот напор, с которым его заставляли сознаться в авторстве.

– Ну, мать, вашу мать, – слегка ругнулся мэр, поняв, что разговор зашел в тупик, но тут же исправился. – Правильно. Тут только через суд можно определить. Не говорите, не надо. Я же не буду нарушать. Ох, фельетон... Но ладно – речь не об этом...

Настроение присутствующих испортилось, и разговор перешел на другую тему. Но вернемся назад...

– Вашего Романова, укусившего лабораторию, хочу видеть. Поговорю с ним с глазу на глаз в коридорчике. Там как раз света нет, – настаивал посетитель. – Он, видимо, в нашем нефтяном городе человек новый, недопонимает...

– Я понял, кого вы ищете. Романов работает внештатным корреспондентом и сейчас отсутствует, – нашел победоносную беспроблемную стратегию Алик.

– Но мне надо обязательно переговорить с ним.

– Хорошо, приходите завтра. Мы его предупредим, чтобы ждал.

На следующий день этот настойчивый посетитель пришел еще более пьяный, но Алик знал, как его встретить:

– Вчера, после вашего ухода, Романов принес последний материал. Мы его просили встретиться с вами. Понимая щекотливость ситуации, он отказался. Работников, которые не отвечают за свои слова, мы не держим и от сотрудничества с ним отказались. Уволили. Ваши претензии рассмотрим и, если вы будете настаивать, опубликуем опровержение.

Посетитель, хотя был пьян и зол, оказался все ж не без сердечности:

– Зачем так? Я не желал поганца оставить без куска хлеба. Хотел по-мужски...

– Не вините себя. У нас такие правила. Мы не терпим проходимцев.

И посетитель ушел с новым чувством вины, подталкиваемый к двери веселым взглядом Алика...

КОНФЛИКТ

«Любовь, как и цветок, легко убить одним движением»

Алик указательными пальцами мял темные мешковатые пятна под глазами и горестно думал о семейной жизни в тонах агрессивных и человеконенавистнических. Он привык отдаваться любимому полностью, будь это работа или человек. Он влюбился в журналистику и работал, не считаясь со временем и деньгами. Идеи посещали его и днем и ночью и волновали, как послегрозово́й, насыщенный озоном воздух, как шум вечернего морского прибоя, как ветерок дальних странствий...

Возникавшие мысли он записывал, переписывал. Все меньше времени оставалось для семьи, кроме того, для любимой работы он купил печатную машинку, вырвал деньги из семейного бюджета и удивлялся, почему его любимая Роза иногда обвиняющее, иногда обиженно, иногда раздраженно на него поглядывает.

Как-то поздно вечером он пришел домой, привычно, не оглядываясь по сторонам, пробежал мимо ванны, где громкие плески воды явственно указывали на большую стирку, затеянную Розой, сел за кухонный стол, разложил на столе бумаги и продолжил работу. Он был так увлечен, что не заметил, как сзади появилась жена.

– Милый, чаю не хочешь? – спросила Роза с какой-то странной иронией.

– Спасибо, что зашла, Роза. У меня статья выходит. Блеск! Налей, если не сложно, – не поворачивая головы, попросил Алик.

– Конечно, дорогой, для тебя ничего не сложно, – ответила Роза и наклонила старый эмалированный чайник над столом.

Из удлиненного носика чайника незамедлительно показалась струя воды. Она под действием гравитации с ускорением устремилась к бумагам, разложенным на кухонном столе. В стороны полетели брызги. Бумаги темнели, пропитываясь водой, и темнели все больше. Алик замер. У него на глазах любимый человек уничтожал любимый труд. Чаши весов заматались в его душе.

«Как она может такое делать!? – вопила часть души, влюбленная в журналистику. – Прояви себя, как мужчина! Поддай ей хорошенько!»

«Бить женщину плохо, – успокаивала воспитанная часть души. – Будь терпелив к чужим недостаткам. Раз это произошло, ищи причину в себе».

«Если ты сейчас же не поставишь ее на место, то потом пожалеешь! – злобно кричала часть души, влюбленная в журналистику. – Ты должен! Ты должен! Задай ей!»

«Ради Бога, если ты решишься применить силу, будь осторожен, – отступала воспитанная часть души.

Часть души, любившая Розу, пребывала в панике и растерянности и молчала.

Лицо Алика посерело. Он поднялся со стула, схватил Розу за руку, вырвал чайник, затем скрутил виновную руку так, что Роза повернулась к нему спиной и согнулась. Так в полусогнутом положении Алик вывел Розу из кухни и с силой толкнул в комнату. Роза отступила на несколько шагов, остановилась и с кулаками бросилась к Алику. Он опять схватил ее за кисть, резко вывернул и толкнул Розу на диван. Роза упала вниз лицом, перевернулась, злобно глянула на Алика. В уголках глаз, на щеках каплями росы блестели слезы.

– Зачем ты это сделала? – спросил Алик, почувствовавший смутную вину от этих слез.

– Ты ничего, кроме работы, не видишь! – крикнула Роза.

– Но ты же знаешь, сколько времени я трачу на тексты! Это большой труд! – Алик попытался воззвать к чувствам.

– Мне плевать. Я все твои бумаги в следующий раз порву, – крикнула Роза. – Другие мужики женам помогают: и стирают, и гладят. Ты же сам по себе. Что мне от твоей работы? Денег больше не стало.

Дополнительная работа действительно приносила не столько деньги, сколько затраты, как времени и сил, так собственно и самих денег. Этот аргумент крыть Алику было нечем, но именно то, что Роза указала на безденежное обстоятельство, его обидело еще больше, поскольку она знала, что для Алика работа стала равносильна жизни.

– Ты меня не любишь, – заключил он. – А насчет денег – каждая строчка приносит гонорар.

– Это ты меня не любишь, – ответила Роза. – И не смей своими копеечными гонорами.

Алик понял, что говорить больше не о чем. Он не хотел видеть лица Розы, он не хотел даже ощущать рядом ее присутствие. Он молча прошел в коридор, оделся и ушел из дома. На улице уже стемнело, вечерняя прохлада смягчила гневные мысли и вернула логику.

«А куда я пойду? – подумал Алик. – Все спят, либо ко сну готовятся. Не по городу же шляться всю ночь».

Он засунул руки в теплые карманы куртки и в одном из них нащупал ключ. Оказалось – от редакции. Туда он и направился, на ходу размышляя, как он составит в один ряд несколько стульев, положит под голову подшивку газет и вполне прилично поспит, как спал, когда работал сторожем в студенческие годы.

Алик ушел, но совершенно точно понимал, что вернуться придется. Можно развестись, но зачем, если не думаешь жить один в дальнейшем? С другой женщиной, наверняка, возникнут те же проблемы. К тому же у них с Розой рос сын, и он притягивал к себе, как хорошая, перспективная статья, требующая работы и любви. Другое дело, как жить дальше с той женщиной, которую любил, и вдруг заметил, что она не такая, какой была или какой казалась?

После родов Роза сильно располнела, но Алик не замечал этого обстоятельства до нынешней ссоры. Теперь же он шел к редакции и мысленно выискивал в своей бывшей возлюбленной жене все мельчайшие недостатки и, словно хворост, подкидывал их в пламень адской топки, горевший у него в груди. Он так в этом преуспел, что по пришествии в редакцию, вместо того чтобы лечь спать, взял чистый лист бумаги и взялся писать:

«Роза, если ты когда-нибудь прочтешь этот текст, то знай, что теперь я думаю о тебе только плохо. Есть тоска по неудавшейся задумке жить с любимой женщиной, хорошо отно-

сясь друг к другу, до самой старости. Ты сегодня все разрушила. Где та улыбка, с которой ты смотрела на меня? Все нежное, что нас связывало, исчезло. Где ты? Поищи сама. Ощущение твоей невинности, незащитности и мягкости, исходящие от тебя, обманчивы. Ты корыстна, думаешь только себе и своем благополучии. У нас с тобой исчезли интересные темы для общения, потому что ты не умеешь слушать никого, кроме себя...»

В этом тайном письме, никогда, кстати, никем не прочитанном, поскольку Алику на следующий день порвал его, было написано еще много разных обвинений. Он излил на бумагу все огорчение от окончательной потери иллюзий, в некоторых обвинениях жены, как говорится, перегнул палку, но составление письма его успокоило, как успокаивает японца избивание чучела своего начальника. Проза письма незаметно для Алики перешла в рифмованное почтистишие (так Алику называл свои стихи):

Две судьбы в одну сплелись?...
Не сплелись, а лишь касаясь,
Оттолкнулись, понеслись,
В тайны сердца не вдаваясь.
Быт устроен, пища есть -
В этом нет большой проблемы.
Может, и не надо лезть
В душу близкую на темы
Дележа домашних дел,
Верности и вероломства,
Кто в зарплате преуспел,
С кем жил до ... и есть кто после ...?
Что возможно отыскать?
Пару темных коридоров;
Страсть, которой не понять;
Злость, заученных укоров;
Грусть о прошлом и деньгах;
Вздых несбыточных мечтаний;
Страх болезней; о годах
Проходящих мрак терзаний...
Да на что они сдались?
Грустно жить, досрочно старясь.
Две судьбы в одну сплелись,
В тайны сердца не вдаваясь.

На этом нефтяной фонтан черных душевных откровений Алики иссяк, веки стали все чаще смыкаться, он лег на стулья и так крепко уснул, что казалось пациент выздоровел окончательно без последствий. Но последствия остались. С этого момента супружеский долг он отработывал автоматически, а любовь искал исключительно на стороне.

СТРАТЕГИЯ ХОЖДЕНИЯ НАЛЕВО

«Главное – любить, а остальное приложится»

От женщин, трудившихся в редакции газеты маленького нефтяного города, для мужской натуры Алики не было ровным счетом никакого проку, из-за веры и неукоснительного следования канонам народной мудрости, вещавшей примерно следующее: «не люби, где живешь, и не живи, где любишь». От тоски спасало одно – сердечные романы на стороне. Они стали его тайным убежищем, о котором мало кто знал...

С Мариной, стройной белокурой особой, весом не более, чем рост минус сто десять, он познакомился в одном из мрачных частных магазинов, быстро размножившихся в то время, а потому наспех сделанных из того материала, что попался под руку. Эта симпатичная птичка, кем-то уже окольцованная, сразу ему понравилась. «Ничего мордашка», – подумал Алик и, словно многоопытный пират, пошел на abordаж изящной каравеллы, в капитанской каюте которой билось страстное, трепещущее женское сердечко, что бывает со всеми женскими сердечками в определенном судьбой возрасте. Собственно, много ли надо для того, чтобы вспыхнул огонек романического желания между двумя молодыми людьми на бедной впечатлениями таежной вырубке, хоть и застроенной вполне жилыми домами.

– Дайте, пожалуйста, пачку «Марлборо», – сказал он продавщице, окатив ее горячими солнечными лучами игривого взора. По крайней мере такой эффект своему взгляду старался придать сам Алик.

Девушка положила сигареты на прилавок, но не успела отдернуть руку, как Алик положил на ее ладонь свою и легонечко погладил. У Марины слегка дернулись брови, и внутри стало быстро распространяться нежданное тепло. Она притворилась, будто не заметила нежного прикосновения, но внимательно посмотрела на приставучего покупателя и поразилась его сходству со своим братом. Она подала сигареты. Алик их взял, покрутил пачку и артистично замахал руками:

– Извините, пожалуй, я их не буду покупать. Временная слабость. Я бросил курить, причем с самого рождения.

– Ничего страшного, это со многими случается. Еще наверстаете, – ответила Марина и улыбнулась.

Алик положил сигареты на прилавок, но не успел убрать от них руку, как Марина накрыла его ладонь своей и легонечко постучала указательным пальчиком по суставчику, примерно так, как разведчики передают сигнал морзянки. Конечно, никакой шифровки в стуче Марины не содержалось, но понять смысл сигнала не сложно...

Мужское сердце встрепенулось, а в мыслях возникла пьяная легкость. Ключнула, да еще как! Они взглянули друга на друга, глаза в глаза. Алик мгновенно оценил ее мысли: «Она, несомненно, размышляет примерно так: «А может затеять тайный романчик, а то все эти субботние стирки,готовки уже поперек горла стоят...»

– Давайте встретимся вечером, после работы, – предложил Алик.

– Вечером не получится, я замужем, – ответила Марина.

– Ну и что, я тоже женат.

– Мне после работы надо сразу домой.

– Тогда я просто провожу до дома, – сказал Алик и пошел к выходу, оставив Марину в раздумьях, впрочем, не в мрачных.

Вечером, перед закрытием магазина, Алик дежурил у его выхода в лучшей одежде, как-то она нашлась в его гардеробе, поскольку всегда следовал поговорке: «Хочешь любить раз в неделю – женись, хочешь любить раз в три дня – купи новый костюм, хочешь любить каждый день – купи машину». На машину денег не имелось.

Тайные свидания нахлынули на Марину, как сказочно обретшие реальное существование воспоминания о годах свободного девичества, когда в любви была не только постель, но и свидания, и цветы, и новизна.

Изменения привычного графика присутствия порождало подозрения в семьях.

– Ты что-то рано на работу, – корил Марину муж.

– К портнихе надо забежать, – почти без лукавства отвечала Марина, у которой с новой силой вспыхнула любовь к обновкам.

– Что-то ты сегодня поздно, – замечала Алику жена.

– Начальство работу подкинуло. Устал сверх меры, – отвечал Алик и тоже почти не лгал, поскольку если под начальством понимать Бога, а под работой легкий флирт, то все сходилось.

Поверхности супружеских постелей к неудовольствию «рогатых» половин перестали ритмично волноваться под тяжестью исполнения долгов, но все легко списывалось на недомогания и усталость. Изменились и особенности поведения героев тайного романа: поведение их стало порой абсурдным и необъяснимо революционным. Марина принялась подтрунивать над мужем, Алик – преподносить жене подарки.

Неожиданности, как кометы, вторгаются вспышкой охотничьего сигнала в исполненные обыденного спокойствия дни так быстро, что сложно успеть не только загадать заветное желание, ведь его надо еще и вспомнить, но даже заметить вторжение.

В поздний провальный вечер, примерно в одиннадцатом часу, Алик наркоманским стуком в дверь, то есть тремя неторопливыми ударами суставами пальцев и тремя очередями из перестуков их подушечек, попросился в квартиру Марины и был немедленно принят. Муж Марины уехал в командировку на неделю. Дочь Марины, как обычно в указанное время, ловила крепкие непробиваемые скрипом дивана сновидения. Из кухни пахло необычайно вкусно.

Алик, надо отметить, любил хорошо покушать и никогда не отказывался от случая «ударить по пирогам противника» – эту фразу он подцепил в американской комедии, которая называлась «Горячие головы», и при удачном случае всегда применял.

Штампованные фразы слышны дома, на улице, в троллейбусах и трамваях... Без них каждый живущий изобретал бы украшения к своей речи самостоятельно. У литераторов отношение к ним неприязненное, но в то же время штампы понятны и остроумны, вызывают у собеседника быстрое понимание и даже взлет настроения. Вся жизнь состоит из штампов. Они как кирпичики или железо-бетонные блоки, из которых строится дом, но заметьте, кирпичики или блоки могут быть одинаковыми, знакомыми и примитивными, а дома могут быть разными. Поэтому Алик никогда не пренебрегал штампами, если ничего лучшего придумать не мог. В конце концов, если доводить борьбу со штампами до абсурда, то надо и буквы менять каждый

раз, их звуковую гамму. Буква – общепринятый изначальный штамп. Итак, напомним читателю, что это отступление от темы было посвящено любимой фразе Алика: «Ударить по пирогам противника».

Она, фраза, как масло легла на хлеб тещиново наставления: «На хлеб, зятек, не обижаются». Поэтому Алик прошел на кухню, а там его взор обрадовали и свежее испеченный кексик, и зимний, его любимый, салатик, и отбивные с картофельным пюре. «Ее мужик видно ничего не может или не ценит. Вот она и старается, чтобы меня не упустить. Любовь. А как жрать-то хочется. Главное не торопиться. Надо дать ей понять, что ценю ее больше, чем еду», – подумал Алик и сказал:

– Я без ума от тебя. Но зачем ты столько наготовила? Устала, наверное?

– Ты ж с работы. Садись, покушай. Сегодня спешить некуда, – ответила Марина, думая: «Везде одно и то же, что в семейной жизни, что в любовной. Вот только муж поест и быстрее завалится спать, а любовнику ужин отработать придется, да так, чтобы я довольна была».

– Давай быстренько перекусим, а то мне скоро домой бежать. Я сейчас вроде как на конференции, но если она закончится за полночь, то подозрений не избежать, – сообщил Алик между жевками, быстро хватая вилкой с тарелок.

Он не любил засиживаться на территории самца, неосознанно враждебного ему: боялся нечаянной встречи. Такие встречи, судя по опыту друзей, не приносили ничего хорошего. Один его знакомый, самбист и бандит в одном лице, в такой момент выпрыгнул из окна, избегая удара топором, а Марина жила высокомерно...

– Не тороп... – начала было Марина, но обеспокоено взлетела с табуретки, словно голубь с усеянной семечками поляны при появлении кошки, и устремилась к входной двери.

Мягко ступая, Алик побежал за ней.

– Что случилось? – еле внятно спросил он и принялся проворно дожевывать.

– В подъезде дверь хлопнула, – ответила Марина. – Молчи. Я его по шагам различаю.

Предсказатели будущего рождаются в критических ситуациях: в кого-то попадает молния, кто-то попадает в автокатастрофу... Прогнозировавший возможную встречу с Мариным мужем, Алик знал, что она будет связана с хлопком двери, и этот мысленно режиссированный фрагмент включил мозговую долю, отвечающую за панический страх. Это было как удар молнией или машиной, но происходило исключительно в голове. Влияние психических сил оказалось настолько сильно, что Алик подсознательно постиг, что Марина спустя мгновение скажет: «Он!!! Быстрее хватай одежду и беги по лестнице наверх!»...

– Он!!! – шепотом взвизгнула Марина. – Быстрее хватай одежду и беги по лестнице наверх.

Алик сорвал с крючка куртку, словно лист с дерева, схватил ботинки, в носках выскочил в тихо распахнутую Мариной дверь и на цыпочках запрыгал по лестнице наверх. За его спиной в глубокой подъездной тишине предательски щелкнул механизм автоматического замка, с сухим треском сломавшейся под ногой разведчика ветки. Пробежав два лестничных пролета, Алик начал быстро одеваться, представляя себе, как глупо он будет выглядеть, если тот, кто идет по подъезду, не муж, а жилец последнего этажа... Звонок раздался ниже и послышался радостный Маринин голос:

– Ой, милый! Ты уже из командировки?

– Привет. Пораньше закончи...

Дверь захлопнулась. Алик бесшумно помчался вниз, чувствуя, как сердце бешено барабанит по внутренней части макушки и предупреждает: «Еще одно такое приключение, я разорвусь на две части, а может и больше». Дверь подъезда распахнулась, и душевная мука почти исчезла, как если одну порцию соли, растворенную в стакане, вылили в кастрюлю и добавили воды. Необъятный объем пространства под открытым небом за дверью подъезда был несопоставим с масштабами Мариной комнаты и даже подъезда. Горечь растворилась в мире. Алик

почувствовал себя очищенным и спасенным. Легкий морозец бодрил, и, перебирая в голове нюансы происшедшего, Алик вдруг сочинил стишок:

Через года, а может, сразу
(Ведь срок зависит от причин,
Над коими совсем не властны
Сердца обеих половин)
Своих любимых начинаем
Мы узнавать и по шагам.
По интонациям гадаем,
Когда их ждем по вечерам
С работы или от знакомых
В беззвучной, скучной пустоте
Жилья без жизни и без новых
Известий, а что есть – не те.
Чужие ходят мимо двери,
Не так печатая шаги.
И нет тому разумной меры:
Желанью видеть дорогих,
Своих людей навек, до смерти...
Вот вновь заговорил подъезд.
Я до последнего не верю,
Что не она. Как надоест
Это засилье посторонних,
В которых лишь издалека
Как будто узнаешь... Но звонят
В квартиру ниже. Не легка
Судьба у тех, кто ожидает
Свою отъемлемую часть.
Покоя нет, хоть понимаем:
Она приедет, ей не пропасть.

Алик проговаривал последнюю фразу, когда, словно жирная точка в конце предложения, в дверном проеме появилось такое же черное от гнева лицо его супруги:

- Где шляешься?
- Все нормально, Розочка. Сама знаешь, работа дурная.
- Хочешь есть – вчерашний рассольник в холодильнике. Разогревай сам. Я сплю.

Сравнив предложенный распроклятый суп с тем, что он недоел у Марины, Алик уклонился от домашнего ужина:

- Милая, у меня от усталости никакого аппетита. Пожалуй, тоже лягу спать.

Алик разделся, бревнышком упал на диван, отвертелся от рыскавших по его телу рук жены, отбрехался от ее привычных упреков и заснул сном ищущего забвения семейного пленника...

Обворожительная и соблазнительная татарочка Роза, на которой Алик женился десять лет назад, казавшихся теперь вечностью, потеряла все прелестные качества. Изящная, словно кошка, желанная и соблазнительная – как давно это было. Алик вспоминал прогулки с нею по темным улицам, освещенным радостно волшебными редкими фонарями. Собственно все в тех встречах было чарующе и пронизано любовью, даже машины, злобно сигналившие им, когда они почти незряче от взаимных чувств и притяжения взоров переходили дорогу. Алик вспоминал, как они бросались друг к другу в лифте, целовались и целовались, пытаясь удовлетво-

рять жажду обладания, жажду, становившуюся только сильнее от продолжительных прогулок, ну совсем как аппетит. Правая рука Алика ползла под Розину кофточку, находила мягкую возбуждающую грудь...

Теперь руки Алика любили совсем другую грудь. Следующим вечером Марина с Аликом между пьянящими поцелуями на мягком диванчике в опустевшей после рабочего дня редакции газеты маленького нефтяного города обсуждали внезапное возвращение рогатого мужа.

– Ты бы видел его глаза, когда он зашел на кухню! Они вздулись до размеров бильярдных шаров, и чуть не повылазили из луз, – говорила Марина. – За таким прекрасным столом, какой я тебе приготовила, он давно не сживал. Хорошо, что ты не из тарелки ел, а то б сразу ревновать начал. Он и так меня пытал: «Кого это ты ждала?»...

– Я тоже буду тебя пытаться, – сказал Алик и ласково потеревил свою подружку за волосы.

– Подожди, сейчас доскажу. Я – ему: «Никого не ждала, решила себе устроить небольшой праздник. Ты не представляешь, как грустно без тебя. Я так рада, что ты приехал раньше». А у самой внутри – прямо извержение вулкана. В общем, докушали мы твой салатик, отбивные, кексик и легли спать. И мне, милый, пришлось проявить в постели чудеса изобретательности, чтобы муж остался доволен.

– Ах, ты изменница! – театрально воскликнул Алик и весело набросился на Марину. – Сейчас ты за это заплатишь...

А еще через день лицо стоявшей за прилавком Марины украшали два аккуратных синяка – по одному под каждым глазом.

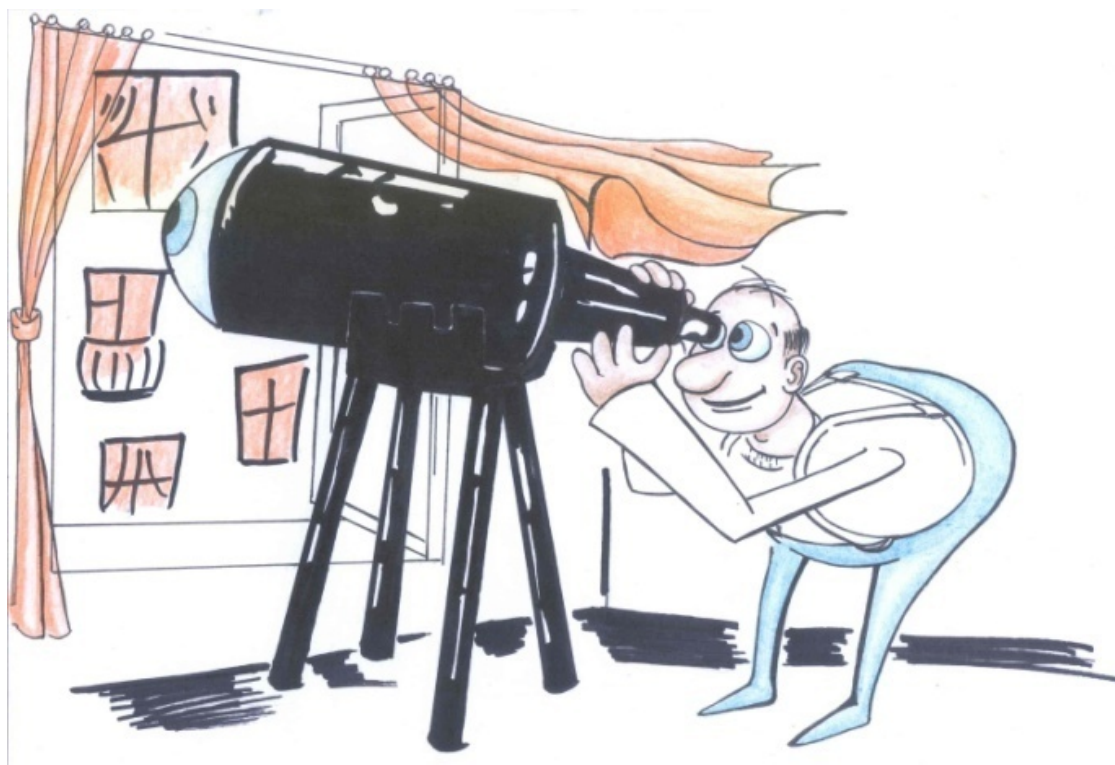
– Марина, что с тобой?! – обеспокоился Алик и был увлечен в подсобку.

– Не знаю, что делать. Развестись с ним, что ли? Вчера, гад, такое учудил! Это я ему не прощу, – со слезами заговорила Марина. – Он, когда я за тобой дверь закрывала, узнал знакомый щелчок замка и понял, что кто-то у нас был. «Другие двери, – говорит, – не хлопали – значит, не соседи к нам заходили. Вниз никто не спустился. Значит, кто-то поднялся выше». Представляешь, какой мерзавец. Связал щелчок замка с необычно хорошим столом и сподличал...

Марина рассказала все, что произошло.

ПРОВОКАЦИЯ

«Не хитрый, только глупый»

Дождавшись подозрительно мечтательную Марину после ее свидания с Аликом в редакции газеты, муж завел провокационный разговор.

– Так кого ты ждала вчера вечером? – сурово спросил он.

– Прекрати, дорогой, это уже не смешно, – ответила Марина и, обдав мужа холодком, промелькнувшим в глазах, скользнула в комнату.

– Хватит врать. Я на время командировки установил в комнате видеокамеру и сейчас, пока тебя не было, просмотрел, что она наснимала. Как тебе не стыдно водить сюда, на диван, где мы любили друг друга, своих ухажеров? – повел игру ва-банк муж, похлопывая по собственному бедру небольшой видеокассетой от любительских камер.

Видеокамеры, конечно, никакой не было. Но Марина об этом не знала. Она мигом припомнила, что ее муж хорошо разбирался в технике, видеоманитофон был, видеокамеру он мог взять у друзей. Нежданное коварство всегда тихого супруга поразило ее в самое сердце. Паника рвала разум на мелкие части. «Да как он посмел вторгнуться в небольшой райский уголок, так чудесно возникший в моей жизни!» – взбешенно кричали мысли, и она вне себя от негодования выплеснула:

– Как ты посмел?!!

– Это ты как посмела? – развивал горячую тему муж, почувствовавший, что попал в точку.

– Да ты сам, сам!!! Вечно в разъездах! Там по бабам ходишь. Что, не так? Тебе можно, а мне нельзя?

– Это твои домыслы, поганка, – ответил супруг, ясно почувствовавший, что его голову украшают шикарные рога.

– Нет, как ты додумался все здесь снимать? – не унималась растерявшаяся Марина. – Где установлена видеокамера?

Марина забегала по комнате в поисках... и примерно через час выскочила из квартиры с недурственными кровоподтеками под глазами. Она направилась к брату, жившему совместно с ее мамой. Жажда мести ножом резала сердце.

«Сам кобелит направо-налево и еще лапы на меня поднимает, – размышляла она. – Ничего, родственник ему задаст»...

Родственник шел к мужу многоюродной сестры, находясь в весьма противоречивых чувствах. С одной стороны, пострадала близкая кровинушка. С другой стороны, несколько лет назад с ним случилась похожая история. Жена изменила с молодым и энергичным кавказцем. Узнал случайно. Хотел развестись, но посмотрел на детей и передумал. Притерпелся. Конечно, синяки под глазами его сестры – это слишком, но, если судить по справедливости, она заслужила. Он нажал на кнопку звонка, не зная, что сказать.

Дверь открылась, за ней появился на первый взгляд ничуть не расстроенный муж, пахнуло жареной картошкой с курицей.

– Проходи, гостем будешь, – пригласил.

Оба мужика прошли на кухню, молча выпили водочки, покушали. Начался разговор.

– Не горячись, не торопись разводиться, – советовал родственник. – Я понимаю тебя прекрасно, сам через это прошел. Все забывается. Сегодня мы с женой живем, будто ничего не было...

Он рассказал по кавказское увлечение подруги жизни и почувствовал на себе удивленный взгляд.

– Чему удивляешься? – спросил родственник. – Женщины одинаковы, желают мужчин и хотят изменить. Не у всех получается. Это высокообразованным да интеллигентным долго искать ухажера по своим высоким претензиям и запросам, а нашим женам, вышедшим из простого народа, лишь бы кобель был хороший. Истину говорю, долго на эту тему думал. Свято место пусто не бывает. Ты мало внимания уделял жене, вот она и нашла себе другого...

– Представляешь, какие козлы?! – возмущенно проговорила Марина. – Даже родные! Спились и сдружились. Прихожу, сидят на диване, обсуждают последний футбол. Хоть бы ты заступился. Боюсь, теперь мы не сможем встречаться. Следить будет...

– За тебя, Маринка, на все... что скажешь, – произнес Алик. – Есть у меня одна мыслишка, как твоего супружника укротить. Скоро Новый год, он точно в ресторан пойдет. Ты с ним ступай и меня пригласи. Там, когда все выпьют, сам черт не разберет, кто с кем. И посмотрим...

В единственном ресторане маленького нефтяного города с ностальгирующим названием «Юность комсомола» посетителям, желающим произнести тост, приходилось обходить столы и кричать в уши гостей пожелания, поскольку музыка гроыхала так, что самые громкие разговоры глохли на расстоянии вытянутой руки. Зал весело бесновался. Елка ритмично мигала китайскими огнями. Официанты, одетые в бело-черное, абсолютно незаметные среди праздной отдыхающей публики, ловко расставляли блюда, прихватывая на обратном пути со столом вполне годные бутылки со спиртным и нетронутые кушанья, поставленные для тех, кто не пришел. В фойе из плотной мглы табачного дыма, словно из небытия, быстро вылетали дамские сумочки по крутой траектории, обусловленной длиной ручек, и тощие кулачки. Это три пьяненькие женщины дрались из-за какого-то лысенького коротышки, гордо стоявшего рядом и наблюдавшего...

Когда веселье достигло той стадии, что стало не важно, кто за каким столом сидит, лишь бы рюмку запрокидывать, Алик, отдохавший в том ресторане за другим столиком, направился к мужу Марины, отмечавшему Новый год совместно с коллективом своей геофизической конторы. Вокруг нефтяного производства водилось много разных организаций. Геофизика была одной из...

Алик пожал кисти мужикам и представился всем, как новый водитель начальника – человек полуреальный, поскольку таковых в организациях порой и не видят. Возят они кого или

не возят – это неизвестно. Известно, что зарплату получают и начальник доволен. И все. Далее выпили, закусили, выпили, закусили... Алик заметил, что движения рук приобрели отчаянную самостоятельность, а дамы стали отчаянно улыбочивыми. У всех раскраснелись щеки, в том числе и у Марины, одаривавшей его излишне откровенными взглядами. Алик понял, что пора, и подсел к ее мужу.

– Сидим за одним столом и все не познакомимся, – начал Алик, поднеся свой рот как можно ближе к ушной раковине Мариного мужа, которую, если бы не полумрак ресторана, можно было принять за фигурную, наполненную черной пылью сгоревшего табака пепельницу. – Меня зовут Алик.

До Алика донеслось:

– Павел. Выпьем...

Они говорили о работе, политике, продажных чиновниках, глупых законах... Чем дольше общались, тем большей симпатией проникался Алик к своему до этого момента не более чем шутивому персонажу. «И чего этим бабам надо? – подумал он. – Нормальный мужик».

Марина танцевала, ожидая, когда произойдет возмездие. Ей мерещился муж, ползающий за ней на коленях по мозаичному ресторанному полу и вымаливающий прощение. И непременно с синяками. Ей снисходили видения, как Алик заходит в их квартиру, а муж, как профессиональный швейцар, снимает с него куртку и аккуратно располагает на деревянных лакированных плечиках. Шапку отряхивает от снега. На кухне прислуживает, а они ужинают при таинственном желтоватом танце огоньков на фитилях свечей, а потом муж встает поблизости с постелью и обмахивает их вспотевшие тела веером. И непременно с фонарями под обоими глазами...

Тем временем Алик с Павлом нашли общее русло для бурного потока беседы, и Алик рассказывал:

– Наткнулся я на поляну, полную зайцев. Косые скакали, как кузнечики. Достал ружье и из обоих стволов залпом дробью. Зайцы попадали, словно карандаши, выпавшие из пенала, а их вожак схватил тушки за уши и потащил к машине. Вот это охота.

– Это разве охота? Помню, небо потемнело от перелетных гусей. Я палил, не переставая, и они падали, словно космические метеоры, и не поверишь – точно в открытый багажник моей машины.

– Ты, Пашка, мой друг навек.

– Алик, взаимно.

– Выпьем...

«Стать другом мужа любовницы – лучшее, о чем можно мечтать. Золотая жила судьбы. Истина действительно в вине», – мысленно восхищался Алик такому исходу диалога...

– А вот и моя жена, – весело сказал Павел. – Познакомься...

– Очень приятно, – ответила Марина.

– Он тоже охотник, как и я, – продолжил Павел. – В ближайшие выходные мы направимся в лес, на глухариную поляну...

С этого времени Марина перестала прислушиваться к шагам мужа на лестнице, а муж появление Алика в своей квартире воспринимал очень даже восторженно. И все были довольны. Кроме жены Алика, конечно.

Роза подозревала неладное давно, но томилась в догадках, пока ее муж вдруг не подарил ей совершенно сумасшедшую по ее понятиям шубу, светло-коричневую, мутоновую, за совершенно сумасшедшие деньги – всю свою зарплату, над которой, к слову сказать, средний нефтяник плакал бы у кассы, а потом спорил с бухгалтерами, доказывая, что не так насчитали.

«Грехи замаливает, сволочь!» – уразумела Роза, но не пересилила восторгов и повисла на мужниной шее. Ее интерес к Алику разыгрался с новой силой, и она стала чаще заглядывать

к нему на работу, причем не предупреждая. Слепая рыбалка дала результат, когда она, резко открыв дверь в кабинет мужа после окончания рабочего дня, застала прямо на столе живой и подвижный бутерброд из Марины и Алика.

В снежки Роза не играла давно, поэтому тяжелый металлический дырокол пролетел выше парочки и угодил точно в экран монитора. Тот взорвался с хлопком, похожим на выстрел стартового пистолета, и любовники моментально сорвались с места. Пока они метались и одевались, Роза, как бульдозер, прокатилась по кабинету и снесла на пол все, что не прочно лежало на полках и столе...

Скандал пронесся, как краткий кошмарный сон, потом еще один, и еще. Чтобы отвратить Алика от любовницы, Роза обратилась к бабке-знахарке.

– Есть стародавний рецепт. Он мне достался в наследство от моей бабки, – рассказывала знахарка. – Надо взять кал черной собаки и им понемногу подкармливать мужа, добавляя в пищу. Средство верное, проверенное.

Подходящего пса Роза искала долго, выпрашивала у знакомых и нашла. Алик после беспокойных ночей, проведенных не на диване рядом с супругой, а на полу, ел, почти не ощущая вкуса, и действительно стал чаще и дольше бывать дома. Происходило это по причине расстройства пищеварения и пронзительной диареи, но Роза не замечала данного унитазного обстоятельства. Тогда забеспокоилась Марина. Причем так сильно, что стала по факсу слать на работу Розе любовные письма ее мужа, адресованные естественно, ей – Марине:

Ты лишь взглянула, вмиг потерял
Был опыт, разум и покой.
Мир снова нотами измерен,
Затянут лирикой и мглой.
Вся жизнь во взгляде и ладонях,
Сердечным манящих теплом,
А ты смеялась, уводила
В свой, в общем-то, безумный дом.
А я, как маленький мальчишка,
Упал на дно рассудка и
Стал странным, сумасшедшим слишком,
Как будто мне не тридцать три.
Любовь – болезнь, подобна ране.
Случилось что-то в голове.
Ну, а теперь я у дивана
И размышляю о вине...

Роза нервничала и все больше кала черной собаки добавляла в супы и котлеты, которые скармливала Алику. Тот уже и на работу не хотел ходить, чтобы не оказаться хоть на минуту вдали от туалета, но Роза расценивала это обстоятельство как то, что он хотел побыть с ней, со своей женой. По ночам в квартире Алика и Розы гремели внезапные дверные звонки. Роза думала, что звонит Марина, и потому не открывала и не подходила к двери. Алик не подходил к двери, потому что думал: с работы ищут, чтобы задание дать, вроде ночного рейда с милицией. Но дело было в другом...

НА БЕЗРЫБЬЕ

«Сфинкса и народ объединяют безмолвие и используемость»

Инстинкт гнал Сфинкса домой. Следом за Сфинксом, заботливо привязанный собутыльником к поводку, тащился пьяный до беспометства Колюн, молодой такой мужичушка. Его походка напоминала заплетающийся бег финиширующего марафонца. Его запах перебивал Сфинксу все запахи следов, поэтому пес наугад заходил в подъезды и тащил спотыкающегося хозяина то вверх, то вниз по ступеням, а тот инстинктивно тыкал во все попадавшиеся под указательный перст кнопки... Было полночь.

Колюн в беспамятстве продолжал выпивать с дружкой, каждое подергивание поводка принимал за предложение пропустить очередную стопку и беспрестанно неразборчиво бормотал:

– Ну ешо по пятьдесят за здоровье. Будет здоровье, а все остальное приложится.

По пути он прикладывался об углы и косяки, рисковал, что ему приложат хозяйева... но сердечность российская к пьяницам спасала. Хотя и сам Колюн был не из черствых. Когда он постучал в один из вечно открытых почтовых ящичков и понял, что это не его квартира, то громко прокричал:

– Что же вы, дурни, дверь на ночь не запираете?

Дверь в свою квартиру, расположенную справа на лестничной площадке, Колюн находил регулярно и каждый раз по одному и тому же признаку. Его било током из углубления раскуроченного звонка. Тогда видение дружка с рюмкой пропадало, и он, как подводник через расстроенный фокус перископа, наблюдал реалии мира: железную дверь, крашенную в черное, с облупившимися местами, напоминавшими оттиски кулака, нестираемые отпечатки подошв, следы собачьих когтей.

За этой дверью, вспомнил Колюн, находилась его не приученная к семейной жизни супружница. Сфинкс по обыкновению прижался к стене.

Первые удары Колюну показались вполне вежливыми и тихими. Он нанес их ребром ладони в разработанную на двери вмятину. И так три раза подряд – на счастье. Витавшая в чистых девственных снах, имеющая высшее образование, почти красавица жена, Фекла, упала с кровати, пытаясь увернуться от невесть откуда взявшегося в ее сне молота. Она проснулась и присела ошарашенная...

Колюн, не слыша торопливых шагов за дверью, занервничал: «Надо же дура, опять спит. Никакого толку от ее высшего образования. Видать, от него глупеют. Нет чтобы, как порядочная, ждать мужа и открывать по первому стуку. Обязательно повторить требуется». Он размахнулся и бросился с кулаками на железную дверь. В удары он вложил всю инерцию пьяного тела, потащившего за собой Сфинкса. Сфинкс упирался, как мог, и в конце концов ему удалось вернуть хозяина на прежнее место. Тогда Колюн опять бросился на дверь. И опять Сфинкс, натужно визжа и скребя когтями по коричневым, залепленным жевательной резинкой плиткам, оттаскивал его назад. Эта привычная для Сфинкса операция всегда травмировала его собачью душу, но была частью службы.

«Колюн пришел. Пьяный в стельку. Собака...» – поняла Фекла. Инстинкт защищал сердце, посылая ее к двери открыть мужу. Но Фекла традиционно повременила. Она устала от пьяных выходов Колюна, когда тот то ползал на четвереньках, подражая Сфинксу, но не лаял, а посылал кого-то невидимого на три буквы с безумной улыбкой на лице, то хватал топор и рубил табуретки на дрова, то, спасаясь от незримых преследователей, бегал по квартире, порывался прыгнуть с балкона...

Каждый раз, слыша мужнины удары, она мечтала о разводе и плодила в своей голове мстительные мысли: «Побейся, побейся, дорогой. Может, поумнеешь. Фиг тебе мягкая постель. Сегодня точно останешься в подъезде на ковричке». Фекла улеглась на кровать, подрагивая от ударов, и, чтобы успокоиться, начала их считать, как баранов, надеясь заснуть, но при мысли о баранах в ее голове неизменно возникал раздражающий образ Колюна.

Тем временем система Колюн – Сфинкс достигла своей максимальной амплитуды, такой, что с полочки для шляп стали слетать Колюновы вязанки, к собирательству которых он имел тайную склонность, каждый раз возвращаясь в новой. Эта необъяснимая тяга в данный момент сыграла добрую роль, поскольку рухнувшая со стены полка приземлилась мягко, почти неслышно для Феклы, которой куда громче показался еле внятный крик из-за двери:

– Открывай, негодная баба! Сейчас косяки вышибу!

Но Фекла знала мастеров, установивших дверь, и знала, что они сработали на совесть, а в это время Колюн, который по дому никогда ничего не делал, видя, что из-под косяков сыплется известка, в бессилии своего невежества обрел новую надежду и силу.

«Третий раз женюсь и все долотом по граниту. Дверь-то вот-вот рухнет. Что за баба? Как прорвусь, поддам, воспитаю. Хорошие, как я, мужики теперь редкость. А таких, как она, – как водки. Ничего не соображает», – так подумал Колюн и начал резво переминаясь с ноги на ногу. Сфинкс, поняв намерение хозяина, тут же спустился на одну ступеньку вниз, чтобы максимально ослабить поводок и не мешать. Колюн коротко разбежался и, резко выставив подошву вперед, врезался в дверь. В его душе приятно потеплело от сходства с мастерами боевых искусств. Сталь чуть отпружинила. Колюна понесло назад, и он бы упал, если бы не поводок. Сфинкс напрягся и удержал хозяина, который тут же опять ринулся на приступ своего жилья, сопровождаемый внимательным понимающим взглядом собаки...

Фекла ощутила усиление приступов Колюна. «Ногами обрабатывает», – осмыслила она и перестала считать удары.

– И-и-и-я!!! – раздавалось за дверью.

«Пора прекращать. Утром на развод. Что за козел?! Говорила подружка, пожившая с ним в гражданском браке да изгнавшая, что намучаюсь. Права оказалась. Что ему надо? Родители мои квартиру сделали, деньги я зарабатываю, не сижу на шее. Неблагодарная свинья...» Вдруг удары стихли.

Колюн тускло смотрел на дверь. «Бес с тобой. Пусть тебе стыдно будет. На плитках заки-марю», – поразмыслил он и свернулся на коврик в позе зародыша. Сфинкс, поняв, что пришла его очередь, спустился с лестницы, приблизился к черной двери и принялся царапать ее когтями. Скрежет отозвался в душе Феклы грустью: «Если с ним развестись, то что дальше делать? Беда в этих нефтяных городах: все приличные парни уезжают, заканчивают институты, университеты и находят работу на земле, а девчонки чаще возвращаются к родителям. Вот и получается, что каждый более-менее смазливый пьяница чувствует себя здесь принцем на выданье, розой среди ромашек. Разведусь с ним, а где гарантия, что другой будет лучше? Все они одинаковы. Пока ухаживают, ласковые и милые, а как получают, что надо, так...»

Тут Сфинкс завыл и, как добрый друг, привалился к Колюну. Колюн занервничал, ему пригрезилось, что из машины с сиреной выскочили какие-то коты, забрались в квартиру, вылакали всю водку, как валерьянку, и давай тереться об него, Колюна, приговаривая: «Что, мышшь серая, добежался?»

На Феклу от воя нахлынула совсем уж унылая тоска: «Опять уснул на плитках. Как бы не простудился. Сфинкс знак подает. Пойду открою». Черная дверь открылась с мурашкопорождающим скрежетом... Колюн резко подскочил, вперился взглядом в Феклу и, потрясая отбитыми кулаками, крикнул:

– Я вам, кошки, сейчас покажу, на что способны Микки-Маусы!

Фекла осознала, что опять придется остаток ночи увертываться от мужниных нападков, но закрыть дверь не успела, Сфинкс рванул поводок и увлек Колюна в квартиру...

Любовные приключения яркие, но не они занимают большую часть времени, отпущенного на жизнь. Сон и работа – вот главные вынужденные занятия. Типография находилась в соседнем городе, в ста двадцати километрах. Автобусы разные, но ухабы на дороге одни и те же. Трясло до головной боли. И так три раза в неделю, благо что в соседнем городе хоть продукты можно было купить, например: маринованные импортные огурчики или грейпфрутовый сок, а иной раз – мороженое! В общем, царила скуотища, разрезаемая, как молниями, редкими забавными событиями.

Как-то попался аварийный автобус. Он громоподобно палил выхлопной трубой и затягивал собственные газы в салон через разрывы в кузове. Они залетали сизыми тучами, неся с

собой отвратительный запах. Глаза щипало так, что приходилось, несмотря на крепкий мороз, приоткрывать отдушину на крыше. Закрывали ее, только чтобы согреться. Не то, чтобы веселое событие, но запоминающееся, а вот еще одно.

Водители нанимаемых редакцией автобусов в полупустой салон по привычке пускали попутных пассажиров. Не по доброте душевной. Каждый попутчик вкладывал в водительскую ладонь денежку по тарифу.

– Как-то не по-человечески получается, – возмутился как-то Алик.

– Что не по-человечески? – переспросил водитель.

– Ты с пассажиров деньги берешь, а с нами не делишься.

– С какой стати?

– А с той стати, что автобус арендован редакцией, – ответил Алик и тут же предложил. – Давай пятьдесят на пятьдесят?

Водитель отдал половину выручки, и так повелось...

После собачьих лекарств от любви работа опять заполнила всю жизнь Алика без остатка, как было до того, когда его рабочие бумаги попали под воду из чайника, но Роза теперь не возмущалась. Она радовалась тому, что муж не встречается с Мариной, по крайней мере именно так ей казалось. В какое бы время Роза не заглядывала в редакцию, Алик всегда был при делах и, если в окружении женщин, которых с ним работало слишком много (неизбежное зло, от которого Роза не могла избавиться), то без всяких романтических отношений.

Даже самый великий праздник, еще остававшийся праздником, День Великой октябрьской революции, Алик отмечал, фальцуя газету.

Слово «фальцовка» ничего не говорит читателю газеты, который привык раскрывать многостраничную газету, не вдаваясь в размышления по поводу того, как газетные листы оказываются в газете в порядке страниц. В солидных типографиях эту операцию делает печатный станок или специальная машина. В редакции газеты маленького нефтяного города, где помещения должны, по логике, с трудом вмещать все имеющееся оборудование из-за кажущегося переизбытка нефтяных денег, складку листов выполняли вручную. Вначале листы перегибали, как свертывается пополам денежная купюра, потом вбрасывали друг в друга.

Куда уходили нефтяные деньги? – этим вопросом время от времени задавался каждый житель маленького нефтяного города. Ответов было много, но главных – два. Первый – в бездонный амбар государственной казны с центром в Москве, куда если попало, то никому не достанется. Второй – в безразмерные карманы главных лиц «Сибирьнефтегаза», т.е. «СНГ». Жителям маленького нефтяного города денег перепало относительно немного. Конечно, побольше, чем в теплых обжитых краях, но не равноценно потерянному на Крайнем Севере здоровью и долголетию. В общем, зарплата была такова, что Алик не чурался подрабатывать за самую маленькую доплату, какую давали за фальцовку.

Фальцовка – работа дурная. Через несколько часов Алик чувствовал себя опустошенным и оупевшим. Только пиво или водка помогали завершить тираж, иногда – Роза, приходившая проверить, чем занимается муж. К финалу фальцовки Алик обычно покачивался от усталости и опьянения, размышляя, что все беды от забывчивости: оттого, что забываются детские мечты. Это понимание позволило передать под авторство Жени Рифмоплетова следующий стих:

Не думайте, что склонность странно мыслить
Не изменяется в течение всей жизни.
Она зависима от очень тонкой меры
Между работой элементов тела
И высших составляющих эфира,
Цена которым – половина мира.
Как сохранить пропорцию стабильной
И силам разрушенья непосильной?

На то дана свобода нам как средство,
И чудеса... и ощущение детства.

Колдобистая дорога, фальцовка до умопомрачения, как неприятные на вкус удобрения на плодоносящие поля, падали на душу Алика, и из этой души что-то произрастало в присутствии общественной необходимости данного интеллектуально-растительного продукта. Кто-то в добавочном к «интеллектуально» слову «растительного» увидит намек на недеятельное «растение» или, того хуже, «овощ» как повод для соотнесения состояния Алика с состоянием душевнобольных людей, и в чем-то будет прав. Но не в том смысле, что Алик стал недееспособен и принялся ходить под себя, а в том смысле, что он стал игнорировать многие суетные радости бытия, как, например, посещение увеселительных мероприятий или ежедневный покер. Он даже отказывался от желудочно-телесных, имущественно-денежных радостей в пользу увлекательной работы над текстами, будь то стихотворение, журналистская статья или художественная проза.

Мало того, что он много работал, он был явно талантливым человеком, умел видеть в обычном – необычное, в привычном – особенное. Очень быстро он стал известным журналистом в маленьком нефтяном городе, фамилию которого читатели искали в свежей газете в первую очередь и, если не находили, то со вздохом разочарования отправляли газету в помойное ведро. Хотя что такое известность среди нескольких тысяч человек, даже среди нескольких

десятков тысяч, в мире, где живут миллионы, миллиарды? Ничто! Но когда Алик задумывался над этим, то неизменно приходил к одному и тому же выводу: данная известность, пожалуй, ничуть не меньше, чем известность Шекспира в шекспировское время. Поэтому надо благодарить судьбу, что тебя хоть кто-то любит и, что самое главное, читает. Поэтому свои маленькие триумфы в маленьком нефтяном городе Алик воспринимал восторженно. Хотя не обходилось без казусов.

В маленьком нефтяном городе в честь десятилетия был объявлен конкурс на лучшее стихотворение, посвященное городу. Алик, как мы знаем, пописывал стихи и осмелился попытаться счастья. Он стоял на одном из немногих незастекленном балконе своей квартиры в мощном овчинном тулупе и рыжей собачьей шапке и смотрел на ночные дома, горящие прямоугольники окон. И тут ему пришли на ум строки:

Вот и вырос северный город
Среди сосен, ветров и болот,
Как мальчишка, он весел и молод,
По мужицки работой живет.

Нефть выходит незримой рекою
Из промерзшего тела земли,
И чудесно горят над тайгою
Не огни факелов..., а зари!

Первозданная радость рожденья
Не угаснет в крови тех, кто смел.
Стройка здесь – это адское зелье:
Тяжкий труд и стихии удел.

Через пот, через грязь, через маты,
Ненадежную почву болот
Пролегают дорожки до кладов
Крайних северных – крепких широт!

Это была смесь эмоций, знаний и того состояния, когда говорят: понесло. Многие поэты утверждают, что им кто-то нашептывает слова. Алик ничего подобного не испытывал. Он сочинял, как изобретал, с желанием сказать точно и ново... Он выиграл конкурс, но волею судьбы, словно в отместку от проигравших поэтов маленького нефтяного города, в особенности от тех, кто слышит слова, получил в подарок голубой женский зонтик. Алик слегка обиделся, поменял зонтик на часы и забыл. Все ж основным его призванием была журналистика, расследования...

БУЛОЧНИК

«Святое – хлеб, но не булочник»

«...У граждан города увеличивается количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Вооружаются все. Появился ряд частных охранных предприятий. Многие руководители города, игнорируя возможности служб ГОВД, прибегают к услугам частных охранных формирований. Всем в городе известно, что в настоящее время следственным отделением расследуется уголовное дело по обвинению лиц в совершении ряда преступлений так называемой группы «спортсмены». Арестованы руководители группы Богомолов, Кистеров, Коркешко, Шустов и другие. Приходится только удивляться, как успевал Кистеров П. В. справляться со своими обязанностями, работая одновременно инспектором службы безопасности НГДУ, инспектором службы безопасности «Альфа», маляром-строителем 3 разряда. Имеют место

недоработки со стороны муниципальной милиции – все эти лица имели разрешения на огнестрельное оружие.

Сколько в городе совершается должностных преступлений, непорядок в документации, злоупотребления, халатность, – а кого за это наказывают? Единицы. Я считаю, что прокуратура нашего города не осуществляет влияния на предприятия, организации города. Нарушают законодательство руководители. Видя, что все им сходит с рук, не преминет рискнуть и простой рабочий. Происходит разложение морали...»

Алик обедал и читал газету маленького нефтяного города, которую он называл своей, но едва отложил ее в сторону, как заметил, что от откушенного им хлеба тянутся белесые волокна, похожие на нити паутины.

«Заплесневел, – подумал. – Не страшно. Из плесени пенициллин мастрячат – лечебно».

Он взял хлебный мякиш, раскатал и удивился тому, что тот податлив, как пластилин, а волокна тянутся и липнут. Тогда он схватил буханку и принялся ее внимательно разглядывать.

– Точно хлеб – всему голова! – ругнулся. – Только такой серый, непропеченный, порченный хлеб и может служить головой тому, что происходит вокруг...

На хлебозаводе Алика удивительно тепло встретил главный пекарь Коновалов, сравнительно высокий лысоватый человечек в белом халате. «Словно врач», – подумал Алик и показал подозрительную буханку. Коновалов не побледнел, а радушно предложил чаю со свежими булочками, аппетитно золотившимися за стеклянными дверцами шкафа. За чаем он разговорился о хлебе, легко, как о пустяковине, не стоящей крошек, рассыпанных по обеденному столу:

– Произошел случай заболевания хлеба картофельной болезнью. У пораженного хлеба запах мякиша гнилостный или пресновато-сладкий. Хлеб начинает портиться с сердцевины. Его нельзя хранить более суток, он не подлежит переработке, а только утилизации и желателно вместе с пакетом, в котором находился. Приобретать его впрок не надо, берите ровно столько, сколько съедите за день. Если хлеб остался, то его лучше выбросить. При употреблении хлеба, зараженного картофельной болезнью, могут появиться признаки пищевого отравления. Умереть, конечно, никто не умрет. Но это проблема не только нашего города, но и всего региона. Болезнь приходит вместе с мукой...

Алик вышел на улицу, пребывая в замешательстве. Убогие деревянные двухэтажки незнающе скрипели на другой стороне переметенной снегом дороги. Они как будто спрашивали Алика: «Что там? Что там?» Алик задумчиво пошел в редакционную квартиру, пробиваясь сквозь плотные сугробы.

Людей травили молчком, массово и равнодушно. Алик ощутил себя зрителем, заглянувшим не вовремя за занавес. До этого случая он и не догадывался, по какому сценарию ставится пьеса жизни. Оказывается, и сценария-то нет, и артисты играют целиком для себя. Он изучил переписку Коновалова с начальником санэпидемслужбы, Главой администрации маленького нефтяного городка, начальниками нефтяных предприятий, начальником отдела рабочего снабжения, директором нефтяного торгового предприятия... Все бумаги любезно предоставил Коновалов. Газеты тогда не боялись, срабатывала инерция времени непуганых и исполнительных чиновников.

Получалось, что о хлебной болезни оповестили всех высших руководителей маленького нефтяного города, а о рядовых жителях города забыли...

Хлебная статья получалась любопытной, а тут еще и подоспела помощь свыше: понос прохватил сотрудницу городской администрации, после того как она откушала большого хлебца. Алик в это время был в санитарной службе города. Нелестные отзывы пострадавшей чиновницы разлетались из телефонной трубки далеко по коридору и оставили у санитаров глубокое впечатление. Быстро возникли мероприятия по предупреждению картофельной болезни хлеба. Через семь лет работы хлебозавода всего за полтора дня был найден и установлен тер-

мостат, куплена стиральная машина для стирки рабочей одежды, началась работа над проектом приточно-вытяжной вентиляции, так как резкое охлаждение горячего хлеба – это очень важный прием борьбы с картофельной болезнью.

«К сожалению, эти мероприятия запоздали. Руководство хлебозавода идет на компромисс с болезнью. Здоровая мука смешивается с остатками больной и используется в производстве. Хлеб после выпечки еще не достаточно охлаждается. Об обработке цепи складов, где хранилась зараженная мука, остается только мечтать», – писал Алик в статье.

Вызвало еще большее удивление то, что все понимали опасность и каждый участник этой истории, из чиновников, мог дать массу полезных советов и пояснений. Санитарный врач Нашаров, убежденный жизнелюб маленького нефтяного города, взволнованно вещал:

– Болеет картофельной болезнью только белый хлеб. Продавцы, чтобы вчерашний хлеб не потерял внешнюю свежесть, заворачивают его в полиэтиленовые пакеты и создают таким образом удобную для картофельной палочки среду...

Но то, что санитарный врач об этом говорил, не значило, что в магазинах не продавали вчерашний хлеб именно в полиэтиленовых пакетах. Его продавали, совершенно не таясь!

– Такой муки получено двадцать тонн, восемь тонн пошло в производство. Осталось более десяти тонн зараженной муки, – объяснял Нашаров, – но мы не знаем, где он...

«И то верно: куда делась зараженная картофельной палочкой мука? – размышлял Алик. – Санитарный врач разводил в стороны руками. Кто должен отвечать за качество продуктов? Он (!), а он языком воздух гоняет. Дела нужны, а дел нет. Вот он террорист – картофельная палочка. Бери и вяжи ее, пока шевелится. Так нет, чиновники бумагами прикрылись, и на все есть ответ. Дел только нет».

Рассерженный такой ситуацией Алик обратился в контору снабженцев маленького нефтяного городка. Она занимала первый этаж пятиэтажного дома, но, внешне серая, имела внутри увешанных золотыми украшениями женщин из числа управленцев. На месте оказалась заместитель начальника госпожа Рубинская, внешне похожая на бройлерную курицу. Алик изложил вопрос без предначальственных реверансов. Рубинская изобразила непонимание. Алик положил на стол копию приказа «О мерах по предупреждению массовых заболеваний среди населения города, связанных с хлебом», ею же самой и подписанный.

– Ох, забыла, – выдохнула Рубинская. – Принесите документы на две партии зараженной муки.

– Как она сюда попала? – спросил Алик, не дожидаясь, когда принесут бумаги.

– Она частый гость в нашем городе, – обрадовала, – потому что ее доставка обходится дешевле, чем из других районов.

Появились документы на всю муку, завезенную в маленький нефтяной город. Алик с первого взгляда увидел отличие между документами на здоровую муку и больную: на первых стояла особая отметка об отсутствии картофельной болезни при проверке в течение суток, а на вторых таких отметок не было.

– Вы что специально ее завезли? – полез на рожон Алик.

Рубинская молчала и краснела.

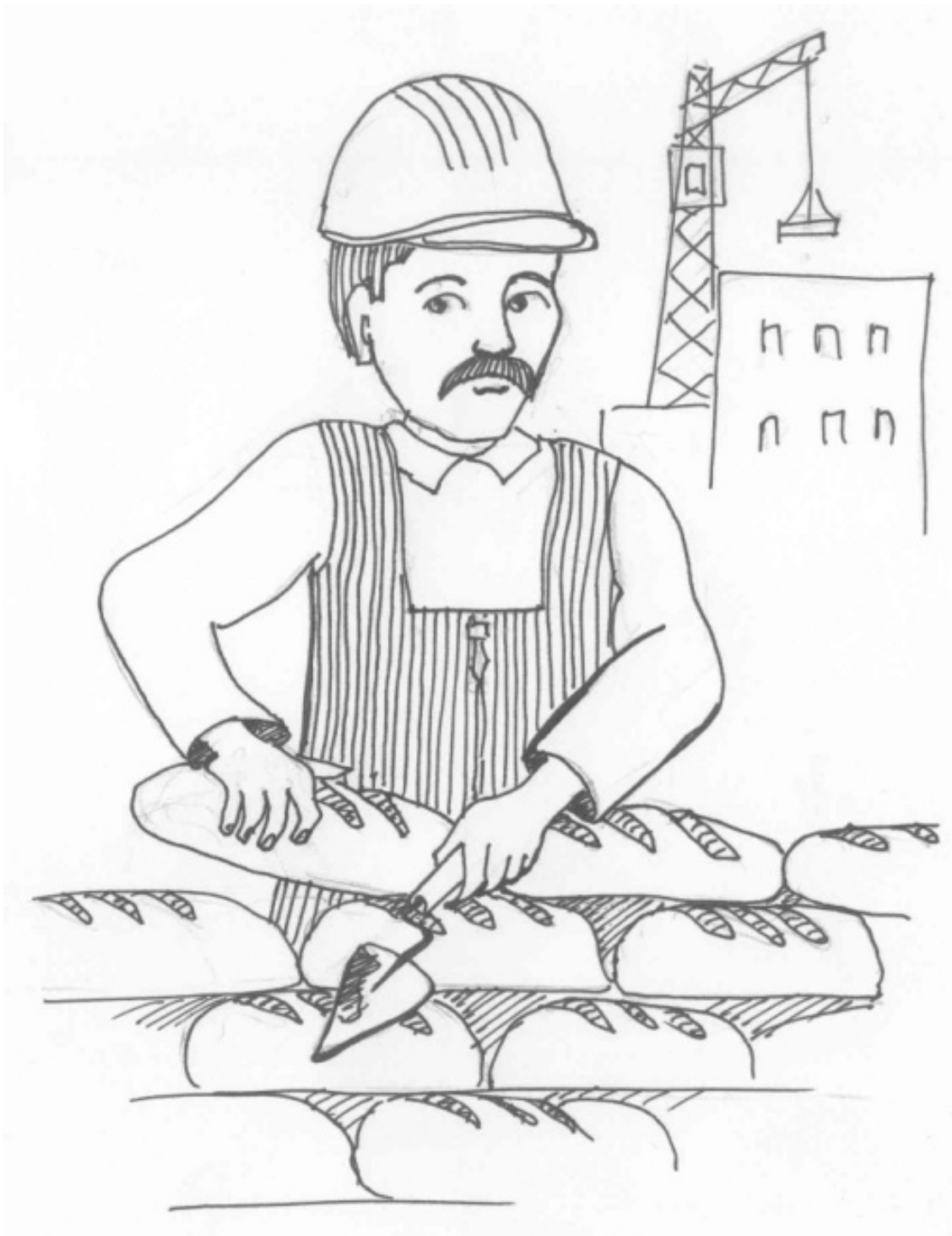
– Вы ж профессионалы, как выглядит качественное удостоверение на муку, обязаны знать, – усиливал напор Алик. – Где больная мука?

– На складе, – ответила Рубинская.

На старом УАЗе Алик с Рубинской проехали на территорию базы, и он увидел то, что показали. А что еще может увидеть журналист, если не будет смотреть по сторонам? Алик увидел склад и единственное, что в нем лежало, – сваленные в кучу мешки с зараженной мукой. Все восемь тонн.

– Эту муку мы сейчас пытаемся отправить поставщику, – объяснила Рубинская.

Вот такая история приключилась в маленьком нефтяном городе. Коновалов и заведующая лабораторией хлебозавода отделались легким испугом и несерьезными штрафами. Остальные никакой ответственности не понесли, хотя недоброкачественный хлеб – это как раз тот продукт, которым в короткое время можно отравить весь город.

Алик закончил статью, сел почитать, о чем пишут коллеги из соседнего города. Его поразило интересное заявление: «...некоторые партии муки, которую использует городской хлебозавод для выпечки хлеба, поражены картофельной болезнью, которая, впрочем, неопасна для здоровья человека. Хлеб, испеченный из такой муки, подлежит возврату в магазин и замене на качественную продукцию...»

«Занимательное сочетание: заменить неопасный хлеб на качественную продукцию, – размышлял он. – Все-таки сучья у нас профессия. Коллеги вместо того, чтобы разобраться в проблеме и помочь людям, просто гонят строки, и не важно о чем – лишь бы спокойнее чувствовать себя и деньги исправно получать. Видимо, кто-то пытается через газету представить произошедшее ерундой. В такой постановке вопроса напрямую заинтересованы снабженцы и хлебозавод. Но раз такое заявление прозвучало публично, то, значит, картофельная болезнь поселилась здесь на–долго. Чиновники схожи с болотом, любая идея, пусть даже самая хорошая, кинутая им, теряется безвозвратно. И только устрашающее насилие или тонко взвешенная дипломатичность, или деньги дают возможность пройти по этой территории, причем в любую сторону, хоть в плохую, хоть в хорошую. Тогда болото безопасно и безмолвно, и только неприглядные пузыри одобрения будут лопаться на его поверхности».

Мир изменить не удалось. На статью не поступило ни одного отклика. У трепетного артиста после концерта без единого хлопка возникла бы длительная мигрень. Касательно явно важной для города статьи создавалось ощущение, что никого из жителей маленького нефтяного города не волновало, что их травили большим хлебом. Впору рвать волосы: получалось, что вся статья – выстрел вхолостую по несуществующему врагу. Но наш герой был оптимистом. Читательское, да и вообще людское безмолвие поначалу не угнетало Алика. Он думал, что это временное явление. Он радовался, что на хлебную статью и ругани не было, и пьяные не прибежали. Он радовался мелочам, позволявшим лучше познать мир, и написал по этому поводу:

Жизнь скучна без пустяков:

Без простуд от сквозняков,

Без размолвок и разлук,

Без пустых душевных мук,

Без покупок и утрат,

Без авансов и зарплат.

Без встреч с магом – пустяком

Мир не стал бы нам знаком,

Ведь зачаты все пока

В результате пустяка.

Статья о хлебе быстро забылась, буквально на следующую неделю, когда в газете появилось маленькое объявление: «Более ста миллионов рублей ущерба – таков результат кражи меховых изделий со склада». По городу, словно гонимые ветром обрывки бумажных упаковок, зашелестели слухи, что это дело рук охранников из охранного предприятия «Лидер» и самого начальника конторы снабженцев, но в тюрьму опять никого не посадили.

РЖАВАЯ, НО ВКУСНАЯ

«Двуличие и сговор – вот на чем держится мир чиновников»

Путь к сердцу журналистики для Алика лежал через желудок и другие насущные житейские проблемы. Очередным вдохновляющим предметом стала банка консервированной салаки в томатном соусе. Почему ему захотелось именно этой рыбки, не будем допытываться, видимо, так задумало провидение.

Придя в пустой полуденный дом, Алик отварил картошечки и пристроил консервный ключ к похожей на хоккейную шайбу банке с салакой. Его слегка насторожило осторожное «пшик», вылетевшее из дырки, проделанной в банке, но он счел звук игрой голодного воображения. Уплетая картошку с салакой в томатном соусе, он мысленно благодарил создателя консервов за предоставленную человечеству возможность спокойно жить в неурожайные годы.

Трапеза завершалась, желудок наполнялся сытым теплом, показалось дно банки, и тут Алик разглядел под тонким слоем томатного соуса пятна окисления. Мысли зашевелились. Ему вспомнились родительские предостережения относительно опасности ржавых консервов и смертельные случаи отравлений. Ждать, что будет дальше, Алик не стал. Он налил в стакан воды, насыпал ложку соды и с этой взрывоопасной смесью пошел в туалет...

Усталый и посеревший после выпивона с главным медицинским врачом маленького нефтяного города, санитарный врач Нашаров посерел еще больше, увидев банку, оцетинившуюся порванными ножом краями.

– Они должны снять ее с продажи, основываясь на обычной товароведческой экспертизе, – раздраженно объяснил он, недовольно морщась. – Мы не нужны, если банка ржавая, если повреждена, либо внутреннее давление...

– Давило и еще как, брызги вылетели, – поддакнул Алик. – А ржавчина как напугала! Вот падлы, что продают.

Нашаров протянул банку Алику, показывая, что разговор закончен.

– А как же салака? – недоумевающе спросил Алик.

– Я сказал, наши сотрудники здесь не нужны...

– Но как снять с продажи эти консервы? – агрессивно спросил Алик. – Кто меня слушает? Дайте мне кого-нибудь в помощь...

На следующий день пухленькая помощница санитарного врача вместе с Аликом посетила магазин. Салака лежала на месте. Открыли банку наугад. Пятна окисления темнели трупными пятнами. Партию салаки в томатном соусе убрали с прилавка, несколько банок пухленькая санитарка положила в сумочку.

– На исследования, – доложила она...

Через десять дней протоколы исследований возвестили, что консервы в полном порядке. Резюме было следующим: «Жестяная банка со вздутием (хлопуша). На внутренней поверхности крышки и дна наличие темных пятен (коррозии). Вкус приятный... Запах – приятный... Консистенция мяса – сочная...»

Ржавая салака в томатном соусе снова возникла на прилавке.

«...здец, нажрались консервов, запили водкой и привет», – заключил Алик, написал, опубликовал, ничего не изменилось. Непонимание ситуации возросло многократно, когда он прочитал полученное по тайным каналам, имеющимся у каждого настоящего журналиста, служебное письмо Нашарова Главе маленького нефтяного города. В нем сообщалось, что из-за отсутствия оборудования, а главное средств на его приобретение в городе не проводится экспертиза продовольственного сырья и продуктов питания, не проводятся исследования атмосферного воздуха, шума, вибрации, не в полном объеме проводится исследование воды.

Алик почувствовал вакуум общения. Организм требовал лексической разгрузки с прилавками чувственного понимания, а он нигде не мог этого получить. На работе требовали статей, Роза жаждала обладания им и денег, знакомые могли предложить распить бутылочку. А понимание!? И тут, несмотря на лекарственные народные средства от черного пса, он вспомнил о Марине. Позвонил, встретились под прикрытием фальцовки. Марина! Как бы он без нее жил. Любящая женщина исцеляет уже своими ушами, в которые вливается ненасытная мужская гордыня...

– Как они провели исследования, если у них нет оборудования? – вопрошал Алик. – Как пропастина оказалась на прилавке, если главный санитарный врач утверждал...

– Ты же сам все понимаешь. Что дураком притворяешься? Не кипятись, – ответила приятная и, как оказалось, мудрая женщина. – Знаешь, зачем идут на санитарные факультеты? Чтобы честно работать за зарплату? Нет, конечно. Туда идут, чтобы сытыми быть. Подношения всякие, взяточки за разрешение на торговлю. На это рассчитывают уже при поступлении в

институт. Какие исследования!? Взяли и съели твои консервы, да договорились с директором. Вот и все.

– Как не кипятиться, Марина? Скоро в этой стране ничего не съешь без опасности. Раковых больных станет, как поганок на дурной поляне, а мне и тебе здесь жить...

С этого момента Марина стала не просто любимой Алика, а самой любимой, его исповедницей и советчицей, помощницей в борьбе со злом, по крайней мере, с тем злом, которое Алик считал таковым.

АКЦЕПТОР

«Север – это то место, где принято искать доверчивых простаков».

Анастасия ехала на Север зарабатывать на доверчивости простаков, и это не казалось чрезмерной задачей, поскольку среди ягеля и оленей в далеком от Москвы таежном городе, по ее мнению, должны были проживать анекдотичные глупенькие чукчи только с глазами на европейский манер. «Тьма тараканья, – размышляла она, трясаясь в вагоне поезда, а затем на сиденье автобуса. – Уж в этих местах-то я поживлюсь, все ж не зря поработала в науке, в северной столице».

Волчьи ямы налоговой инспекции маленького нефтяного городка она обошла быстро, дала, сколько надо и как надо, чтобы дело не стопорилось. Финансовые девчонки для нее были везде одинаковы, хоть напыщенные глупышки, но до денег, как куры до зерна. Человека дающего чувствовали интуитивно, а как наклеывались, не замечали...

Вид у северной гостьи был самый пройдошливый. Окончила она факультет психологии университета и спекулировала на желании познать тайное. Как квалифицированный специалист в области человеческого общения, имела знания, чтобы разложить любого по косточкам, как по внешнему виду и поведению, так и по серии тестов – вопросов. Однако Анастасия везла с собой прибор...

– Я приехала к вам от имени и по поручению международной академии наук и международного объединения «Акцептор». Вы видите в моих руках прибор. Он служит для определения активации полушарий головного мозга и позволяет определить склонности и способности человека. Каждому ребенку полезно тестироваться, – говорила Анастасия на собраниях и, видя в глазах слушателей тлеющий уголек сомнений, добавляла. – В его создании принимал участие лауреат Нобелевской премии Цигарелли Юрий Александрович...

Никакой Цигарелли это прибор не придумывал, но Анастасия не боялась разоблачения. Она знала, что в любой аудитории вряд ли найдется человек, который выставит себя непрофессионалом публично, задав ненужные вопросы. В маленьких городах народ пыжится, нагоняя на себя важность, поэтому большинство сочтет необходимым показать, что оно знает этого Цигарелли, а сомневающееся меньшинство, сочтет необходимым промолчать, чтобы не ударить лицом в грязь.

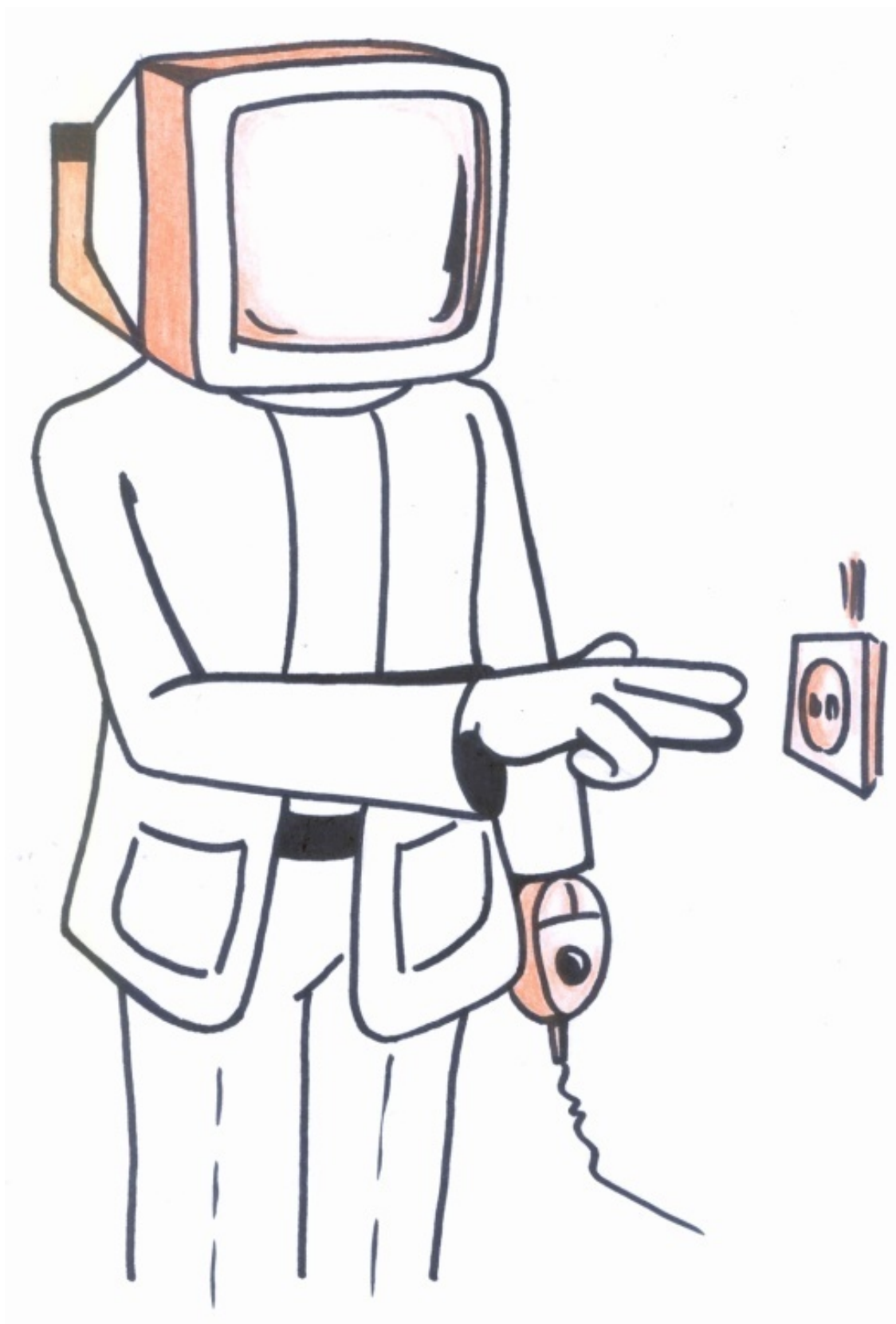
Прибор-зверь внешне являл следующее: два стрелочных прибора, шесть кнопок, две пары подпружиненных металлических пластин. Все предельно просто. Аппарат собрал хороший знакомый Анастасии, бывший радиолюбитель, из двух приборов для измерения обычных резисторов.

Анастасия ринулась на нефтегазовый Север в глухие поселки и небольшие города с ограниченным информационным полем и кучей денег. Обследование мозгов оказалось хлебосольным и денежным.

Технология внедрения была проста. Анастасия приходила на прием к начальнику Управления образованием, бесплатно замеряла умственный потенциал, давая при этом такую оценку, что начальница за голову хваталась, рдела и приговаривала:

– Да что вы! Да что вы! Такого быть не может.

- Прибор не ошибается. Технология точная. Вам с вашими умственными способностями надо не в захолустном городке подошвы снашивать, а в столичных кабинетах...
- Не говорите так... но вообще-то я всегда чувствовала, чувствовала...
- Каждый ощущает сокрытые под лобной костью способности, но гасим мы в себе, гасим, а там наверху одни обалдуи, были бы вы...
- Ах, только ах. Куда уже. Так что у вас?
- Хочу помочь детям. Сами видите, надо раньше распознавать...
- Конечно, конечно. Приходите на совещание...

На совещаниях в Управлении образованием собирался весь цвет школьного администрирования: директора, управленцы и приближенные к длани начальника Управления учителя.

– Эта чудесная женщина приехала к нам из северной столицы. Знакомьтесь. Анастасия. Она одержима миссией открытого диагностирования умственных способностей наших учеников. Это поможет им при выборе профессии. Правильно я говорю?...

– Все правильно, – соглашалась Анастасия. – Я вижу в этом зале столько заинтересованных лиц, столько умных глаз, что мне не терпится приступить к работе. Прибор просто супер...

В сложившихся условиях взаимодействий ступеней служебной лестницы происшедшее собрание послужило сигналом к действию. Информация пошла к учителям, к детям и родителям. Возле Анастасии в школьных коридорах стали выстраиваться очереди.

Следить за доходами граждан, организаций и предприятий – дело налоговых служб. С налоговой инспекцией, где никого не интересовали интеллектуальные способности, Анастасия договорилась денежно, а начальника налоговой полиции маленького нефтяного городка Анатолия Семеновича Ворованя тестировала на удивительном приборе. Он получил такие наилучнейшие оценки ума, что чуть таковым не тронулся. Анастасия протянула ему документы, тот мельком просмотрел, его внимание привлек паспорт, привязывавший прибор к такой высокой науке, как космонавтика.

– Вот это блин! Вы и летчиков тестируете? – восхищенно воскликнул он.

– Не я, – скромно отвела глаза Анастасия. – Прибор. Дуралеев за облака нельзя. Натворить могут.

– Верно. Я бы проверил им своих подчиненных, а то как бы не принять личностей...

– Пожалуйста, в любое время...

– Ну что ж, документы у вас в порядке...

Алик встретился с Анастасией в школе, где она тестировала детей. Он встал рядом и стал смотреть за ее действиями. Ребенок садился, опускал руки на клеммы, Анастасия записывала показания прибора на бумажке: одну-две цифры неряшливым почерком.

– Следующий! – покрикивала она, пока не заметила Алика. – Молодой человек, а вам что надо?

– Здравствуйте, я из газеты. Хочу подробнее узнать о вашей работе...

– Я занята.

– Готов в любое время...

Договорились встретиться в двухэтажной гостинице «Озерки», где Анастасия остановилась. Алик ушел, а дома достал измеритель сопротивления, взялся за клеммы...

Вечером он взбежал по мраморной лестнице на второй этаж гостиницы. Анастасия открыла, и Алик принялся играть роль преклоняющегося перед столичными гостями провинциала. Документы он просмотрел, показательно ахнул, но понял, что подделать таковые не многого стоит. Синие чернильные печати не произвели впечатления...

Примерно год назад Алик имел дело с печатями. После смены редактора газеты маленького нефтяного города Бредятина на Мерзлую Алику пришлось ехать в Екатеринбург, чтобы зарегистрировать новую газету и изготовить штамп. Дело в том, что Бредятин, слетев с кресла редактора, отомстил администрации маленького нефтяного города по-детски: не разрешил использовать старое название газеты, словно под столом ущипнул.

Командировка. Суточные. Алик остановился в Екатеринбурге у знакомых. На досуге нашел гостиницу дороже и, как обычно немного приплатив администратору, попросил выписать счет на проживание – для отчета по командировке. Администратор не отказала, тогда еще не было компьютеризированной системы учета жильцов, счет выписывался от руки на самой обычной молчаливой бумаге. Таких счетов можно было выписать сколько угодно. Получилась хорошая сумма, которую он прокутил. Но как часто бывает, только приехав на место, он узнал, что для официального изготовления штампа редакции ему не хватало некоторых документов, которые можно было взять только в маленьком нефтяном городе. Ехать назад? Время поджи-

мало. Алик дал взятку. Недорого. В переводе на бутылки водки – пять поллитровок. Штамп появился в рекордные сроки. Вот и все.

Алик посмотрел на солидные документы Анастасии с изрядной долей иронии, которую, впрочем, внешне никак не проявил, а наоборот – напросился на замер своих интеллектуальных способностей. Схватился за клеммы. Анастасия запела дифирамбы. Алик нажимал то сильнее, то слабее. Стрелка крутилась, соответствуя обычному измерителю сопротивлений. «Смотри-ка, умственный потенциал зависит от силы. Хотя сила есть – ума не надо», – мысленно поиронизировал Алик и перешел в наступление:

– Почему стрелка гуляет?

– К клеммам надо прикасаться очень легко, как к девушке, – фривольно ответила Анастасия, но в ее глазах промелькнуло сомнение.

– Как вы оцениваете данные, полученные в школе? Те цифры, что вы записывали...

– Есть вторая часть прибора. В нем цифры обрабатываются и даются точные рекомендации. Вам я сказала примерный результат, по памяти.

– Можно взглянуть на вторую часть прибора?

Второй части прибора не существовало, но объяснить сходу, как из цифр получаются рекомендации, Анастасия смогла, только придумав добавочный агрегат.

– Я сильно устала. Тяжелый день. Хотела бы отдохнуть, – нашла выход она.

Алик вынужденно ушел, а на следующий день объявился в Управлении образования.

– Вы проверяли организации, на которые ссылается Анастасия? – спросил.

– По Санкт-Петербургам звонить дорого, – ответили ему так весомо, что сразу стало понятно: мозговой потенциал здесь измерен...

Алик шел домой и размышлял: «Во дают! Управление образования! Экспериментаторы хреновы, поклонники новомодных программ! К работе с детьми допущен неизвестный человек с каким-то прибором и документами, не проверенный в плане источника своего возникновения. Зарабатывает на внушении умственных настроек в стиле экстрасенсов: туда – ходи, сюда – не ходи. И все смотрят на это спокойно. Заплатила она им или родственница чья-нибудь?»...

Анастасия тоже размышляла, но в автобусе. Она радовалась, что уехала с деньгами, и вредный журналист не успел причинить неприятности. Радовалась так, что вслух проговорила:

– Положила я на всех с прибором.

Слова потерялись в дорожном шуме.

В газете вышла статья «Акцептор и дети». Анастасия укутила, но притяжение богатого деньгами и олухами маленького нефтяного города не ослабло, оно манило проходимцев, как влечет беззащитный изобильный мед сладколюбивых насекомых. Примерно через год Алик встретился с подобным еще раз.

Той весной женщины, работавшие в редакции газеты, начали повально отправляться в декрет и рожать.

– Да что же это?! Как бы самой не заразиться! – покрикивала то одна, то другая.

Алику это не грозило, и он ходил посмеиваясь. Чередой шли дни рождения с хорошо сервированными столами: с водочкой, салатами и еще бог знает с чем. Женщины летали над пищей, как мухи, в хорошем смысле этого жужжащего слова. Журналистка газеты маленького нефтяного города и его признанная поэтесса, Нана Пролетаева, имевшая заметное садомазохистское отношение к жизни и мужу, готовила поздравительные стенные газеты. Алик сочинял стишки, похожие на сочный виноград или сливы тем, что где-то в теплых обжитых краях они были бы вполне обычными и средними, но здесь на Крайнем Севере становились своими, редкими и оттого необычайно сладкими. Роза успокоилась и иногда сама приходила на редакци-

онные гулянки. Петровна произносила умильные тосты. Угощались. Танцевали. И как-то в завершении одного из таких увеселительных мероприятий в редакцию зашли двое. Парень и девушка. Оба худощавые, фигуристые и гибкие, словно профессиональные акробаты.

– Мы хотели бы ненадолго отвлечь ваше внимание от стола и показать несколько фокусов.

Редакционный люд оживился. После обильных возлияний, танцев и разговоров, хотелось иных развлечений.

– Кто такие? Откуда? – начальственно спросила Мерзлая.

– Мы обладаем способностями, которые принято считать экстрасенсорными. Бытует мнение, что это врожденное, но нет. Этому можно научиться за деньги, – понес агитацию парень. – Мы хотим провести ряд мастер-классов в вашем городе.

– Так это ваши объявления расклеены на подъездах? – спросил Алик.

– Мы проводим набор в группы, где будем учить упражнениям, усиливающим активность мозга, его сверхчувствительность, – продолжил парень. – Сами с Украины. То, что преподаем, дорого стоит, но здесь работаем почти даром. Сейчас покажем несколько упражнений.

Парень закрыл напарнице глаза черным бархатным шарфом, концы шарфа завязал на затылке и, приблизив к ней руки, не касаясь, стал отталкивать, как это делают мимы. Девушка отклонилась назад, словно почувствовала на своей груди давление нежеланных рук и ступила назад, чтобы не повалиться на пол. Парень засучил руками к себе, будто сгребал в кучу невидимые богатства. Девушка повалилась на него, словно спиленный высокий тополь на стену недовольного его тенью многоэтажного дома...

«Телепаты хреновы», – подвел консервативный мысленный итог Алик, глядя на представление...

Тем временем парень закружился вокруг оси, проходящей через его макушку и копчик, как кура-гриль на вертеле, а девушка повторила его вращение, точно вторая кура-гриль на том же автомате. Он менял направление – девушка тоже. Он наносил удары. Девушка с завязанными глазами отбивала..., читала, обходила стулья и табуретки...

– И что? – иронично спросила Мерзлая.

– Напишите в газете о том, что увидели, – попросил парень.

– Документы у вас есть?

– Пожалуйста, сертификаты, дипломы...

«Опять...», – понял Алик...

Вечером он встретился с Мариной, рассказал. Марина рассмеялась.

– Вас что за недоумков принимают? – спросила она.

– Понятно, ловчат, но ведь с завязанными глазами, – напомнил Алик, желая услышать критику самого себя и подтверждения собственных догадок.

– Дай что-нибудь глаза прикрыть, – попросила Марина.

Алик снял рубашку, скатал в жгут. Марина завязала рукава на затылке и повторила все, что показывали экстрасенсы.

– Женщины умеют хитрить, – объяснила она. – В этих фокусах главное оставить небольшую малозаметную щелочку и иметь среди зрителей больше доброжелательных простаков.

– Насчет щелочки мне и так ясно, – отмахнулся Алик. – Пойдем лучше ко мне, Роза с сыном уехала к родителям на месяц...

Парочку, показывавшую фокусы, Алик в дальнейшем не встречал. Давали они мастер-классы или не давали, кто знает? За всем не уследишь, но больше они не приезжали – это точно. Видать, не нужно народу оказалось их сверхчувствительное умение, если б водку давали бесплатно или лечили от алкогольной зависимости, а то глупостями торговать...

НЕБЫВАЛЬЩИНА?

«Каждый сам порождает врага, от которого гибнет»

В редакцию газеты приходили письма, случались очень занимательные. Вот одно:

«Дорогая редакция, недавно со мной беда приключилась такая, что не пойму, то ли при-
снилось, то ли взаправду было.

Мы все выпиваем для расслабления и от тоски. На выходные я выкушал пол-литра и возвращался домой часов эдак в десять вечера. Иду, ни к кому не пристаю, никого не облаиваю. Культурно возвращаюсь. Живу я в двухэтажной деревяшке. Житие не ахти какое, почти трущобы. Терплю. Захожу во двор по снежной февральской тропке, протоптанной людом в обход вмерзших автомашин и наметенных ветрами сугробов. Темно. Было бы совсем слепотно, когда не горящие окна. И вот когда до подъезда моего оставалось-то бутылкой можно добросить, на меня напала собака. Сволочная – до невозможности: облаивала, норовила сзади за штанину ухватить. Я пнуть пытался, но резвая отскакивала. Ее хозяин из окна второго этажа на эту картину, оказалось, смотрел и, когда я поскользнулся, очень гадко захохотал, издевательски прямо-таки, а потом прокричал в форточку:

– Бубен, хватай его, хватай пьянь эту!

Мерзость, мелкая, куцая, бросилась на меня.

– Убери пса, не такой уж я пьяный! – отреагировал я, когда поднялся. – Не доводи, приходибу четвероногую. Что человека травишь?

– Не обращай внимания, она не кусается. Иди своей дорогой, – гаркнул он.

Но только я пошел, он опять:

– Бубен, задай!!!

Собака в подол моей дубленки вцепилась и рвет ее, рычит злобно. Поворачиваюсь, а она крутится, уцепившись сзади. Хозяин опять захохотал, но я каблуком достал-таки собаку. Отлетела она вместе с куском шубы и опять на меня с остервенением.

– Уйми гадину, – крикнул я, – найду, что потяжелее, и по башке дам.

– Смотри, как бы сам не получил, – крикнул он и ушел от окна.

Я уже приблизился к своему подъезду, отбиваясь от разъяренного пса, как почувствовал звучный щелчок по дубленке, будто кто камешком крепко попал. Глянул. Оказалось, хозяин собаки обстреливает меня из пневматической винтовки. Пульки стучали по шубе, отскакивали и терялись в сугробах. Не больно, но жутко обидно. Да и в глаз попасть мог. Куда ж я потом?

– Мужик, кончай ерундой заниматься! – крикнул я ему вполне пристойно.

– Убирайся домой, мутило!

За точность последнего слова не ручаюсь, возможно, прозвучало нечто худшее, я не сдержался.

– Сейчас в милицию позвоню, – пригрозил и поспешил домой под перестук пневматических пулек и лай сволочного пса.

– Звони. Мутозвон... – полетело мне вслед.

Подъездной дверью я отделил собаку от своего уже полупальто и быстрее в квартиру, к телефону, а потом во двор, чтобы встретить подкрепление. Милиция прибыла быстро. Ребята в форменных сине-серых телогрейках забежали в подъезд нарушителя моего спокойствия, а потом вышли на улицу и ко мне.

– Все в порядке, гражданин. Можете отдыхать, – сказал один.

– Что будет с хамом?

– А что с ним должно быть?

– Повлияйте. Он сущий дебош сотворил.

– Какой дебош? Ничего не было. Ты, мужик, выпил лишнего.

– Как не было?...

– Так не было. Выпил, иди и спи.

– Правды хочу... – настаивал я.

– Ах, правды... Полезай в машину.

Запихнули меня в милицейский «Уазик», по бокам сели два страшнейших мордоворота, коим только рэкетом заниматься, и повезли в отдел, приговаривая:

– Счас, мужик, посадим тебя в камеру к отбросам общества, похуже тебя. Поубираешь за ними мусор и отходы телесного производства, вмиг протрезвеешь и понятливым станешь.

В отделе меня оскорбляли, унижали, требовали отказаться от написания заявления на сволочного соседа со сволочной собакой, а моих грехов-то было, что выпил вечером, но не до потери же человеческого разума, а значит, и достоинства.

– Ты ж пьяный, какое заявление? – убеждали меня.

– Мы тебя палочками попрессуем, – утрашали меня.
– Гад меня собакой травил и пуляками. Его к ответу надо, – не сдавался я.
– К ответу так к ответу, – сказали мне. – Поехали на медицинское освидетельствование
– приравняем тебя к алкашам...

По дороге милиционеры меня опять обзывали:

– Мужик, ты полный мутак. Наверное, на учете состоишь? У тебя травм головы не было?
Не было? Значит, будут...

– Да у тебя, наверное, желтый билет...

– А ты, случаем, сам не кусаешься?..

В больнице тоже не церемонились, и я заявил:

– Добровольно на обследование не дамся. Совершаете насилие, так совершайте до конца.
Сказал и встал в оборонительную позу боксера.

– Как же кровь брать? Он ненормальный, – испугалась врач и отказалась ко мне подходить.

– Ну козел! Ну козел! – обозвали меня. – Бери его, ребята, и назад в отдел.

В отделе сызнова принялись унижать и страшить:

– Либо ты, башка сосновая, отказываешься от заявления, либо в камеру определим.

– От правды не откажусь. Делайте, что хотите, – не поддавался я.

С меня сняли обкусанную собакой дубленку и повели в камеру. На пороге приостановили, чтобы я послушал, как собравшиеся милиционеры обсуждали то, что меня ждет. Они жутко хохотали. Ко мне подошел страшный парень в гражданской одежде, может, переодетый мент, а может, и уголовник какой. Это порой сложно разобрать. Он оценивающе пуганул:

– Хороший мешок. Буду на тебе удары отрабатывать...

Но я, как Коперник перед сожжением, настроился на муки ради правды. Да хоть на крест. Меня заперли в камере... Спать не дали. Проскрипели засовы, и вновь на психические опыты.

– Ты еще намерен заявление писать? – спросили.

– Моей воли не сломить...

– Мы еще не начинали. Сейчас пойдешь в другую камеру, переориентируешься...

– Ничего, перетерплю. Раньше на кол сажали, а кол-то толще будет. За правду на все готов...

– Козел умнее будет! Что с таким делать? Может, ты голубой? Может, тебе этого хочется. Шиш! Не получишь. Ребята, в машину его, и назад...

Меня проводили пинками и привезли к дому. Там был и сосед, каковой собакой травил и из пулек стрелял. Двое моих сопровождающих приблизились к нему. До меня донеслось:

– Товарищ майор, ваш обидчик прямо хорек бешеный, не отказался от заявления, но можете отдыхать спокойно. Мы на него рапорт составили, что нашли в городе пьяным. Штраф выписали. Так что его заявление, если напишет, будет после нашего и без доверия.

Время за час ночи, а тут коррупция, созвучие власти против простого народа. Надежда на вас, газета. Фамилия одного, майора, на «К» начиналась. Другой – старшина, фамилия не прозвучала. Прошу помочь мне разобраться с памятью, потому как за правду я и под пульки, и под собаку, и под палки».

В редакции газеты маленького нефтяного города понимали, что письмо – правда, но связываться с милицией не хотели. Алик тоже. Дело казалось опасным. Журналисты выслушивали подобные рассказы, сочувственно качали головами и все. Только забывчивость и узколобые шоры помогают не чувствовать дискомфорта мук осознания несправедливости, творящейся рядом, а потом в редакции научись красиво отвечать на подобные письма. Примерно так:

«Мы разобрались с вашим случаем. Вы действительно были сильно пьяны, до темноты в глазах. На вас было изначально надето самодельное полупальто, дубленка приснилась. Стреляли из пневматического ружья не по вам, это вы стреляли по гулявшей на улице хозяйской

собаке. Милицию вызвали действительно вы, а когда вас забирали, вы кричали кому-то, глядя в небо: «Что из окна выглядываешь? Я еще доберусь до тебя, соседка!» Но никто из окон не выглядывал, только луна из-за туч подсвечивала. Вас попытались пристроить в психо-наркологическое отделение, но вы не ужились с местными пациентами. Сотрудники наркологии опять вызвали милицию, вас доставили назад в вашу квартиру, где вы и уснули. Искренне сочувствуем и просим впредь не напиваться».

Нельзя встречаться с такими людьми, как булочник Коновалов, санитарный врач Нашаров, обманщица с прибором Анастасия, изучать их и остаться ребенком, верящим в безоблачность жизни, в прекрасных и чистых людей. После таких встреч у Алика неизменно возникал вопрос: почему? Почему книги воспевают светлых героев и хорошие деяния, благожелатели призывают к доброте, святоши проповедуют красивые вечные истины и все мимо, или почти все мимо, как красивый туман над смертельной трясинной, как пригожая ткань, прикрывающая уродство. Когда понимаешь, что люди лезут во мрак и поклоняются дерьму, а призывают к свету, в душе возникает чувство неуверенности в собственных убеждениях.

Письма, приходившие в редакцию маленького нефтяного города с призывами о помощи. Как реагировать на них, зная, что там, куда призывает заглянуть адресат, царят недобрые законы? Сапа! Из всего окружения Алика в маленьком нефтяном городе только Сапа мог дать ответ на все эти «почему». Алик в это верил и искал предлога для сближения.

ИЗ БЫВШИХ

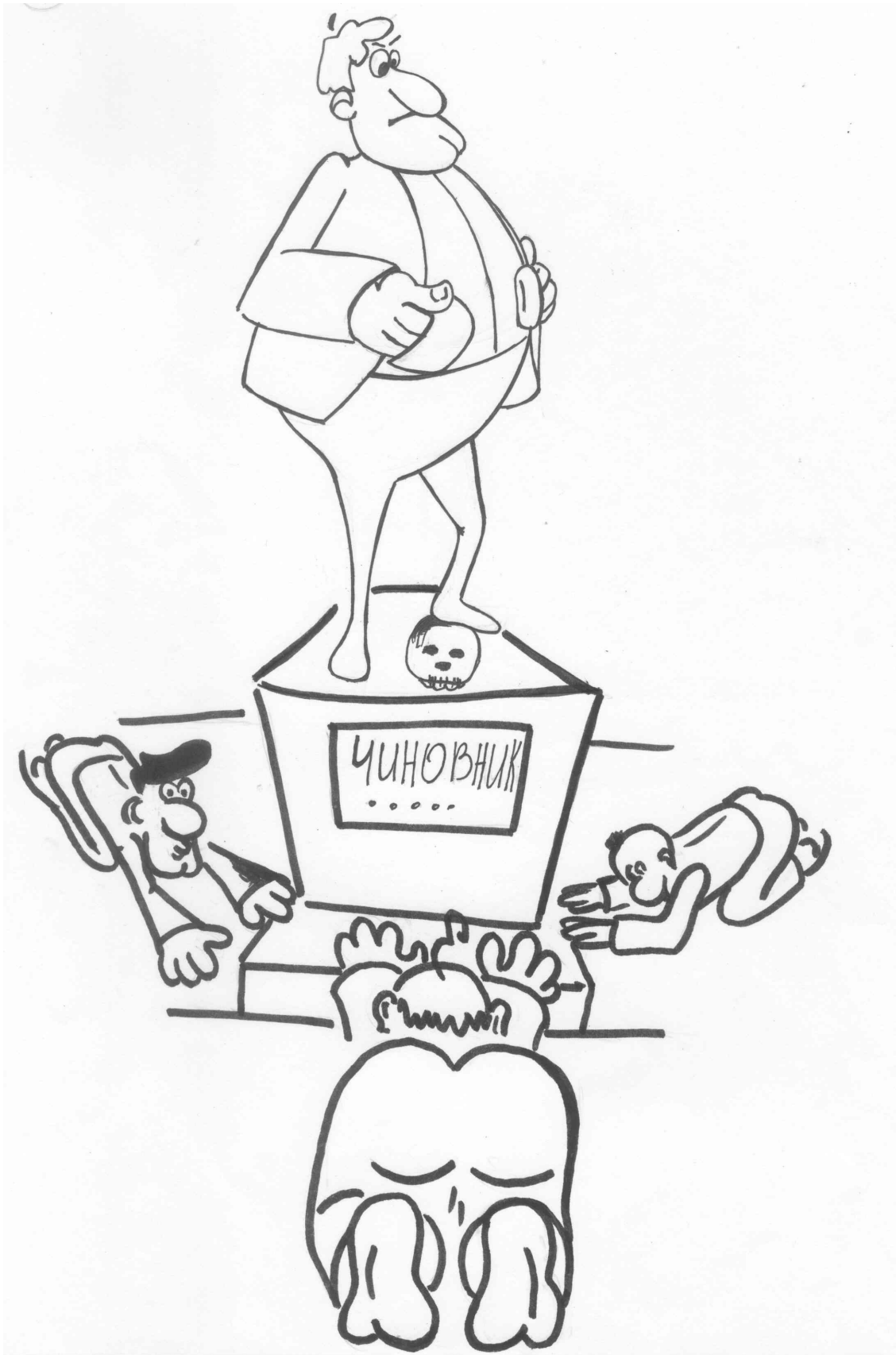
«Свергнутых вожаков либо приручают, либо ставят в музей, либо гонят прочь, опасаясь возврата»

Муж Петровны, работавшей в редакции газеты маленького нефтяного города, по имени Сапа, несколько лет назад работал на должности председателя Совета народных депутатов маленького нефтяного городка, и его лучшим воспоминанием о власти, точнее воспоминанием, наиболее часто приходившим на ум, стало возвращение домой из соседнего города.

Он был пьян до состояния перекасти поля, гонимого ветром куда придется, что в то время для него и многих других граждан считалось вполне нормальным состоянием. Тогда, после сухого закона и дефицита советских времен, на рынок хлынула всевозможная и даже немислимая водка и вино. Даже трезвенники соблазнялись рюмкой-другой.

Тело пьяного до бесчувствия Сапы покоилось на переднем сиденье автомобиля. На ухабах его хмельная голова соскользнула с подголовника и затрепыхалась бы, запрокинутая назад, на толстой шейке, как грузик на пружинке, если бы ее не подхватили заботливые ладони подчиненных, сидевших позади. Все два часа пути они нежно, но надежно держали голову председателя, глядя на его широкую плоскую лысину, похожую на блошиное футбольное поле, хотя блох у Сапы не водилось. Сам Сапа сквозь пьяные виденья вполне отчетливо ощущал эту заботу и возликовал.

– Холуи, холуи, не тревожьте солдат. Пусть солдаты немного поспят... – неразборчиво запел он, как рыба на воздухе.

Это воспоминание растягивало Сапины губы в лучезарной мечтательной улыбке, и его жиденькая бородка топорщилась, как колышки перьев на плохо ошипанной курице. Думы о прошлом теребили душу, напоминали о былом величии, когда именитые нынешние деятели

маленького нефтяного городка в числе полусотни народных депутатов покорно сидели перед ним и жадно вслушивались в каждое его слово. Сапа привлекал мудростью и начитанностью. Он хоть жил в маленьком городе, но не соответствовал образу типичного провинциала. Судьба занесла его на Крайний Север крутить гайки на месторождениях нефти из Самары, где он общался с сильными мира того, а все – неуживчивость.

Из-за ссоры с родителями Сапа променял крупное на мелкое и достиг вершин в омуте политического поприща маленького нефтяного города, но, когда возомнил, что перемены не напрасны, президент России расстрелял Белый дом и разогнал Советы народных депутатов по всей Руси.

Политическое падение болезненно и на мягкой болотистой почве. Сапа потерял положение и из-за конфликта с новым руководством маленького нефтяного города вынужден был искать прокорма за его пределами. Приезжал домой только на выходные, радовался хотя бы тому, что его жену Петровну не выгнали из редакции, и надеялся на реванш...

Дружбу Мерзлой Сапа приобрел легко. Обаял мыслями, интересными речами.

– Ответь, – попросил он как-то в редакционной курилке, где и ели, и пили, и сочиняли, и говорили, говорили, говорили – в общем, находились, так сказать, в творческом поиске. – Для чего ты выпускаешь газету?

– Чтобы люди знали правду, – высокопарно сказала Мерзлая, предварительно вздернув подбородок вверх и выпустив на направлении к потолку бесформенную струйку табачного дыма.

– Глупая, – отечески пожурил Сапа. – Не в этом цель газеты. Цель в том, чтобы зарабатывать деньги. Это обычное производство и должно выпускать не правду, а отпечатанную бумагу, которая продается, за которую платят деньги. Согласна?

– А как же читатели? – спросила Мерзлая. – Газета не может врать. Мы обязаны работать для людей.

– Кто говорит – врать? – спросил Сапа и улыбнулся, как будто услышал детскую нелепицу. – Надо фильтровать информацию и красиво сервировать газетные полосы. Главные деньги вы получаете не от читателя, а от городской администрации. Читатели деньги отсчитывают скупно. Стремитесь крепче понравиться хозяину, и только тогда ваше благополучие возрастет. Любая статья, появляющаяся в газете, должна работать на городскую администрацию. Любая. Либо текстом, либо расположением на полосе.

– Городская администрация не всегда справедлива, а коллектив редакции входит в состав соучредителей газеты. Мы имеем право на слово, – напомнила о правах Мерзлая.

– Лишнее слово – лишняя головная боль, – отмахнулся Сапа. – Ваше соучредительство – мое достижение. Городскую газету учредил Совет народных депутатов, и я, как председатель, на всякий случай в число соучредителей ввел коллектив редакции, но, откровенно говоря, на месте городской администрации я вывел бы вас оттуда. При чем тут вы, если они платят, а насчет того, что администрация ошибается, забудь. Хочешь работать, не позволяй твякаться...

Сапа ревностно проповедовал и со второй попытки провел Мерзлую в депутаты городской Думы. Он любил мыльные пузыри парадоксов, которые хотя и пусты, но привлекают внимание объемом и красотой. Он предложил Мерзлой баллотироваться в Думу в истрепанном народом и природой деревянных микрорайонах, где жил люд, озлобленный жизнью.

– Да это ж зона, трясина! Как собирать голоса?! Там черт-те кто живет! Не люди – собаки! – заохала Мерзлая, вспомнив устрашающие ряды угрюмых общежитий с темными, зашторенными проемами окон; разбитыми массой ног порогами, обтертыми руками, временем и непогодой дверями, скрипящими, грозящими развалиться, лестницами, падающими от легкого пинка унитазами, осклизлыми поржавевшими душевыми, разнокалиберными щелями в окнах, стенах, крыше, сквозь которые в общежитие залетал ветер, дождь и снег....

– Возьми для защиты мужа или кого другого. Не бойся. Там выиграешь без сомнений. Они проголосуют за критику, за правду, за перемены. Напиши в предвыборной агитации: «Деревяшки под бульдозер». Дай надежду. Отличный лозунг. Запиши, пока не забыла, – предложил Сапа.

– А как исполнять это обещание, как сносить? – спросила Мерзлая.

– Вначале в Думу попади. Обеспечь четыре года депутатства. Исполнять – дело десятое. Запомни: первый этап – захват власти, и лишь второй – удержание. Не исполнишь обещания, тебя просто не переизберут, а до этого дожить надо, – учил Сапа не совсем бескорыстно...

Мерзлая частенько приходила к Сапе, в его панельную железобетонную обитель, где они за кухонным столом, украшенным скромной закуской и бутылочкой малоградусной водки «Стопка» с дынным привкусом или советским шампанским, вели неглупые беседы. Беседы касались не только политики, но и тонкостей взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Тогда Мерзлая заразительно гортанно смеялась и игриво напевала, имитируя мотив известной кадрили: «Татарам даром дам, татарам даром дам...» Петровна наигранно при этом веселилась, но безумно ревновала и от бессилия в противодействии Сапиным чарам чрезмерно курила, потому что муж, выступавший в роли учителя, и его ученица, начальница и редакторша, уже не стеснялись и ее. И как-то, чтобы развеять заунывное одиночество в этом тройственном союзе, она позвонила Алику:

– Алик, здравствуй! Помнишь, ты просил меня сообщить, если в соседнем доме будут продавать разливное молоко? – спросила Петровна.

– Конечно! – радостно вскрикнул Алик, поскольку в то время, о котором идет речь, в магазинах маленького нефтяного города молоко появлялось крайне редко и многие покупали разливное молоко, привозимое директором подсобного хозяйства к себе домой во флягах.

– Трехлитровые банки есть, можешь не брать, – сказала Петровна излишне весело. – В общем, заходи в гости. Вот и мой Сапа тебя приглашает. Он еще утром говорил о любви к ближнему...

Бросить леща и клеща Петровна умела. Фраза про любовь возбудила интерес. Алик пошел, почти побежал, поскольку чрезвычайно уважал Сапу за башковитость немногих подслушанных речей. Он мечтал о дружбе. Для завязки отношений купил бутылку шампанского и коробку печенья.

На подходе к подъезду двухэтажного дома, где проживал Сапа с Петровной, фальшивую ноту в возвышенные хоры солнечного настроения Алика внесла пьяная разноголосица, летевшая со второго этажа. «Если это у Сапы, то можно возвращаться», – подумал он, но привыкший щупать – не пророк. Проверил. Оказалось – не ошибся.

– Аличек, милый, – пьяно улыбнулась Петровна, открыв дверь. – Заходи, заходи. Раздевайся.

– Я только банку возьму да дальше, – сказал Алик.

– Что, зря шампанское купил? – мило пожурила Петровна. – Немного погостишь и пойдешь...

На кухне сидел пьяный Сапа с Мерзлой. В комнатах сновали неразборчивые из-за табачного дыма силуэты женщин и мужчин. Низенький дядька с бородкой и гитарой, очень похожий на бомжа, энергично потряхивая головой и бросая острые взгляды из-под длинных патлатых нечесаных волос, пел про какашку, болтающуюся в проруби почему-то по воле броуновских стихий, а сам думал о своей судьбе и судьбе искателя правды, в конечном счете, сгоревшего на площади маленького нефтяного городка по причине самосожжения. Слова витиевато закрученного стиха можно было бы вывести из иносказаний в реальность и опрозить следующим образом:

«В конце восьмидесятых – начале девяностых двадцатого века всех переполняло чувство революционности происходящего. Казалось, простившись с социализмом, Россия непре-

менно войдет в светлое царство капитализма. Эйфория обманчива. У власти остались те же чиновники. Власть стала более алчной и изуверской. Чуваку казалось, что угроза самоубийства изменит общество. Никто не воспринял всерьез. Ранним утром на площади перед главным кафе маленького нефтяного городка чувак облил себя бензином и поджег. Факел вознес жизнь на небеса, оставив земле прах смерти. Перемен не произошло. Пошли пересуды: мол, с головой у чувака не в порядке. Все это подлость. Он быстро сделал то, что медленно происходит со всеми: мы все умираем от рождения. Отшумел митинг. Люди установили памятный знак. Милиция его убрала. Память не вечна. Пришли новые поколения, они тоже не знают, что делать, и болтаются в проруби».

В слова не вслушивались. Владычествовала та стадия веселья, на которой разливали быстро. Стрелы интересов Сапы всецело впивались в Мерзлую. На душевный разговор с бывшим председателем надежды не было. В голове Алика трепетала одна единственная мысль: «Как бы уйти, не оскорбляя столь изысканное для маленького нефтяного городка общество, на взаимность которого я питаю надежды?» Тем временем бомж опять затеребил гитару и вполне пристойно запел, шампанское кончилось, пошла водка. Разливное молоко перестало тревожить Алика.

– А теперь танцевать! – пропела Петровна.

Общество оживилось. Алик в суете спешил к коридору, как почувствовал мощную силу, развернувшую его на сто восемьдесят градусов. Перед глазами возникло круглое, бессмысленно улыбающееся лицо Петровны. Она импульсивно схватила Алика за плечи, порвонно привлекла к своей весомой груди и впиалась в губы. Взаимность. Сопротивляться бессмысленно. Петровна по своему живому весу не меньше, чем в два раза превосходила добычу. Чтобы не выглядеть жертвой насилия, Алик обнял Петровну и в ответ поцеловал. Глаза Петровны загорелись. Она сразу после школы угодила замуж и не познала периода, который называется «погулять». Эта сценка разворачивалась напротив кухни, где сидел Сапа и Мерзлая.

Мимо шмыгали платья и рубашки. Все сделали вид, что ничего не видели, а может, так оно и было.

Новая сила, сравнимая с мощью урагана, поднимающего в небо коров, потащила Алика по направлению к широко открытой двери в небольшую комнату, каковую в стандартных харьковских квартирках маленького нефтяного города принято отряжать под детскую. Она пустовала. Перед глазами Алика опять возникла улыбающаяся Петровна. «Это она меня тащит, – сообразил захмелевший Алик. – Ей понравилось целоваться и она хочет большего. Надо линять, иначе можно попасть под такой пресс, что насильный поцелуй будет выглядеть вполне дetsадовской забавой».

– Давайте еще потанцуем, – лукаво успел предложить.

– Ну, пойдем, – согласилась Петровна, отпустила молочного гостя и поплелась в зал...

«Забыла», – решил Алик, нырнул в кухню, выпил на посошок, распрощался в первую очередь с Сапой, метнулся в коридор, поймал ногами ботинки, накинул куртку, крикнул общее «До свидания» – и в двери, оставив Петровну в пьяных раздумьях...

Ночные улицы удивляли необычной яркостью и мимолетностью, тело напоминало необъезженного коня, мозг понимал через шаг. Алик шел по заснеженным тротуарам и тропинкам и призабыл о нежностях Петровны, о поцелуе, не оставивших в его душе ничего, кроме чувства неловкости, а зря. Он не подозревал, что цели визита к Сапе выполнены. Именно через этот поцелуй Алик обрел в будущем покровительство Петровны и получил долгожданные уроки Сапы, но это произошло в будущем, а в тот момент Алика из всех вариантов творчества привлекала поэзия и разоблачительные статьи, смахивавшие на изобретения. Вот и после угощения у Петровны он на ходу и спяну наговаривал давно написанный им стих:

Не начинайте предавать
Из-за внезапного желанья,
Ведь можно душу потерять,
Лишиться божьего призванья.
Не начинайте предавать
Из-за случайных увлечений
Или в стремленье убежать
От суеты и подозрений,
В тумане краткого порыва,
В незнание, выслушав совет,
Или сторонние призывы
Со звоном «бешеных» монет.
Не начинайте предавать,
Ведь только первый раз тревожно
Кольнет у сердца, и, как знать,
Расслышать этот знак возможно
Вам будет как-нибудь потом,
Когда утратится способность
Интуитивно знать о том,
К чему в душе таится склонность.
Не начинайте предавать,
Ведь это лишь в начале трудно,
Когда имеешь, что терять
И ложь не стала беспробудной.
Себя к себе вы возвращайте,
Когда расходитесь в судьбе,
И никогда не начинайте

Случайно изменять себе...

Многие женщины, читая вышеприведенные строки, думали, что Алик призывал не изменять женам. За это они боготворили его и уважали. Даже ревностная Роза успокоилась, когда прочла. Стих же на самом деле призывал не изменять в первую очередь себе, а что это значит – каждый и сам знает. Возникли же строки, о которых мы говорим, дома у Алика, на незастекленном балконе, на четвертом этаже, в зимне-вечерней тьме, в окружении звезд, сиявших в чистом небе, над снегом, отражавшим свет фонарей, с подсветкой из ярких электрических окон соседских домов, при наличии свежего бодрящего воздуха, вполне сносного мороза в минус двадцать и тишины... Перечислены не все слагаемые поэтического полета, потому что многого Алик не замечал и, не ведая истоков великого, всегда болтался между стихами и дерьмом рутинной ежедневной работы.

ВСПОЛОХИ

«На фоне темного грозового неба заметны только молнии»

После молочно-водочной встречи Петровна стала смотреть на Алика восхищенно. Алик воспринимал это как должное, принимал не замечая, иначе требовались действия. Говорят: о вкусах не спорят. Спорят, и еще как! Полные женщины не привлекали Алика, но, учитывая, что обожающий объект являлся коллегой, тем более старшим по должности, сказать было нечего, а тут перевод стрелок на час вперед. Алик допустил ряд ошибок в материалах.

– Что-то не то, Алик, в твоих глазах, – заметила Петровна, намекая на его влюбленность, естественно, в себя.

Однако озорничал апрель. Приближались выборы. Это всероссийское предприятие вбирало и перерабатывало нефть не хуже мощного нефтезавода, вот только в результате получался не бензин и солярка, а побочный продукт российской нефтехимии – президент, министры и депутаты. Из-за этого в маленьком нефтяном городе денег на жизнь катастрофически не хватало и Алик бегал по ближайшим подъездам, продавая неучтенные газеты, выпущенные сверх тиража. По пятаку набиралась сумма на хлеб, колбасу. Встречи с людьми дышали разнообразно...

Весна принесла многочисленные дни рождения. В один из таких дней Алик понял, кого вскормили на праздничных отходах. Едва редакционные женщины ушли из празднично-застольной комнаты, как шестиногие коричневые хищники вылезли из укрытий и набросились на яства. Алик кинулся на оборону стола. На помощь прибежала Петровна. Тараканы не обращали внимания. Перелом в схватке с насекомыми наступил, когда Алик с Петровной схватили металлические ложки и стали энергично стучать ими по керамическим тарелкам. Тараканы побежали из гущи котлет, ломтиков колбасы и апельсинов, как бояре на колокольный звон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.